

Томас Купер

В защиту материализма

Собрание сочинений

Перевод с английского

Echafaud - 2026

Томас Купер

В защиту материализма / пер. с англ. Friedrich Hohenstaufen.
Киев.: Echaud, 2026 - 204 стр.

Эта книга представляет собой сборник нескольких отдельных статей американского материалиста Томаса Купера (1759-1839). Некоторые фрагменты переводятся впервые, а некоторые уже переводились раньше, и доступны во втором томе «Американских просветителей» (1969). В этом сборнике все переводы сделаны заново, поэтому они стилистически отличаются. Во всех приведенных здесь текстах Купера мы видим бескомпромиссного и последовательного материалиста, наследника традиций Коллинза, Гартли и Пристли, который уже хорошо обозначен о французских идеологах, и активно пропагандирует их идеи на территории США. Не удивительно, что Купер поддерживал дружеские отношения с президентом-эпикурейцем Томасом Джефферсоном.

Читая этот сборник, не трудно заметить, что Купер хорошо обозначен о спорах на континенте, которые поднялись вокруг сочинений Лоуренса; и он отлично осознает, что во Франции всё ещё существуют наследники школы идеологов, и после смерти Кабаниса и Дестюта де Траси, там творят такие физиологи и врачи, как Мажанди, Ришеран и Бруссе. Встраивая себя в эту традицию, Купер показывает, что он держит руку на пульсе европейской культуры и знает обо всех новейших достижениях материалистической школы. Правда, в некоторых отношениях его философский подход страдает от недостатков. Во-первых, вслед за Бруссе, он слишком доверяет френологии Галля; во-вторых, он пытается примирить материализм с христианством, как делали его кумиры Гартли и Пристли, и как делал сам Томас Джефферсон. Поэтому философия Купера близка христианскому материализму в духе Томаса Белшема. Ну и в третьих, он разделял все расистские предрассудки ученых-физиологов того времени, и будучи жителем Юга США, сам торговал рабами.

Но даже несмотря на все это, Купер крайне ценный автор для истории материалистической мысли, и сохраняет больше здравомыслия, чем большинство его современников.

Больше информации об этом авторе и его единомышленниках в разных странах Европы и США можно узнать на сайте ru.echaud.org

Содержание

Содержание.....	3
Очерк полемики по вопросу о материализме (1787)	4
О материализме.....	8
О невозможности существования нематериальной, неразложимой и бессмертной души.	14
Косвенные соображения неправдоподобности имматериализма.	22
Разбор аргументов противников материализма.	47
Предисловие к переводу книги Бруссе «О раздражении и безумии» (1831)	66
Предисловие к собранию статей Купера (1831)	71
Библейское учение о материализме (1823)	75
Предисловие	75
Краткий обзор библейского учения о материализме.....	76
Приложение о духовенстве.....	101
Отзыв Томаса Джефферсона (1823).....	107
Обзор метафизических и физиологических аргументов в пользу материализма (1781, переиздано с дополнениями в 1823)	110
О душе	110
Очерк об ассоциации идей (1823)	164

Очерк полемики по вопросу о материализме (1787)

Я не вполне уверен, что смогу сказать по этому поводу что-либо совершенно новое; однако к написанию данной работы меня побудили следующие причины. 1. Явления, именуемые **ментальными** (душевыми), служат частой темой для обсуждения в нашем обществе; и поскольку у меня есть основания полагать, что до сих пор я был одинок в своих воззрениях касательно объяснения этих явлений, а также ввиду того, что со словами, выражающими мои общие взгляды на этот вопрос, обычно связывают весьма неблагоприятные представления, я счел уместным подробно и от своего собственного имени изложить свои взгляды, чтобы по возможности оградить себя от последствий ложного их истолкования. 2. Станут ли мои суждения новостью для широкой публики или нет, но я убежден, что они будут в новинку по меньшей мере для большинства членов нашего общества, обыкновенно присутствующих на собраниях. 3. Учение **материализма** считается столь явно и заведомо необоснованным, а последствия его — столь ужасными в глазах тех, кто не знает о нем ничего, кроме самого названия, что я нахожу полезным доказать обратное в кратком очерке. Он может послужить на пользу тем людям, кто никогда не отважился бы на прочтение целого тома по данному предмету. 4. Об учениях материализма и имматериализма написано уже так много, что аргументы с обеих сторон, как я полагаю, давно нуждаются в сжатом и систематическом изложении.

Но уместно ли предавать огласке мнение, которое, будь оно даже истинным, может быть неверно истолковано, и которое, будет ли оно истинным или ложным, способно привести к безнравственным последствиям?

Материалист будет отрицать, что этот вопрос применим к его убеждениям; имматериалист станет утверждать обратное. Но касается ли это взглядов, которые я защищаю, или тех, что я оспариваю, — на это столь часто намекали в различных сочинениях по самым разным поводам, и столь настойчиво указывали мне в настоящем случае, как на дело чрезвычайной важности, что я считаю необходимым выска-

заться по этому предмету, прежде чем перейду к основной теме эссе. И делаю я это тем охотнее, что полагаю общепринятое мнение ошибочным.

Итак, на поставленный вопрос я отвечаю: безусловно, да. Во всех без исключения случаях целесообразно, чтобы мнение, которое считается важным и признается истинным, было обнародовано повсеместно. Подобное мнение, в конечном счете, должно быть либо истинным, либо ложным. Если оно ложно, то это либо обнаруживается со всей очевидностью, либо же в его защиту могут быть приведены правдоподобные, но обманчивые доводы. Предположим, однако, что оно истинно; в таком случае:

(1) Всегда более благотворно распространять истину, нежели заблуждение; если же истину утаивать, то тем самым фактически распространяется заблуждение. (2) Хотя от распространения истины порой и могут возникнуть некоторые неудобства, то же самое случается и с самыми важными и полезными истинами, которые нам известны; так что этот аргумент доказывал бы слишком многое. (3) Каковы бы ни были неудобства, возникающие на первых порах от распространения любой важной истины, они, как и все прочие неудобства, устраняются сами собой при естественном и обычном ходе вещей. Таким образом, конечный результат всякой истины должен быть безусловно благотворным. (4) Обнародование истины само по себе есть несомненное благо; неудобства же, которые могут из того проистечь, носят лишь предположительный характер. Потребовались бы самые веские причины, чтобы заставить подавить верное благо из страха перед лишь возможным злом. (5) Считается твердо установленным, что нельзя оспаривать пользу какой-либо вещи, основываясь лишь на возможности злоупотребления ею. (6) Среди бесчисленного множества опытов, произведенных над распространением истины, нельзя привести ни одного (насколько я помню), в котором расширение истины не принесло бы больше пользы, чем вреда. (7) Довод против целесообразности разглашения мнения (даже если оно истинно) из-за возможности его искажения настолько избился и так часто служил последним прибежищем для разбитых защитников политической и духовной тирании, что любой образованный человек, прослеживавший историю любого важного мнения — этического, богословского или политического — отвергает его как признак дурной позиции, как последнее убежище отступающего заблуждения. (8) Всё это стало настолько очевидным, что

законодательные органы каждого государства Европы (хотя в целом они и склонны к любым ограничениям гражданских и религиозных свобод) при нынешнем высоком уровне просвещения были вынуждены смягчить прежнюю суровость к проповедникам новых идей. Они обнаружили, во-первых, что разум всякого здравомыслящего и благородного человека восстает против подобного стеснения; а во-вторых, что многие мнения, прежде почитавшиеся крайне опасными и ложными, на поверку оказались самыми верными и благотворными.

До сих пор я рассуждал в предположении, что оспариваемое мнение является истинным. Но предположим, что вы считаете его ложным. Тогда: (1) Если оно столь явно и очевидно ложно, что не требует никакого опровержения, то исчезают и всякие причины противиться его обнародованию, ведь, согласно самому этому допущению, оно не может причинить вреда. (2) Но предположим, что в его защиту могут быть приведены правдоподобные и остроумные доводы. Тем не менее, каждый из изложенных выше аргументов остается в силе в отношении того, кто принял это мнение; ведь каждый человек должен в конечном счете мыслить сам за себя, и судить сам за себя, а не предоставлять это другому. И пусть даже суждение его ошибочно, всё же, как признается повсеместно, ошибочная совесть является обязательной для человека. Таким образом, если предыдущие доводы верны, то с точки зрения нравственности он, в силу морального долга, обязан обнародовать принятое им мнение, если тому не препятствуют прочие обстоятельства. (3) Поскольку истина всегда выдерживает открытое обсуждение, то нет сомнений, что любое заблуждение в конечном счете будет опровергнуто, коль скоро оно будет предано огласке; тем более что защищать истину во всех случаях несравненно легче, нежели защищать ложь. (4) Чем строже скрывается ложное мнение, тем менее вероятно, что истинное мнение станет известно свету. Многие важные истины получили широкое распространение именно благодаря разбору противостоящих им заблуждений. Полагаю, я вправе утверждать, что, если бы, к примеру, сочинения английских деистов никогда не увидели света, то девять десятых рациональных христиан нынешнего века были бы деистами. (5) Там, где под предлогом мнимой нецелесообразности скрывается правдоподобное, но ошибочное мнение, оно гораздо более вероятно принесет вред, чем если бы оно стало явным; потому что среди тех, кто склоняется к истинному мнению, многие не утвердятся в нем окончательно из-за кажущихся убедительными дово-

дов противной стороны. С другой же стороны, многие склонятся к заблуждению или же вовсе примут его в силу подобных доводов, которые едва ли могут быть опровергнуты, пока они скрыты от публичного обсуждения. (6) Не может быть никакого рассуждения, если в качестве его предмета не выступают одновременно мнение ложное и мнение истинное. Ныне же из всеобщей истории словесности доподлинно известно, что разбор любого суждения обыкновенно выявляет попутно немало важных истин, которые никогда не были бы познаны или замечены, если бы обсуждаемое заблуждение не было прежде выдвинуто. Исходя только из этого источника, я не сомневаюсь в возможности доказать, что провозглашение всякого ложного мнения по важным предметам принесло, в конечном счете, гораздо больше пользы, нежели вреда. Реформация, к примеру, была обязана своим появлением главным образом этой причине.

Таковы основные доводы, на которых я основываю убеждение в целесообразности обнародования любого мнения по важным вопросам, какова бы ни была его истинная или предполагаемая направленность. *Magna est veritas et praevalerebit* (Велика истина, и она восторжествует). В самом деле, если бы меня спросили, какое суждение от сотворения мира и до нынешних дней принесло больше всего вреда, я бы ответил без малейшего колебания: «мнение о нецелесообразности публикации суждений, имеющих якобы дурную направленность». Именно это убеждение на протяжении семнадцати столетий почти непрерывно заливало Европу кровью; ведь именно оно вызывало позорное и тираническое вмешательство светской власти в дела, являющиеся предметом лишь для ученых споров. Верховные служители народа почти в каждой стране земного шара, в течение этого долгого времени, с неотомимым упорством повторяли кровавый опыт, стремясь силой оружия подчинить своих сограждан к безмолвию и единообразию, однако без особого успеха. Слава небесам, что постоянные неудачи и более широкое распространение знаний заметно охладили это рвение, особенно в нашем отечестве. И я надеюсь, что не далек тот день, когда признанной аксиомой в политике станет убеждение, что лишь поступки, а не мнения, являются законным предметом вмешательства властей.

О материализме; или о том мнении, согласно которому феномены, называемые МЕНТАЛЬНЫМИ, зависят от свойств, с необходимостью вытекающих из единой организации, без помощи отдельного нематериального начала.

Прежде всего я хотел бы заметить, что во всех случаях, когда существование каждой из двух вещей взаимно зависит от существования другой, отсутствие одной из них неизбежно влечет за собой и отсутствие другой. Сторонники доктрины имматериализма отрицают, что материя или какая-либо её модификация способны сами по себе порождать явления, именуемые ментальными; а потому они призывают на помощь нечто, не являющееся материей, то есть нематериальную субстанцию. Более того, материя во всех её модификациях, с которыми мы знакомы, является делимой или разрушимой; но поскольку душа, или нематериальная субстанция, не обладает свойствами, присущими материи, и поскольку принято полагать, что она продолжает существовать и тогда, когда модификация материи, что называется телом, разлагается и разрушается, то сторонники её существования повсеместно считали душу по необходимости неделимой и бессмертной в силу её нематериальности. Отсюда следует, что если окажется необоснованным хотя бы одно из этих свойств — будь это её неделимость, бессмертие или нематериальность, — тогда и само существование субстанции, наделенной этими свойствами, тоже лишится всякого основания. А теперь я перехожу к прямому доказательству учения материализма.

Единственное основание, по которому мы в любом случае утверждаем, что некое качество является свойством предмета, — это неизменность или всеобщность, с какой мы всегда находим их сопутствующими друг другу. Так, мы говорим, что золото ковко, поскольку всегда находим чистое золото именно таковым; по той же самой причине мы заявляем, что навоз питает растение, что мышечные волокна обладают раздражимостью, и так далее. Более того, обнаруживая на опыте, что всё зримое нами имеет некую причину своего существования, мы приходим к тому, чтобы приписывать постоянное сопутствие субстанции и любого из её свойств некой необходимой связи между ними. Отсюда, следовательно, *«неизменность или всеобщность является единственным основанием для утверждения в любом случае необходи-*

мой связи между двумя явлениями». Таким образом, существует необходимая связь между таким строением, каким обладает **мозг**, и свойством воспринимать или сознать впечатления, производимые на органы чувств; ведь здесь наличествуют в точности те же самые основания для этого утверждения, что и для любого иного, даже самого бесспорного — а именно та достоверность и неизменность, с какими мы наблюдаем, что восприятие и мозг всегда сопутствуют друг другу.¹

¹ Причину, по которой данное утверждение ограничивается лишь мозгом, можно найти у авторов трудов по анатомии и физиологии, которые в настоящее время, по-видимому, считают вопрос решенным: именно мозг является средоточием чувствительности. Все возражения против такого ограничения подробно разобраны в «Физиологии» Галлера, в книге X (от § 12 до § 36). Краткое же доказательство состоит в следующем: любое впечатление, производимое на наши органы чувств, прежде чем оно будет воспринято, воздействует на соответствующие им нервы. От самого окончания нерва путь впечатления можно проследить до мозга, но не далее; ведь если перерезать какой-либо нерв между мозгом и тем местом, где возникло впечатление, то часть тела ниже разреза совершенно утрачивает чувствительность. Так, если перерезать седалищный нерв, конечность ниже разреза разбивает паралич. Если же нерв не перерезать, а лишь крепко перевязать, наступит то же следствие, пока наложена перевязка; способность же передавать впечатления в мозг или вызывать их восприятие возвращается, стоит лишь ослабить лигатуру. Точно так же и сдавление спинного мозга приводит к параличу нижних конечностей. Тот факт, что произвольное движение зависит от мозга, доказывается следующим образом. Если нерв перерезать или перевязать, все части тела, снабжаемые разветвлениями нерва выше места перевязки (то есть ближе к мозгу), сохраняют способность двигаться, как и прежде; те же, что питаются отрезком нерва ниже перевязки, поражаются параличом. Более того, во всех случаях паралича или апоплексии при вскрытии обнаруживались повреждения мозга. Любые лекарственные средства, воздействующие на нервную систему в целом и, следовательно, на мозг, вызывают соответственные перемены в явлениях восприятия и произвольного движения. Наконец, всякое повреждение, нанесенное мозгу, влечет за собой либо расстройство, либо полную утрату этих способностей. Суть возражений, приводимых Галлером и иными авторами, заключается в том, что части как коркового, так и мозгового вещества порой разрушались или повреждались без потери восприятия; что встречались нагноения в мозговом веществе, проникавшие даже в желудочки, и даже скирр (рак) мозжечка, не приводившие к не-

Я полагаю, что этот аргумент неопровержим, если только не будет ясно показано, как восприятие с необходимостью проистекает из чего-то отличного от мозга, и от него не зависящего, можно ли это показать или нет; или если не будет указано, что тот факт, что восприятие является результатом деятельности мозга, подразумевает противоречие, и поэтому во всех случаях недопустимо. То, что определенность или всеобщность сопутствия является единственным основанием для утверждения необходимой связи между двумя явлениями, или же то, что одно есть следствие другого, настолько очевидно, что если бы это было ложным, то ни одно индуктивное умозаключение не могло бы считаться истинным; ведь всякое доказательство, основанное на индукции, предполагает истинность нашего положения. А поскольку никто еще не пытался обнаружить прямого противоречия в утверждении, что восприятие является результатом нашего физического устройства; и поскольку ни один приверженец имматериализма до сей поры не брался объяснить, как именно восприятие рождается ско-

медленной смерти. Все эти факты обычно рассматривались как аномалии, не имеющие достаточного веса, чтобы опровергнуть выводы, основанные на бесчисленном множестве противоположных примеров. В дополнение к этому замечу, что мне не встречалось ни одного описания поражения бугорков, из которых берут начало нервы, а также ножек мозга, варолиевого моста или продолговатого мозга без смертельного исхода; каковой, как я полагаю, последовал бы почти немедленно и при любом значительном повреждении спинного мозга выше места вхождения возвратного нерва. И во всех случаях, приводимых в качестве возражений, за повреждением следовала некая утрата восприятия или произвольного движения, соразмерная тяжести травмы и важности пострадавшей части. Впрочем, для материалиста не столь существенно, достаточно ли фактов, чтобы ограничить область восприятия всем мозгом целиком, лишь некой его частью или же нервной системой в целом. Его единственная задача — доказать, что феномены мышления суть необходимый результат впечатлений, производимых внешними объектами на нашу телесную систему, не допуская при этом существования отдельной нематериальной сущности для объяснения этих явлений. Данное утверждение ограничивается лишь способностью к восприятию или же осознанию впечатлений, воздействующих на наши органы чувств, поскольку я полагаю, что все прочие феномены мышления естественным образом проистекают из этих воспринятых впечатлений, о чем я упомяну ниже.

рее в нематериальной субстанции, чем в материальной, — в действительности больше не требуется ничего, чтобы доказать, что восприятие есть результат нашего телесного строения. Однако, сколь бы справедливой ни была главная посылка этого рассуждения, мне встретились некоторые возражения против нее, на которых будет уместно остановиться.

«Опыт, — говорит доктор Прайс,² — учит нас тому, что осуществление умственных способностей зависит от мозга и нервов, но вовсе не тому, что разум и есть сами мозг и нервы. <...> Равным образом, из факта зависимости реальных ощущений и мыслей от мозга, у нас не больше оснований заключать, будто мозг и есть разум, чем их было бы у дикаря — никогда не слышавшего игры на клавесине, и не видевшего руки музыканта — повода решить, что инструмент играет сам по себе и сам же является музыкантом, лишь на том основании, что он может проследить происхождение всех звуков до самого инструмента и видит, что когда струны приходят в расстройство, то музыка искажается или вовсе прекращается».

Доктор Прайс также замечает, что при тех допущениях, которые сам он оспаривает, не может быть представлено никаких доказательств бытия Божества. — На это мы дадим следующий ответ: (1) Если бы при исследовании не удалось обнаружить никакой посторонней причины звука, то было бы правильно заключить, что звук является результатом механизма инструмента. (2) Во многих хорошо известных случаях доктор Прайс и сам пришел бы к такому выводу: как, например, в обычных примерах с мелодиями, проигрываемыми часовым механизмом. (3) Подобным же образом было бы разумно заключить, что **Вселенная — это Божество**, или что не существует никакой иной причины явлений, кроме самой Вселенной, если бы при исследовании не удалось обнаружить никакой причины для существования какой-либо другой причины. (4) Мнение доктора Прайса в данном случае привело бы нас к выводу, что тяготение вызвано некой нематериальной субстанцией внутри Солнца; а магнетизм — некой нематериальной субстанцией внутри магнитного камня, и так далее; ведь логи-

² Полемика с Пристли, с. 89.

ческое обоснование в этих случаях столь же затруднительно, как и в остальных.

Другое возражение, более тонкое, но столь же ошибочное, заключается в следующем: неизменность или всеобщность сопутствия не является достаточным основанием для утверждения необходимой связи между двумя явлениями, даже в случаях математического доказательства; так, три угла треугольника неизменно и во всех случаях равны двум прямым углам; однако между треугольником и прямым углом нет никакой связи; один вполне может существовать без другого.

Здесь мой ответ таков: связи между треугольником и прямым углом действительно не существует; они также не являются неизменными и повсеместными спутниками друг друга. Да и не могут они быть таковыми, если одно способно существовать в отсутствие другого. «Два прямых угла» — это лишь иные слова, служащие для пояснения того, что пространство, занимаемое тремя углами треугольника, по своей величине равно пространству, занимаемому двумя прямыми углами. Когда три угла треугольника действительно сравниваются с двумя прямыми углами, это равенство занимаемых пространств всегда обнаруживается как неизменное и повсеместное совпадение, а потому оно и утверждается. Таким образом, аргумент, доказывающий, что восприятие является результатом нашего органического устройства, если очистить его от возражений, звучит так: *Неизменное и всеобщее сопутствование двух или более явлений — вот единственное прямое основание, позволяющее нам утверждать наличие необходимой связи между ними.*

Способность к восприятию и здоровое состояние мозга всегда и неизменно сопутствуют друг другу; отсюда следует, что это неизменное и всеобщее сопутствование есть единственная прямая причина, по которой мы утверждаем существование необходимой связи между способностью к восприятию и здоровым состоянием мозга. Но эта причина ничем не отличается от той, на основании которой мы признаём необходимую связь между любыми иными явлениями; а следовательно: у нас имеются те же самые основания утверждать наличие необходимой связи между способностью к восприятию и здоровым состоянием мозга, что и для любых других явлений, в чем бы они ни заключались.

Во всех тех случаях, когда необходимая связь между двумя явлениями такова, что одно из них именуется свойством, а другое — субъ-

ектом, которому это свойство принадлежит, принято считать, что свойство неизбежно вытекает из самой природы или сущности данного субъекта. Поскольку же восприятие должно быть свойством чего-либо, и поскольку оно неразрывно связано со здоровым состоянием мозга, то **восприятие и есть свойство мозга**, а значит, с необходимостью проистекает из его природы или сущности. Таково самое прямое и верное доказательство доктрины **материализма**, которое, насколько мне позволяют судить познания об этом споре, до сих пор остается без ответа. Однако, эта доктрина получит значительное дополнительное подтверждение в свою пользу, если удастся показать невозможность или невероятность противоположной доктрины имматериализма; я намерен приложить усилия, чтобы доказать и то, и другое.

О невозможности существования нематериальной, неразложимой и бессмертной души.

I.

1. Душа либо обладает всеми свойствами материи и никакими иными;³ либо имеет некоторые общие свойства с материей, и некоторые другие, материи не свойственные; либо же она вовсе не имеет ни одного общего с материей свойства.

2. В первом случае она явно материальна во всем: ведь нам ничего не известно о материи в целом, или о каком-либо её виде в частности, кроме как посредством её свойств. Если мы видим, что некая субстанция обладает всеми свойствами золота, то мы называем её золотом; если же душа обладает всеми свойствами материи и никакими иными, то на том же основании она есть материя и ничто другое.

3. Но предположим, что душа обладает как некоторыми свойствами материи, так и свойствами, ей не присущими. В таком случае, в той мере, в какой она имеет общие с материей свойства, она материальна по вышеизложенной причине; в той же мере, в какой её свойства отличны от свойств материи, рассмотрение её относится к следующему из предложенных вариантов.

4. Предположим теперь, что душа не имеет ни одного общего свойства с материей; тогда:

³ Полагаю, что именно Керси первым изобрел метод фиксации последовательных шагов в алгебраическом процессе. Часто случается, что при рассмотрении любого предмета (за исключением, быть может, математики или естественной философии) суждения излагаются столь многословно и повторяются так часто, а многие из них собраны в одном абзаце таким образом, что нелегко понять — когда автор говорит «из сказанного следует и т. д.», — из какой именно части изложенного выводится это заключение. Потому мне пришло на ум, что регистрация этапов аргументации в любом вопросе часто облегчала бы его обсуждение, вобрав в себя большинство удобств и избежав почти всех недостатков методов старых схоластов; это, несомненно, способствовало бы разоблачению софизмов и прививало бы привычку к точности выражений. В качестве опыта я предпринял несколько таких попыток, а насколько успешно — судить об этом другим.

5. Ничто не может воздействовать на что-либо иное иначе, как посредством некоего общего свойства. В пользу этого суждения мы имеем не только все те доказательства, которые может предоставить индукция на основе известных и признанных случаев, но и то дополнительное свидетельство, что проистекает из невозможности даже вообразить, каким образом противоположное утверждение могло бы оказаться верным.

6. Но, согласно нашему предположению, душа не имеет ни одного общего свойства с материей;

7. Следовательно, душа не может воздействовать на материю.

8. Однако, согласно положениям всякой системы имматериализма (за исключением систем Мальбранша, Беркли и Лейбница, о которых я не намерен сейчас говорить), считается неотъемлемым свойством души то, что она воздействует на тело или на материю.

9. Следовательно, душа может и в то же самое время не может воздействовать на материю в одном и том же отношении.

10. Но это — противоречие в самих терминах;

11. И поскольку два противоречащих утверждения не могут быть истинными одновременно, то предположение о существовании нематериальной души не может быть верным; или иными словами:

12. Души не существует.

II.

1. Всё то, что нам известно, мы познаем лишь через свойства вещей; и ни в одном случае мы не знаем достоверно ничего, кроме этих самых свойств. Во всех обстоятельствах мы заключаем о бытии любой вещи, которую полагаем существующей, лишь на основании наличия её свойств.

2. Одним словом, наше представление о любом предмете складывается из совокупности наших представлений о его свойствах. Золото — тяжёлое, ковкое, вязкое, непрозрачное, жёлтое, растворимое в «царской водке» и так далее. Теперь же представим на мгновение, что золото лишилось всех этих качеств, и перестало быть тяжёлым, ковким, вязким, непрозрачным, жёлтым, блестящим или растворимым. Что же останется? Будет ли это золотом? Разумеется, нет. Если предмет обладает иными свойствами, то это уже иное вещество. *Impossibile est idem simul esse et non esse* (Невозможно одному и тому же одновременно но быть и не быть).

3. Если же у него вовсе не останется свойств, тогда оно обратится в ничто. Ибо ничто — это именно то, что не наделено никакими свойствами. Следовательно:

4. Если какая-либо вещь утрачивает все свои свойства, то она становится ничем; другими словами, она прекращает своё существование.

5. Стало быть, существование души выводится — подобно бытию любой иной вещи — из ее предполагаемых свойств, каковыми являются акты мышления: **восприятие, память, суждение и воля.**

6. Однако, находясь в состоянии глубокого сна, при действии сильного наркотика, при апоплексии, обмороке или утоплении (когда жизненные силы еще не вполне угасли), а также вследствие сильного удара в затылок и при любых иных подобных состояниях — не обнаруживается ни восприятия, ни памяти, ни суждения, ни воли.

7. Иными словами, все свойства души исчезают; они угасают. Из этого следует, что:

8. Сама душа (согласно положениям 1, 2, 3, 4) на это время прекращает свое существование.

9. Но всякий сторонник доктрины имматериализма (за исключением Додуэлла, которого в действительности едва ли можно назвать таковым) полагает естественное бессмертие души в качестве неизбежного следствия её нематериальности.

10. Однако, поскольку во всех случаях потери сознания душа перестает существовать, ввиду исчезновения её свойств, то она не бессмертна; а следовательно:

11. Из этого с необходимостью вытекает, что она не является нематериальной. Таким образом:

12. Согласно гипотезе сторонников имматериализма, если сопоставить её с общепризнанными фактами, выходит, что душа, будучи всегда и по самой сути нематериальной, неделимой и бессмертной, временами не обладает ни одним из этих качеств.

13. Но это — противоречие:

14. А раз уж противоречия существовать не могут, то не может существовать и душа.

15. Подобным же образом, как до возникновения тела, так и после его смерти, душа противоречивым образом предполагается существующей, хотя считается, что в это время ни одно из ее известных свойств не проявляется.

16. Если кто-либо скажет, что эти свойства лишь временно приостановлены, то я бы попросил его задуматься, какой смысл он связывает с этой приостановкой; не означает ли она, в сущности, лишь то, что на данный период времени они перестают существовать. Либо под этим не мыслится ничего иного, либо это утверждение противоречит очевидным фактам. И более того, если здесь подразумевается нечто большее, то можно легко доказать, что подобный взгляд влечет за собой признание архетипического бытия абстрактных идей и нарушает аксиому: *impossibile est idem esse et non esse* (невозможно одному и тому же одновременно быть и не быть).

17. Если же кто-нибудь возразит: *«Эти душевные явления не являются составными частями души, но суть действия души и свидетельства ее существования; так что душа может продолжать существовать и тогда, когда она более не продолжает действовать или проявлять себя подобным образом. Из того, что человек лишился инструментов или орудий, которыми он обычно трудился, вовсе не следует, что сама его способность к труду уничтожена»*. На это я отвечу следующее:

18. **Во-первых**, всякий раз, когда свидетельства существования чего-либо проистекают из самой природы или устройства этого предмета, то они тождественны его свойствам. Таковыми в отношении души являются феномены мышления. **Во-вторых**, поскольку это и есть все свидетельства существования души, которыми мы располагаем, то с их разрушением или угасанием теряет силу и вывод, сделанный на их основании. Когда исчезают все признаки жизни, то никто не усомнится в том, что и сама жизнь прекратилась. **В-третьих**, инструменты, которыми обычно пользуется человек, составляют лишь малую часть, а вовсе не всю совокупность свидетельств его способности к труду. Если бы он лишился чувств, своих рук и своих способностей к мускульному движению, которые также служат совокупными свидетельствами его способности к деятельности, — в таком случае всякий скажет, что он утратил эту способность; иными словами, что она перестала существовать. **В-четвертых**. С тем же успехом можно утверждать, к примеру, в отношении золота, что так называемые его свойства не являются неотъемлемыми, сущностными его частями, и что это лишь проявления и свидетельства бытия самой субстанции золота. И что оно может продолжать существовать, даже если более не обнаруживает ни одного из тех явлений, которые ошибочно именуют его свойствами.

ми, тогда как они — лишь временные свидетельства его существования. Это отчасти напоминает те представления, в согласии с которыми некоторые древние народы, как и современные индейцы погребали вместе с человеком его любимое копье, щит, меч и доспехи. **В-пятых.** Если допустить подобное заключение, à potentiâ ad actum, от самой отдаленной из всех возможностей бытия к актуальному существованию, то я готов сдать в этом споре, если мне укажут хоть на что-то, в отношении чего я не мог бы доказать, что это нечто никогда не может быть уничтожено, если мне укажут, что оно одновременно существует и не существует, или смогут подтвердить любую иную подобную нелепицу. Разве врач не сочтет безумцем того, кто, глядя на гниющее перед ним тело, всерьез заявит: *«Разумеется, сейчас не наблюдается никаких действий, служащих свидетельствами жизни, однако жизнь, несмотря на это, вполне может продолжаться»?*

III.

1. Все относительные понятия предполагают существование соотносимых с ними явлений-коррелятов (соотносительных понятий): человек не может быть отцом, не имея ребенка, или мужем без жены и т.д.

2. Следовательно, когда одно из двух соотносимых понятий перестает существовать, то исчезает и второе.

3. Все те представления, из которых складывается наше понятие о душе — или, иными словами, все те свойства, на основании которых мы заключаем о её бытии, — суть величины относительные; соотносимы же они с идеями. Так, не может быть восприятия без идей, доступных восприятию; нет воспоминания без идей, которые должно помнить; нет суждения без идей для сравнения, и нет изъявления воли без идей о предмете этой воли.

4. **Локк доказал**, что все наши идеи суть либо идеи ощущения, либо рефлексии, и что идеи рефлексии — не более чем части или сочетания наших идей ощущения. Иными словами, все наши идеи происходят из впечатлений, производимых на наши органы чувств. К необоснованной гипотезе доктора Прайса, выдвинутой наперекор учению Локка, я еще найду случай обратиться. И сделаю я это не из какого-либо уважения к самой гипотезе, которая стоит в одном ряду с гипотезами шотландских докторов, а из уважения к общему литературному облику доктора, который её выдвигает.

5. Но, если все наши идеи происходят из впечатлений, производимых на наши органы чувств, то поскольку чувства эти **целиком телесны**, мы не могли бы получить ни единого представления без посредства тела.

6. А потому (согласно п. 3) без тела не существовало бы и самих явлений восприятия, памяти, суждения или воли.

7. То есть, без тела не было бы ни одного из свойств души, ни одного из явлений мышления, на основании которых мы делаем вывод о её существовании;

8. Иными словами — **без тела не было бы и души**. Таким образом, начало бытия души напрямую зависит от начала бытия самого тела.

9. Однако приверженцы имматериализма утверждают, будто душа отлична от тела, и в самом существовании своем от него не зависит.

10. Из этого следует, что она одновременно и зависит от тела, и не зависит от него.

11. Иными словами, она не существует, поскольку противоречия не могут существовать в действительности.

Поскольку бессмертие души *a parte ante* (со стороны прошлого, до рождения) признано ничтожным, давайте обратимся к рассмотрению её бессмертия *a parte post* (со стороны будущего, после смерти).

1. Все впечатления, производимые на наши органы чувств, могут быть прослежены вплоть до мозга, и не далее.

2. Но стоит внешним предметам однажды произвести впечатление на наши чувства и, посредством нервов, передать его мозгу, как мы тут же обретаем способность воспринимать возникшее в нем действие, даже после того, как само первоначальное воздействие прекратилось. В этом и заключается воспоминание.

3. Таким образом, хотя никакие идеи не могут быть порождены иначе, кроме как через первоначальные впечатления в наших чувствах, мы можем лишиться одного или двух органов чувств, и всё же помнить те идеи, что стали результатом воздействий, оказанных на них в прошлом.

4. Но идеи столь же невозможно удержать в памяти без участия мозга, как невозможно было бы их первоначальное возникновение без

посредства чувств. Факты служат нашим главным доказательством в пользу обоих этих утверждений.

5. Однако при смерти не только разрушаются все наши чувства — единственный источник новых идей, — но разрушается и сам мозг, который является непрямым условием для существования идей, уже полученных ранее.

6. Следовательно, в момент смерти окончательно исчезают и все наши идеи, какого бы рода они ни были.

7. Но свойства души немыслимы в отсутствие идей, поскольку они неразрывно связаны между собой и взаимно обусловлены.

8. А если разрушаются все свойства души, то и сама душа прекращает свое существование.

9. Таким образом, как бы ни обстояло дело при жизни тела, душа не существовала до его рождения, и разрушается вместе с ним.

10. Если же принять во внимание, что и при жизни тела многие обстоятельства могут на время совершенно лишить душу всех её свойств, то та малая доля существования, что от неё остается, едва ли стоит того, чтобы за неё бороться.

11. Если же далее учесть, что природное бессмертие души считается неизменным следствием её нематериальности,

12. То неизбежным выводом станет то, что подобной нематериальной души вовсе не существует.

IV.

1. Если душа вообще существует, она должна находиться в каком-то определенном месте, ведь невозможно составить себе представление о чем-либо существующем, что не пребывало бы нигде.

2. Но если душа существует где-либо, то по самому определению она занимает пространство, а следовательно, обладает протяженностью.

3. Однако все, что обладает протяженностью, в силу этого должно иметь и некую форму.

4. Стало быть, душа — если она вообще существует — наделена свойствами протяженности и формы наравне с материей.

5. Более того, согласно допущению всякой гипотезы о нематериальности (за исключением учений Мальбранша, Беркли и Лейбница), она воздействует на тело, то есть на материю.

6. Иными словами, она притягивает и отталкивает, а также сама испытывает притяжение и отталкивание; ведь невозможно вообразить ни одного состояния материи, которое не основывалось бы на ее свойствах притяжения и отталкивания. А коль скоро она подвержена притяжению и отталкиванию, то и ответное ее действие должно заключаться в притяжении и отталкивании.

7. Таким образом, душа обладает свойствами **протяженности, формы, притяжения и отталкивания**, или плотности.

8. Между тем, именно эти качества составляют совокупность всех свойств, которыми, как принято считать, обладает материя как таковая.

9. Следовательно, душа есть материя, или нечто материальное.

10. Однако, согласно принятому нами допущению, она нематериальна;

11. Стало быть, она не существует.

12. Ведь ничто не может существовать, если само его бытие заключает в себе противоречие.

Таковы те аргументы, на которых основано мое убеждение о том, что существование нематериальной, неразложимой и бессмертной души попросту невозможно. Из всего сказанного мне представляется очевидным, что для **истинности доктрины материализма** существуют такие же доказательства, как и для того, что золото тяжелое, чернила черные, вода жидкая или любого другого несомненного утверждения. Ложность противоположной гипотезы может быть доказана с той же очевидностью, с какой очевидно, что противоречивые утверждения не могут быть истинными одновременно. Теперь я перехожу к другим соображениям, которые делают гипотезу имматериализма неправдоподобной.

Косвенные соображения неправдоподобности имматериализма.

1. Я полагаю, что сторонники имматериализма в большинстве своем признают: сколь бы ни было необходимо тело для первоначального возникновения идей, но после отделения души от плоти, уже приобретенные идеи продолжают существовать в ней, тем или иным образом, независимо от тела. В самом деле, некоторые приверженцы этой школы — к примеру, **Мальбранш** с его системой случайных причин, **Лейбниц** с его предустановленной гармонией, древние платоник и современные последователи Платона, такие как **Кедворт**, **Харрис** (и отчасти доктор **Прайс**) — и вовсе не считают тело необходимым для зарождения идей. Они настаивают на том, что последние изначально пребывали в душе, и лишь проявлялись одновременно с их видимыми телесными причинами. Но поскольку нам известно, каким образом нечто, наделенное частями или способное к делению, может существовать в чем-то другом, обладающим тем же свойством; и мы не знаем, и не способны даже представить, каким образом нечто делимое может существовать в чем-то неделимом, то из этого следует со всей очевидностью, какую только допускает природа данного вопроса: что, раз признается, что идеи пребывают в душе, то в случае, если эти идеи имеют части или делимы, — душа должна быть такой же. Другими словами, то сущностное свойство души, которое имматериалисты называют неделимостью, оказывается лишь мнимым понятием, небытием. То обстоятельство, что идеи имеют части, представляется мне столь ясным, что я не знаю ни одного способа доказательства, который был бы более очевиден, чем само это положение. Разве наше представление о книге, к примеру, не складывается из идей о ее внешнем облике, ее рукописном или печатном содержании, ее страницах и прочем? Если это так, то и наша идея книги делима на эти составляющие части. Подобно тому как первообразы большинства наших идей обладают протяженностью, а следовательно, и частями, так и соответствующие им идеи также должны иметь части и, разумеется, быть делимыми. Однако **восприятие**, как утверждает доктор Прайс,⁴ есть *«акт единый и неделимый; предмет восприятия может быть делим, но само восприятие его при помощи ума, таковым быть не может»*.

⁴ Полемика с Пристли, стр. 94, 57.

Восприятие — это лишь слово, служащее для обозначения общего свойства, сопутствующего множеству различных явлений бытия; оно не является самостоятельной сущностью. Это понятие относительное, подразумевающее наличие чего-то воспринимающего и чего-то воспринимаемого. Следовательно, восприятие не есть сама идея; это лишь обстоятельство, присущее всякой идее, хотя оно и не встречается в отдельности от неё. Но если идея есть (каковой она в действительности и является) нечто воспринимаемое, и если, как признаёт и сам доктор Прайс, это «нечто» может быть делимым, то и сама идея может быть делима. И тогда также может оказаться истинным то утверждение, которое доктор Прайс называет настолько абсурдным, что не требуется ничего более для его опровержения, кроме как сформулировать его. Олее того, всякий раз, когда определение применимо к каждому известному случаю определяемой вещи, оно признается истинным и законно применимым к неизвестным случаям; и тем в большей степени, чем больше число известных случаев и чем меньше число неизвестных. Между тем известные случаи идей бесчисленны, а неизвестные сомнительны в отношении своего существования и относятся исключительно к рассматриваемому нами спору. Во всех известных нам случаях к понятию идеи приложимо следующее определение: **воспринимаемое движение в мозгу**. Не существует ни одного известного случая восприятия без участия мозга или некой структуры, которая должна служить той же цели. Это факт неоспоримый.

Столь же неоспоримо и то, что всякое движение в мозгу, будучи воспринятым, сопровождается возникновением идеи; и поскольку нам ни в одном случае не ведом какой-либо промежуточный процесс, посредством которого это воспринимаемое движение мозга порождает идею, они, насколько нам известно, тождественны.

В мозгу могут происходить и такие движения, которые не воспринимаются нами или не достигают нашего сознания. С этим согласится любой физиолог. Следовательно, вышеизложенное определение есть истинное определение **ИДЕИ**. Однако из этого определения с очевидностью следует:

1. **Во-первых**, что идея делима. **Во-вторых**, что она не может существовать без мозга или некоего телесного устройства, ему подобно; и, как следствие, **в-третьих**, что душа, если допустить её существование, никогда не имела и никогда не сможет иметь никаких идей в

отрыве от мозга. Предоставим же сторонникам имматериализма решать, какое применение они найдут душе, лишенной всяких идей.

2. Мне представляется вполне разумным, что если учение материализма отвергается как недостаточное для истолкования явлений, то последние должны быть объяснены на основе новой гипотезы по крайней мере лучше, чем на основе прежней. Таким образом, справедливо требовать от имматериалиста, чтобы его предположение об отдельной душе раскрывало саму суть процесса мышления. Однако, как ни странно, вместо попыток объяснить эти явления с позиций имматериализма, повсеместно признается, что даже при таком подходе они остаются непостижимыми. Это исключительный случай в истории мысли: одну гипотезу отвергают за неспособность объяснить действительность, а взамен предлагают иную, которая, по признанию самих её сторонников, не только ничего не проясняет, но и в силу своей природы лишает нас всякой надежды на понимание чего-либо. Более того, само допущение её существования влечет за собой такие противоречия и невероятности, для искусственного привязывания которых к какому бы то ни было мнению потребовалась бы весьма значительная изворотливость!

3. Даже если предположить существование души, приходится признать досадным то обстоятельство, что мы не можем с уверенностью утверждать о ней решительно ничего. Душа, в той мере, в какой она нематериальна, не имеет ни одного общего с материей свойства, иначе она сама в этой части была бы материей. Но так как все наши представления рождаются лишь при посредстве органов чувств, способных воспринимать исключительно материальные объекты, мы в действительности не можем иметь понятия ни о чем, кроме предметов материальных; и, само собой разумеется, не можем иметь представления о предмете нематериальном. Мы не в состоянии ни рассуждать, ни делать утверждения за пределами нашего познания; точно так же мы не можем должным образом пользоваться словами для выражения мысли, если с этими словами не связаны определенные идеи. Однако из всего замеченного выше следует, что у нас нет иных идей, кроме идей о материальных объектах, которые совершенно неприменимы и несоизмеримы с душой, которая, будучи нематериальной, не обладает ни одним из свойств материи. Поэтому, выражаясь строго и философски, ни в одном языке нет ни одного слова, и ни в одном человеческом существе нет ни одной идеи, которая не была бы ничтожной,

неприменимой или даже ложной в случае применения к душе. Более того, не может существовать и надлежащего доказательства самого её существования; но даже если допустить её существование, то резонно будет спросить: какая польза в гипотезе, о которой нельзя утверждать ничего, кроме самого факта её существования? И каким образом идеи могут находиться в том, к чему они совершенно неприложимы и с чем несоизмеримы?

4. Если душа, как полагают защитники её существования, проста, не имеет составных частей и нераздельна, - то само их представление о ней противоречит допущению, что она может быть подвержена изменениям. Однако все те способности или свойства, из которых складывается наше понятие о душе, и на основании которых мы заключаем о её существовании, подвержены изменениям. Мы можем проследить явления восприятия, памяти, суждения и воли от самого их зарождения, через постепенное развитие к высшей точке, и далее — через угасание к полному исчезновению.

Это соображение, столь несовместимое с учением о нематериальности души, служит веским доказательством противоположной доктрины, согласно которой мнимые свойства ума являются лишь следствием нашего телесного устройства. Ведь если предположить, что эти психические явления — не более чем результат деятельности наших органов, то из этого должно следовать, что они возникают вместе с этими органами, совершенствуются по мере их развития, достигают расцвета одновременно с ними, проявляются наиболее остро там, где чувствительность этих органов выше всего, слабеют при их упадке и окончательно исчезают с их разрушением. Между тем, все эти следствия представляют собой неоспоримые факты, и всякое существенное различие можно будет объяснить разницей впечатлений, воздействующих на чувства разных людей — разницей в их роде, количестве и степени.

При этом имматериалисту против этих фактов не поможет и предположение, будто душа приобретает идеи посредством тела, или будто она делает свои действия видимыми посредством тела. Ибо эти явления принадлежат либо телу целиком, либо душе целиком, либо отчасти одному и отчасти другой. В рамках гипотезы о нематериальности они не могут принадлежать исключительно телу; в противном случае спор был бы сразу решен, так как речь идет о явлениях психических — тех самых, что и заставляют нас обращаться к понятию души

для их объяснения. Не могут они принадлежать и одной лишь душе, так как это противоречит действительности, как было изложено выше; а действительность остается истинной, какую бы гипотезу мы ни избрали. Если же принять последний из предложенных вариантов, то из этого последует, что душа не существует независимо или отдельно от тела, поскольку ни одно из её действий, ни одно из доказательств её бытия и ни одно из явлений ума не может проявиться иначе, как совместно с телом и при его посредстве. Если же душа не обладает независимостью от тела, то когда последнее умирает, где же пребывает первая?

5. Более того, как согласуются неоспоримые факты с тем общим для убежденных имматериалистов представлением, будто тело есть лишь бремя, помеха, гнет и темница для души? Микрокосм, в котором, тем не менее, душа

Мечется, бедная, в тесных пределах мира,
Словно запертая в скалах Гиары или малого Серифа?⁵

Как же выходит, что всякое отсечение члена, всякий телесный недуг не увеличивают деятельность и энергию души в прямой зависимости от тяжести болезни? И почему же, к величайшему сожалению, на деле всё оказывается ровно наоборот? Это обстоятельство дает повод с высокой долей вероятности склониться к доводам в пользу учения о материализме.

6. Другое досадное обстоятельство для тех, кто жаждет верить в существование души, состоит в том, что в пользу этого нет никаких прямых доказательств — таких, какие мы привыкли требовать для подтверждения любого другого факта. Напротив, все прямые свидетельства, данные нам в ощущениях, говорят об обратном.

«Я вижу, — говорит мистер Халлет,⁶ — как человек движется, и слышу его речь на протяжении многих лет. Из его слов я, несомненно, заключаю, что он мыслит так же, как и я. Стало быть, я вижу в человеке существо мыслящее и действующее. Но прохо-

⁵ Цитата из Ювенала («Сатиры», X, 169–170), описывающая метания Александра Македонского в тесноте известного мира.

⁶ Пристли о материализме, второе издание, стр. 49.

дит время, и этот человек падает на моих глазах, становясь холодным и неподвижным. Он более не говорит и не действует. И так как единственным основанием моей веры в его способность мыслить были его движение и речь, то теперь, когда движение и речь прекратились, я утратил единственную возможность доказать, что он обладал способностью мыслить. С этой внезапной смертью зримый образ, единый человек, претерпевает великую перемену. Откуда мне заключить, что тот же самый человек состоит из двух частей, и что внутренняя его часть продолжает жить и мыслить, улетаая прочь от тела, в то время как внешняя перестает жить и двигаться? Все указывает на то, что человек исчез целиком, и что все его способности угасли одновременно. Насколько я могу судить, движение и мысль умирают вместе. Способности мыслить, говорить и двигаться в равной степени зависят от тела, и их постигает та же участь, когда человек слабеет от старости. Когда человек умирает от преклонных лет, я вижу, как его силы — и телесные, и разумные — приходят в упадок и угасают вместе, в равной мере. В тот миг, когда он перестает двигаться и дышать, он, по всей видимости, в тот же миг перестает и мыслить.

Когда я полагаюсь на один лишь разум, мне представляется, что моя способность мыслить столь же сильно зависит от телесной оболочки, как и чувства зрения или слуха. В младенчестве я не был способен к размышлению. Мои способности мыслить, видеть и чувствовать в равной мере могут быть стеснены или вовсе пресечены телом. Случалось, что удар по голове лишал человека мысли, хотя тот по-прежнему мог видеть, чувствовать и двигаться. Таким образом, сама природа вещей указывает на то, что способность мыслить принадлежит телу в той же мере, что и любая иная человеческая сила. Естественно, нет никаких оснований полагать, будто человек может мыслить вне своего тела, равно как не может он вне тела слышать звуки или ощущать холод».

Но если дело обстоит именно так — а отрицать это невозможно, — и если ни в действительности, ни по самой природе вещей не может существовать ни одного прямого доказательства в пользу бытия нематериальной, отдельной и независимой души; более того, если все воз-

возможные свидетельства — какие только допускает сама природа данного вопроса — говорят против существования подобной души, то какими же крепкими, какими неопровержимыми и очевидными должны быть те рассуждения, на которых основывается вывод о её реальности! Насколько мало они заслуживают подобных определений, это мы вскоре увидим. Даже сама возможность того, что кто-то может подвергнуть их сомнению, является серьезным доводом против их убедительности.

7. Для любого протестанта, несомненно, веским аргументом против существования души послужит то, что она была и остается единственной опорой католических догматов о чистилище и индульгенциях. И действительно, если только мы, подобно современным отрицателям «промежуточного состояния», не признаем душу совершенно бесполезной и неспособной к действию иначе как в союзе с телом, что делает шаг навстречу материализму, само учение о чистилище представляется мне неизбежным следствием допущения о существовании души.

8. Для многих, я в том не сомневаюсь, веским доводом против существования души послужит то обстоятельство, что именно на ней зиждется расхожее суеверие о **призраках**. И в самом деле, едва ли не основное применение гипотезы о нематериальности духа состоит в том, чтобы давать им объяснение.

9. Несомненным аргументом против достоверности оспариваемой мною гипотезы служит и то, что она является порождением восточной или гностической философии. Будучи перенесена в Грецию, она была заимствована у греческих авторов христианами из числа гностиков и последователей **Платона**. А поскольку их учение, претерпев лишь малые изменения, со временем превратилось в общепринятый догмат, последующие писатели принимали его как истину, не подлежащую никакому сомнению или исследованию, тем более что многие представления метафизиков и богословов, ныне справедливо отвергнутые, опирались именно на это предположение. По вполне понятным причинам я воздержусь от подробного разбора этих частных случаев.⁷ Полагаю весьма вероятным, что основной причиной, по которой эта гипотеза прежде всего укоренилась среди простого люда, было

⁷ В Манчестерском обществе любые теологические темы исключены. Кроме того, подробный разбор в данном случае потребовал бы больше времени и ме-

стремление объяснить мнимые явления призраков — явлений, которые в большинстве своем лишь страхи или уловки корыстных людей превращали в нечто реальное. Общая склонность верить во все чудесное, незримое и таинственное немало способствовала ее распространению. Что же касается людей мыслящих и философствующих, то для них иной причиной послужила трудность объяснения природы мысли и прочих душевных явлений, исходя лишь из известных фактов об устройстве человеческого тела. Немалую поддержку этому убеждению оказал иносказательный, причудливый и поэтичный гений первобытных веков, присущий народам любой страны, а в особенности — Востока. Постепенно, как я заметил выше, этот предмет, хотя и являвшийся чисто философским, оказался искусственно соединен с богословием; и тогда был поставлен почти полный заслон исследованию реальности или истинности общепринятого мнения, и все споры сводились лишь к его теоретическому обоснованию. Но, безусловно, мнение, принятое и сохраняемое во времена сравнительного неведения относительно физиологических фактов и рационального объяснения ментальных явлений, не может вечно сохраняться, особенно тогда, когда большая часть этих явлений может быть хорошо объяснена без принятия этого старого мнения. **Доктор Гартли** в подробностях показал, как именно следует их объяснять; при этом сила его доводов способна внушить полную уверенность каждому, кто еще не составил о предмете твердого суждения, либо вовсе не читал его труда, либо лишь вскользь ознакомился с ним, либо не способен его постичь, или же — как это чаще всего и бывает — заимствует суждения через третьи или четвертые руки у тех, кто сам находится в одном из описанных состояний.

10. Учение об обособленном нематериальном начале не только никак не связано с основами религии, но и не приносит ни малейшей пользы нравственности. Мне было бы любопытно узнать: какой именно исключительной и важной этической цели служит догмат о нематериальности души для тех, кто и без того верует в грядущее воздаяние? Разве это последнее убеждение не отвечает в полной мере всем тем задачам, для решения которых обычно привлекают учение о нематериальном принципе? Ведь то, что **идеи материализма ничуть не противоречат вере в загробное воздаяние** и догматам христианства, совер-

ста, чем я могу себе позволить.

шенно очевидно; и в самом деле, все известные материалисты, иметь знакомство с которыми мне выпало счастье, являются христианами.

11. Этот вопрос обсуждается уже без малого две тысячи лет; за это время было высказано всё, что только могла предложить человеческая изобретательность в защиту обособленного существования души. Более того, данное мнение поддерживалось не только материальными выгодами и почестями со стороны государственных институтов, но и силой светской власти. К его принятию склоняли всеми возможными доводами, а от сомнений удерживали всяческими угрозами. И всё же некоторые из мудрейших и достойнейших людей наших дней — и среди них не только миряне, но и священнослужители господствующей церкви самого высокого ранга — так и не убедились в том, что догмат о нематериальности души столь неоспоримо очевиден, как принято полагать. Не говоря уже об ученом мистере Додуэлле, который отрицал естественное бессмертие души; не упоминая и епископа Шерлока, отрицавшего, что её существование может быть доказано одним лишь светом разума; или доктора Доусона, деятельного сподвижника архидиакона Блэкберна — все они принадлежали к официальной церкви. Что же касается мистера Линдси, доктора Диснея или первого среди наших почётных членов, доктора Пристли, то, как бы ни была высока их репутация в том, что касается честности, способностей или учёности, они к официальной церкви не принадлежали, а потому довод, основанный на их авторитете, не будет иметь для нас столь же решающего значения. Я же ограничусь лишь двумя цитатами: одной из сочинений позднейшего почтенного епископа Карлайла, а другой — из сочинений отличного епископа Ландаффа.

В конце третьего и последующих изданий «Теории религии» покойного епископа Карлайлского доктора Лоу помещено приложение, касающееся употребления слова «душа» в Священном Писании и того, в каком свете в нём представлено состояние смерти; в этом труде он убедительно доказал (насколько я в силах судить), что в Писании (используя его собственные выражения): *«ни эти слова, ни какие-либо иные никогда не означают чисто нематериальное начало в человеке или субстанцию (что бы некоторые ни воображали под этим словом), полностью делимую от тела и независимую от него»*. Рассмотрев тексты, которые обычно приводятся в подтверждение того, будто представление об отдельном нематериальном начале основано на Писании, он добавляет следующие замечания:

«Это может послужить образцом таких текстов, которые обычно приводятся сторонниками противоположной точки зрения. Полагаю, из этих кратких замечаний станет ясно, что все они либо вовсе не относятся к делу, либо носят чисто иносказательный характер, либо, наконец, допускают ясное и простое истолкование на основе только что изложенных принципов. И подобные свидетельства нельзя справедливо противопоставлять неизменному и очевидному смыслу Священных писаний и множества тех ясных и прямых свидетельств, что уже были упомянуты. Замечу лишь далее, что все философские доводы, почерпнутые из наших понятий о материи и приводимые против возможности того, чтобы жизнь, мысль и деятельная сила были соединены с некими её частями ради создания сложного существа или личности,⁸ зиждятся единственно на нашем неведении. Они в той же мере противоречат и твердо установленным фактам, и повседневным наблюдениям за рождением различных животных (в особенности яйцекладущих, а равно и за развитием растений), и самому союзу двух столь разнородных начал, какими принято полагать наши душу и тело.

Испытайте любой из этих доводов (например, от протяженности, делимости или силы инерции) и посмотрите, не окажется ли это сопоставление столь же точным: не могут ли эти же качества или силы быть соединены с началами жизненными таким образом, чтобы взаимно влиять друг на друга ничуть не хуже, чем то приписывается различным субстанциям или их носителям; не встречаем ли мы те же самые затруднения, рассуждая о взаимодействии в обоих этих случаях, и проясняет ли само понятие субстанция хоть что-либо в их разрешении».

Я полностью разделяю остальные его замечания, равно как и звучные им суждения господина Тейлора из Нориджа, приведенные в отрывке из его письма к автору. Относительно этой части я позволю себе лишь одно наблюдение: упомянутое *«Рассуждение о значении слова „Душа“ в Священном Писании и о состоянии смерти»* увидело свет в 1755 году. В ту пору автор еще занимал должность архидиакона Кар-

⁸ См. «Рассуждения» епископа Шерлока. Рассуждение II, с. 86, и Рассуждение III, с. 114.

лайлского, из которой он был впоследствии заслуженно возведен в епископский сан. Таким образом, даже если бы этот предмет был разобран поверхностно, а не с глубоким знанием дела и чрезвычайной убедительностью, что подобает его высокому статусу, любая ошибка в его рассуждениях неизбежно вызвала бы волну возражений и привлекла бы к себе внимание. Но почему же до сих пор не появилось ни одного опровержения?

Нынешний епископ Ландаффский занимает пост королевского профессора богословия и руководит академическими диспутами в Кембриджском университете. По роду деятельности он официально определяет, какие темы считать спорными и подходящими для обсуждения молодыми богословами, готовящимися к службе в англиканской церкви. В предисловии к своему сборнику теологических трактатов, составленному специально для будущих священников, он пишет следующее:

«Полагаю, существуют темы, в которых вполне допустимо сохранять академическую непредвзятость [*прим. используется античный термин «эпохе», воздержание от суждений*], не нанося при этом ущерба основам веры. К ним относятся, например, вопросы о том, способны ли злые духи приостанавливать действие законов природы или воздействовать на человеческий разум; является ли душа человека материальной или нематериальной; каково состояние умерших до всеобщего воскресения; будет ли воскрешение совершено в том же самом теле; какова длительность загробных наказаний и многие другие подобные темы. Кто-то сочтет, что я высказываюсь слишком свободно, и, вероятно, обвинит меня в пособничестве скептицизму и опасной широте взглядов. Но неужели Церковь Христова никогда не освободится от мелочных споров фанатиков? Неужели она вечно будет терпеть нападки людей, которые сами не понимают, какому духу служат? Ведь они пытаются ограничить Всемогущего в Его милосердии и закрывают двери небес перед каждым, кто не принадлежит к их собственной секте».

К списку аргументов, основанных на авторитете, едва ли можно добавить что-то более весомое, когда на моей стороне такие имена, как Шерлок, Доусон, Пристли, Лоу и Уотсон.

12. Общеизвестно, что животным присущи все те проявления, которые мы называем психическими процессами: восприятие, память, способность к суждению и воля. Возьмем простой пример: собака часто теряется, но находит дорогу домой. Её восприятие сосредоточено на каждом окружающем объекте. Память (или воспоминание) проявляется в том, что собака осознаёт: она находится не дома — и стремится туда вернуться. Способность к суждению (или логическое мышление) видна, когда она находит путь и выбирает одну улицу вместо другой. Воля проявляется в самом решении идти домой, а не оставаться на месте. Эти и подобные факты настолько убедительны, что даже такие мыслители, как Джон Локк, были вынуждены признать: единственное существенное различие между человеком и животным заключается лишь в том, что первый способен формировать общие или абстрактные идеи, а второе — нет.

Как правило, собаки откликаются на зов, кто бы их ни позвал. Полагаю, никто не станет отрицать, что когда собаку зовут, и она слышит не голос хозяина, то она понимает, что её зовет какой-то другой человек. Представим ситуацию: незнакомец окликает пса по кличке, незнакомым голосом, и животное бежит на звук. Разве станет кто-то утверждать, что в этот момент у собаки нет образа «человека вообще»? Ведь, исходя из условий, она не может представлять кого-то конкретного, раз голос ей не знаком. А если это так, значит, собаки вполне способны формировать общие или абстрактные понятия.

Таким образом, все психические явления, которые сторонники теории «нематериального начала» считали абсолютно необъяснимыми без признания существования души, на самом деле присущи и животным. И если здесь вообще можно сделать какой-то логический вывод, то, согласно их же собственным принципам, он будет следующим: **у животных есть душа**. Но неужели душой наделены абсолютно все существа: мышь, малиновка, сельдь или даже крошечные клещи и блохи? Стороннику материализма нет нужды отвечать на этот запутанный вопрос, основываясь на своей собственной гипотезе. Однако приверженцам идеи о нематериальности души определенно придется разрешить эту проблему. Им нужно как-то преодолеть очевидную нелепость утверждения, будто даже самые крошечные и ничтожные существа обладают нематериальной, неделимой и бессмертной душой. Им предстоит охватить весь спектр живой природы: от человека и слона до устрицы, коралла и морской анемоны. Более того, помимо этого

затруднения, перед ними стоит еще более сложная задача: доказать, чем именно человеческая душа отличается от души животного. Это различие всегда принималось как нечто само собой разумеющееся. Однако, по правде говоря, между людьми и животными нет никакой явной разницы, которую нельзя было бы полностью объяснить различиями в строении их телесных органов. Опять же, если бы человек был полностью материален, он неизбежно подчинялся бы законам материи. В таком случае он был бы **просто машиной**, и тогда не осталось бы никаких оснований для того, чтобы говорить о наличии свободы воли. Утверждается, что человек является свободным в своих поступках лишь благодаря своей нематериальной составляющей — душе. Но в таком случае и животные должны считаться свободными существами, способными отвечать за свои поступки, заслуживать награду или наказание. Однако сторонники имматериализма, насколько мне известно, до сих пор опасались признавать подобный вывод.

Следовательно, гипотеза имматериализма выглядит тем менее правдоподобной, чем более невероятной кажется мысль о том, что обыкновенная устрица обладает нематериальной, неделимой и бессмертной душой. Сложно представить, что это существо наделено свободой воли, может нести ответственность за свои действия и быть объектом похвалы или порицания, награды или кары.

На самом деле этот вопрос давно стал и до сих пор остается главным камнем преткновения для приверженцев данной теории. Древние философы,⁹ верившие в существование «мировой души», эманациями которой являются все остальные души, не видели особой проблемы в вопросе о животных. Не возникало сложностей и у тех мыслителей древности, кто придерживался учения о переселении душ. Христианские платоники, опираясь на то, как в Священном Писании описывается воскресение, пришли к выводу, что главное различие между людьми и животными заключается в том, что души последних не обладают бессмертием. Что касается общего мнения схоластов на этот счет, то оно мне мало знакомо. Фома Аквинский выделял два ключевых отличия: (1) Души людей бессмертны, тогда как души животных — нет; (2) человеческая душа способна к самостоятельному

⁹ Данные рассуждения в основном заимствованы из работ Пристли и статьи Бейля «Рорарий».

существованию и деятельности (per se subsistentes et operationis capaces),¹⁰ в отличие от души животного.

Перейра, сэр **Кенелм Дигби**, лорд **Бэкон** и доктор **Уиллис** полагали, что души животных имеют материальную природу. Декарт утверждал, что и души, и тела животных представляют собой не более чем автоматы. Лейбниц считал, что у животных есть души, но они совершенно не связаны с их телами — несмотря на то, что внешние воздействия на тело и внутренние состояния полностью совпадали. Это походило на работу двух маятников, которые движутся по одной и той же дуге в идеальном ритме. Мальбранш, вслед за Декартом, считал животных простыми автоматами. Кадворт же понимал, что звери обладают сознанием и способностью мыслить. Признавая, что *«либо все наделенные сознанием и разумом существа нематериальны, либо нематериальность чего-либо вообще невозможно доказать»*,¹¹ он возродил древнюю концепцию «мировой души» как источника всего сущего. Сделал он это, чтобы *«предложить решение, которое могло бы успокоить умы тех, кто мучается над этой сложной проблемой»*. Насколько допустимо с точки зрения церковных догматов возрождать мистические идеи гностиков, он не обсуждал. Задолго до него Чезальпино утверждал, что души животных являются частью божественной субстанции. Локк не знал, как дать на этот вопрос однозначный ответ, но склонялся к тому, что их природа материальна. В свою очередь, доктор Прайс¹² также полагает, что души животных бессмертны. Но в целом те, кто допускает их нематериальность, всё равно отказывают им в бессмертии. Однако, если и существует в логике некое незыблемое правило, то оно гласит, что одни и те же предпосылки неизбежно ведут к одним и тем же выводам. Невещественность -> Неделимость -> Нерасторжимость -> Бессмертие — такова универсальная цепь рассуждений у всех имматериалистов, которых я видел, за исключением Додуэлла. Следовательно, адепты учения, которое я оспариваю, должны были бы признать души животных и нематериальными, и бессмертными.

В рамках материалистического подхода этот вопрос не вызывает никаких затруднений. Мышление здесь рассматривается как ре-

¹⁰ Фома Аквинский, «Сумма теологии», часть I, вопрос 75.

¹¹ Intellectual System, vol. I. p. 44, quart. edit.

¹² Controversy with Priestley, p. 53 ad fin.

зультат нашего **органического строения** и воздействия на него внешних факторов. Если это так, то чем сложнее, совершеннее и тоньше организована эта структура, тем более развитыми и значительными должны быть и её свойства. Тот факт, что в реальности всё обстоит именно так, служит весомым доказательством в пользу теории материализма.

Насколько мы можем судить, умственные способности животных прямо пропорциональны сложности и совершенству их физиологического устройства. Вопрос о бессмертии животных часто ставит в тупик тех, кто пытается обосновать бессмертие человеческой души доводами, не связанными со Священным Писанием. Однако христианин-материалист не берется утверждать что-либо по этому поводу, так как в Писании нет никакой информации на этот счет. Его собственная вера в бессмертие основывается исключительно на содержащихся в Библии обещаниях.

13. Более того, доктор Гартли представил настолько убедительные аргументы, которые до сих пор никто не смог опровергнуть, что при наличии способности к восприятию все остальные психические явления закономерно вытекают из особенностей нашего телесного устройства. Следовательно, именно восприятие является тем единственным психическим феноменом, исходя из которого можно предположить существование обособленной нематериальной субстанции.

Нынешний епископ Ландафский, покойный доктор Белл и наш уважаемый президент доктор Персиваль представили крайне убедительные доводы в пользу того, что растения также наделены способностью к восприятию. Если это так, то с той же долей вероятности можно утверждать, что любое растение обладает нематериальной душой. А это неизбежно влечет за собой целый ряд последствий: признание за ними бессмертия, свободы воли, моральной ответственности и так далее. Однако, чем абсурднее кажется подобный вывод, тем менее правдоподобной выглядит и сама гипотеза имматериализма, на которой он строится.

14. Теперь можно смело бросить вызов любому стороннику имматериализма, предложив ему, чтобы он сам наглядно продемонстрировал, почему большинство аргументов, которыми обычно обосновывают существование отдельной души, не могут быть точно так же применимы для доказательства того, что произвольные, или жизненно важные движения человеческого тела, явления, вызываемые воздей-

ствием раздражителей на нервную систему, а также мышечная раздражимость (особенно если присоединить к ним несомненный факт *vis medicatrix naturae*, целительной силы природы) - обусловлены деятельностью отдельных, нематериальных, неделимых, неразрушимых и по природе своей бессмертных начал. И действительно, это настолько бросалось в глаза, что различие между разумной, жизненной и чувствующей душами (*anima intellectualis*, *anima vitalis*, *anima sensitiva*) возникло еще в глубокой древности. Даже Фома Аквинский четко разграничивал «жизненную душу» и «рациональную душу». Да и современные теории о «жизненном принципе» мало чем отличаются от предположения о существовании некоей особой души, отличной от нашего привычного понимания. Именно на мнимой ложности этого предположения строилась доктрина последователей Штала; и всякий, кто рассмотрит современные учения о жизненном начале, которых придерживаются мистер Хантер и доктор Монро, едва ли сумеет провести существенное различие между общим понятием их жизненного начала и понятием обычной, или шталианской, души.

Но если схожие явления приводят к схожим выводам — а отрицать это трудно — тогда нам придется признать существование еще трех или четырех душ, помимо обычной. И поскольку аргументы во всех этих случаях идентичны, то логично предположить, что каждая из этих душ нематериальна, неделима и бессмертна. А из этого неизбежно следует, что и само тело должно быть таковым. Каким бы абсурдным это ни казалось и как бы имматериалист ни сопротивлялся подобным выводам, материалист мог бы спокойно доверить исход всего спора доказательству их абсолютной логичности.

15. Если бы теория о некоем отдельном нематериальном начале была настолько ясной и бесспорной, как это пытаются преподнести её восторженные сторонники (или если бы в ней вообще была хоть какая-то ясность), то кажется поразительным, что за две тысячи лет непрерывных дискуссий их мнения по этому вопросу до сих пор остаются столь противоречивыми, что вряд ли удастся найти двух человек, чьи взгляды на этот вопрос полностью совпадали бы.

Восточные мыслители считали наши души эманациями единого всеобщего огня. Среди греков многие утверждали, что мы обладаем двумя душами: небесной и материальной.¹³ В целом они полагали, что

¹³ Этот перечень мнений почти полностью заимствован из работы Пристли

души не были сотворены в привычном смысле слова, а являются истечениями Божественного Существа. Разные философы предлагали свои определения: Аристоксен называл душу гармонией. Ксенократ считал, что душа — это число. Платон наделял человека сразу тремя душами: первая, разумная, помещается в голове; вторая, отвечающая за гнев, — в груди; а третья, источник наших желаний, обитает в срединной части человеческого микрокосма. Сократ (и он был не одинок в своем убеждении) верил, что материальны лишь души порочных людей. Души же добродетельных свободны от материи, они легки и после смерти возносятся к высшим сферам. Те же, кто совершил менее тяжкие проступки, не падают так низко, как остальные. Аристотель сомневался, материальна ли человеческая душа, хотя и склонялся к признанию её вещественности. Цицерон в разное время придерживался обеих этих точек зрения. Стоики в целом считали, что человеческие души — это частица Божественного существа. Взгляды Марка Аврелия также колебались: он то разделял это мнение, то склонялся к идее о материальности и смертности души. Гален заявлял, что ничего не знает об этом предмете, однако считал душу телесной. Юстин, будучи платоником, полагал, что души — это эманации (излучения) Божества. **Тертуллиан был материалистом.** Ириней, как и Ориген, придерживался учения о переселении душ. Мнения остальных отцов церкви были столь же противоречивы.

О взглядах схоластов я могу сказать немногое. Мнения Фомы Аквинского нередко расходились друг с другом, в чем легко убедиться, заглянув в статью «Anima» («Душа») в указателе к его «Сумме теологии». Здравый смысл Фомы Аквинского подсказывал ему, что существование души невозможно доказать, опираясь исключительно на знания о материальных объектах.

Декарт, по-видимому, был первым строгим имматериалистом, и все же, вопреки своим собственным принципам, он сделал так, что душа имеет некоторое отношение к пространству, поместив ее в шишковидную железу. В этом строгом имматериализме и отрицании физической протяженности за Декартом последовали такие мыслители, как Стиллингфлит, Кадворт, Уоттс, Бакстер, Доддридж и автор комментариев к труду епископа Кинга «О происхождении зла».

«Исследования», разд. VI, стр. 232, 28 и далее.

Исаак Уоттс подробно опровергает идею о том, что дух имеет какую-либо связь с пространством. С другой стороны, **Гассенди**, **Ньютон**, Генри Мор, Кларк, Прайс, Такер, Палмер, Берингтон и Де Люк утверждают, что такая связь существует. Ричард Прайс, в частности, заявляет, что концепция нематериальной души, никак не соотносящейся с пространством, — это нелепость, не заслуживающая внимания. Впрочем, и он, и доктор Кларк ведут себя крайне осторожно, стараясь не уточнять, что именно подразумевают под связью духа с пространством. Уолластон полагал, что душа нематериальна, но обладает некоей материальной оболочкой — гораздо более тонкой структуры, чем наши тела, — с помощью которой она с ними и соединяется. Кларк также не отрицал эту точку зрения.¹⁴ Локк, судя по всему, пребывал в больших сомнениях: он считал душу нематериальной, но допускал, что ментальные явления могли бы быть результатом деятельности организованной материи, будь на то воля Божья. Перечислять все противоречивые мнения о состоянии души после смерти было бы слишком утомительно; авторы согласны друг с другом в этом вопросе не больше, чем в спорах о самом факте её существования.

Однако, чтобы придать больший вес аргументу против гипотезы о нематериальности души — аргументу, основанному именно на разладе в рядах её сторонников, — я перейду к анализу концепции души, предложенной последним автором, писавшим на эту тему. Речь идет о нашем уважаемом секретаре, докторе Барнсе. Он представил новейшее определение души и, понимая, что его мнение вряд ли встретит всеобщее одобрение, изложил свои взгляды в предельно сжатой форме. Поскольку этот господин является профессором логики, онтологии и пневматологии, занимает пост секретаря ведущего научного общества страны и обладает общепризнанными талантами, любые логические ошибки или противоречия в его формулировках будут иметь особое значение. Если они обнаружатся, это с высокой долей вероятности докажет: подобные трудности возникают лишь потому, что саму эту идею невозможно обосновать в принципе.

Учитывая высокий авторитет доктора Барнса, я уделю этой части дискуссии особое внимание. Я намерен проанализировать его опреде-

¹⁴ Полемика с Коллинзом по поводу «Письма к Додуэллу». Я потерял свою заметку об этом отрывке, но это именно так.

ление гораздо более придирчиво и тщательно, чем стал бы разбирать работу любого другого автора. И я уверен: доктор Барнс защищает свое мнение не ради самого спора, а потому не сочтет оскорбительной ту строгость, с которой я разбираю его позицию. Вполне естественно, что его писательский авторитет и осознание того, насколько сильный мне противостоит оппонент, заставляют меня быть предельно точным и придирчивым. Что бы ни думал сам доктор Барнс о моих взглядах, об их истинной или мнимой направленности или обо мне лично, я рад возможности заявить о своем глубоком убеждении. Хотя, на мой взгляд, выводы доктора Барнса нельзя назвать правильными, его ни в коем случае нельзя обвинить в намеренной поддержке подобных идей. Уверен, всё наше Общество подтвердит мои слова: его репутация и поведение безупречны, и нет никаких оснований подозревать его в аморальности взглядов или поступков. Вот слова самого доктора Барнса:

«Позволю себе предложить описание человеческого разума, которое многим может показаться спорным. При анализе наших умственных способностей мне кажется философски неверным представлять душу как совокупность отдельных и конфликтующих функций, часть из которых якобы призвана постоянно бороться с остальными. Правильнее смотреть на человеческую природу как на единую, неделимую сущность, пребывающую в постоянном движении. Она лишь принимает разные названия в зависимости от того, в каких формах и при каких обстоятельствах это движение проявляется».¹⁵

Поскольку общепринятые взгляды предшественников кажутся доктору Барнсу недостаточно обоснованными, мы, разумеется, вправе ожидать безупречной философской точности от его собственного определения. Оставив в стороне некоторые мелкие стилистические недочеты, я хотел бы перейти к следующим замечаниям относительно приведенной цитаты.

¹⁵ Манчестерские труды, том I, стр. 377.

1. Если суть «новаторской» идеи,¹⁶ которую решается выдвинуть доктор Барнс, заключается в том, что душа — это единая сущность, а её так называемые «способности» — лишь общие термины для классификации различных психических процессов, а не реальные части самой души, то высказанное мнение совпадает с позицией практически любого авторитетного автора нашего столетия, по крайней мере из тех, с чьими трудами я знаком. Я могу смело сослаться на Локка, Кларка, Стиллингфлита, Бакстера, Додриджа, Прайса, Такера и Палмера. По сути, это единственно возможная точка зрения для всех, кто считает душу простой и неделимой. Насколько мне известно, сегодня нет ни одного уважаемого мыслителя, который придерживался бы иного взгляда.

2. Все те, кто настаивает на существовании души отдельно от тела, тем не менее признают, что человеческая природа есть союз души и плоти. Ведь под «человеческой природой» мы понимаем именно те качества, которые характеризуют человека как живое существо. А мне, признаться, еще не доводилось встречать людей, у которых не было бы тела. В процитированном выше фрагменте понятия «человеческий разум», «душа» и «человеческая природа» используются как синонимы.

¹⁶ Мнение доктора Барнса о природе души отнюдь не ново. Его высказывали еще Тит Бострийский, церковный писатель, живший во времена императора Юлиана, и аббат Серен в трактате «О подвижности души», написанном спустя пару столетий после Тита. «Разум определяется как нечто вечно движущееся и чрезвычайно активное». «Душа по самой своей природе никогда не может пребывать в состоянии полного покоя; ей необходимо иметь область для проявления своей активности...» — Аббат Серен, «О подвижности души» (Bibl. Mag. Vet. Pat. VII. 140) В седьмой главе, озаглавленной «Вопрос о подвижности души», Германус замечает: «Возможно, эту изменчивость души удалось бы ограничить...». Это всё, что касается вопроса о «постоянном движении» души. Тит Бострийский в своем трактате против манихеев писал: «Душа бестелесна и по своей природе не имеет в себе никаких составных частей, особенно противоречивых. Те же, кто пытался представить её как нечто сложное, на самом деле описывали не её внутреннее устройство, а лишь её различные внешние проявления. Они делали это потому, что не могли сформулировать единое и четкое определение, которое охватило бы всю её суть». Таким образом, не только доктор Барнс считал душу неделимой. Впрочем, должен признать: доктора вряд ли можно обвинить в том, что он заимствовал свои идеи напрямую из этих древних источников.

Из этого делается вывод, что истинное определение человеческой природы — это «единая простая сущность, находящаяся в постоянном движении». Насколько философски точно описывали душу предшественники доктора Барнса — вопрос отдельный. Однако я считаю в корне неверным утверждать, что человеческая природа, состоящая из души и тела, является «единой», «простой», «неделимой субстанцией» или чем-то, «пребывающим в вечном движении». Напротив, любому человеку (за исключением, возможно, самого доктора Барнса) должно быть очевидно, что правильное представление о человеческой природе, основанное на принципах имматериализма, не является ни тем, ни другим. Следовательно, исходя из общепринятых правил языка, автор цитаты ошибочно отождествляет две вещи, которые как минимум в одном отношении прямо противоположны друг другу.

3. Подобное описание разума или души создает ряд трудностей, которые я не в силах разрешить. Например, если душа (согласно данному утверждению) постоянно находится в движении, то она должна двигаться либо внутри тела, либо вне его. Однако, насколько мы можем себе представить, любая душа, находящаяся вне тела, имеет к нему не больше отношения, чем любая другая посторонняя душа. В таком случае, если следовать этой логике, душа доктора Барнса могла бы управлять телом короля Георга или чьим-либо еще — и наоборот. Полагая, такая гипотеза будет признана совершенно несостоятельной.

Но допустим, что душа движется внутри тела. В таком случае она не может занимать всё его пространство целиком — иначе ей просто некуда было бы двигаться. Следовательно, по размеру она должна быть меньше тела. А раз она в нем движется, значит, в разные моменты времени она находится в разных его частях. Из этого следует курьезный вывод:¹⁷ человеку могут ампутировать ногу или любую другую часть тела именно в тот миг, когда туда «забрела» его душа. Возможно, доктор Барнс разделяет идеи Штала о некоем «предчувствии» души, что якобы она заранее ощущает угрозу организму и успевает вовремя ускользнуть от надвигающейся опасности.

¹⁷ Доктор Уайтт полагает, что сократимость отделенной мышцы обусловлена остаточным действием души, но при этом он не допускает возможности её деления на части. Мнение доктора Барнса, вероятно, не сильно отличается от позиции Шейблера, который утверждал: «вся душа целиком находится в стопе» (Metaph. L. II).

Кроме того, если душа находится в вечном движении, она не способна воспринимать сигналы, поступающие из одной части тела, пока сама находится в другой. Если для восприятия любых впечатлений необходимо присутствие души, то было бы логическим противоречием утверждать, что они могут ощущаться в её отсутствие. Получается, если нас кто-то зовет, а мы не слышим, то, согласно обсуждаемому определению, душа в этот момент находится в пальце, в стопе или в какой-то другой отдаленной области. Или же, подобно идолу жрецов Ваала, она «разговаривает, или занята чем-то, или находится в дороге, а может быть, спит и её нужно разбудить». Впрочем, средневековые схоласты отвергли этот вывод, настаивая на своей доктрине *Tota in toto, et tota in qualibet parte* («Вся целиком во всем теле и вся целиком в каждой его части»), так что подобное утверждение еще нуждается в доказательствах.

4. Я полагаю, что для признания души материальной не требуется иных данных, кроме определения (или описания), которое дал доктор Барнс. Ведь он называет её «простой субстанцией, находящейся в постоянном движении». Однако любое движение само по себе по определению представляет собой перемещение из одного места в другое. Следовательно, если душа движется, то в процессе перемещения она обязательно должна находиться в какой-то точке пространства. Поскольку душа пребывает в постоянном движении, она всегда где-то находится, пусть и постоянно меняет свое положение. Иными словами, она занимает определенную часть пространства. Однако ничто не может занимать пространство, не обладая протяженностью. Отсюда следует, что душа имеет размер или величину, а значит — форму и очертания. Таким образом, исходя из данного определения, душа наделена тем самым свойством, которое многие натурфилософы считают единственным сущностным и доказуемым признаком материи (ведь тезис о непроницаемости признают далеко не все). А значит, если опираться на факты, в которых мы можем быть уверены, душа материальна.

Более того: всё, что имеет протяженность, состоит из частей, а всё, что состоит из частей, делимо и сложно по своей структуре. Однако, согласно логическим выводам из этого определения, душа обладает протяженностью. Из этого следует (в полном противоречии с самим определением), что она множественна, делима и состоит из различных элементов.

Далее: согласно концепции доктора Барнса, душа обладает протяженностью или величиной. В своем определении он сам указывает на то, что ей присуще движение, причем движение постоянное. Но если процесс мышления напрямую зависит от души, то и все мыслительные явления можно свести к двум физическим параметрам — **величине и движению**.

Между тем, сторонники имматериализма постоянно упрекают материалистов именно в том, что те сводят мышление к механическим категориям размера и перемещения. Этот аргумент неустанно выдвигают два самых ярых защитника нематериальной природы души — доктор Кларк и доктор Прайс. Таким образом, доктор Барнс, вопреки собственным формулировкам, оказывается таким же убежденным материалистом, как и все мы.

Более того, из предложенного им определения следует не только то, что душа обладает величиной и движением, как и любая материя, но и то, что она обладает всеми остальными свойствами материи. Поскольку идея о том, что душа может существовать вне тела, кажется слишком абсурдной, предположим, что она движется внутри него. В таком случае, если душа постоянно находится в теле, то при любом перемещении тела движется и она сама. Это происходит, например, когда человека без сознания или в состоянии апоплексического удара переносят в постель. Однако, если душа перемещается вместе с телом, в котором она заключена, под воздействием импульса от другого внешнего объекта, то она должна обладать плотностью или свойством отталкивания. В противном случае тело, которое ее переносит, просто прошло бы сквозь неё, оставив душу на месте. Но, согласно нашему допущению, она не остается позади, а всегда пребывает внутри тела — а значит, она обладает свойством отталкивания.

Кроме того, одна из форм движения души (говоря языком доктора Барнса) заключается в воздействии на тело. Любое влияние на физический объект, какого бы рода оно ни было, неизбежно подразумевает либо притяжение, либо отталкивание — ведь именно к этим двум силам можно свести любые состояния материи. Поскольку трудно представить, что душа только и делает, что постоянно отталкивает, она, очевидно, должна иногда и притягивать. Следовательно, душа обладает свойствами как притяжения, так и отталкивания. Таким образом, если опираться на логические выводы из определения доктора Барнса, душа наделена: (1) протяженностью или величиной; (2) силой притя-

жения; (3) силой отталкивания. Это означает, что она обладает всеми характеристиками материи, то есть, иными словами, материальна.

Я мог бы также указать на очевидное противоречие этого определения реальным фактам. Оно становится заметным, если обратить внимание на отсутствие мышления в определенных состояниях: например, при глубоком сне, обмороке, сильном опьянении или апоплексическом ударе. Если мы допустим, что движение души и есть сама мысль, то при отсутствии мысли должно прекращаться и всякое движение. Вопрос о том, что движение души никогда не прекращается, требует дополнительного изучения, прежде чем это утверждение можно будет принять. Однако, поскольку мы с доктором Барнсом полностью сходимся в главных спорных вопросах, я слишком ценю такого способного соратника, чтобы обращать внимание на столь незначительный просчет. Замечу лишь, что если учение о материализме и влечет за собой какие-то негативные последствия, то их с тем же успехом можно вывести из взглядов доктора Барнса, как и из моих собственных.

Из этих рассуждений можно сделать один очевидный и важный вывод. Если они верны, то определение доктора Барнса полно противоречий и абсурда. Допустим на мгновение, что это так. Точно так же, как человека клеймят дурным лишь потому, что из его теоретических взглядов можно — справедливо или нет — вывести некую аморальную тенденцию, к нему начинают применять самые неуместные и оскорбительные эпитеты, это можно было бы применить и к доктору Барнсу, ведь некоторые его суждения в итоге сводятся к явным противоречиям. Более того, я твердо убежден и готов доказать, что многие идеи доктора Барнса по вопросам, тесно связанным с нашей темой, полностью разрушают сами основы религии и морали. При этом ни один человек, знающий доктора Барнса лично или по его репутации, не станет отрицать его выдающиеся способности, порядочность или искреннее благочестие. Из этого следует важный вывод: **судить о характере человека по его философским взглядам — несправедливо.** Однако из-за того, что концепция материализма и связанные с ней учения до сих пор считались предосудительными и «немодными», труды критиков этих идей переполнены обвинениями в атеизме, нечестии и безверии. В них слишком часто встречаются попытки делать выводы о личности автора на основании его убеждений. На мой взгляд, подобные нападки совершенно ошибочны, и я надеюсь, нет ну-

жды объяснять, что подобное поведение совершенно недостойно человека, порядочного мужчины и христианина.

Таково множество нестыковок и противоречий, которыми грешит гипотеза о существовании отдельной, нематериальной души. Теперь я перейду к разбору всех аргументов в пользу этой теории, которые мне довелось встретить в литературе.

Разбор аргументов противников материализма.

Аргумент I.

Все модусы протяженной или телесной субстанции имеют длину и ширину. Мысль не имеет ни того, ни другого, и ни в малейшей степени не связана с ними; следовательно, она не может быть модусом никакой протяженной или телесной субстанции. Отсюда, поскольку она явно выступает модусом некоторой существующей субстанции, эта последняя не может быть иной, кроме бестелесной.

Ответ:

Ни движение, ни силы притяжения и отталкивания, ни магнетизм, ни электричество, ни процессы вегетации, ни мышечная возбудимость, ни бесчисленное множество других состояний материальных и физических тел также не обладают ни длиной, ни шириной. Таким образом, этот признак нельзя считать надежным критерием. По сути, всё перечисленное, как и само мышление — это лишь названия для определенных явлений, присущих той или иной субстанции. Однако вопрос о том, обладает ли субстанция, рождающая мысль, физическими размерами, как раз и является предметом нашего спора. На данном этапе ни я не имею права это утверждать, ни мой оппонент — отрицать.

Аргумент II.

«Я мыслю — следовательно, я существую». Считается, что одной лишь мысли достаточно, чтобы подтвердить факт нашего бытия, причем для этого не требуются никакие свойства материи. Следовательно, физические свойства не являются обязательным условием нашего существования. Зато мышление для него необходимо, ведь иначе мы не могли бы доказать, что существуем. Из этого делается вывод, что мысль не зависит от материи и, само собой, принципиально от нее отличается. Таким образом, та субстанция, формой проявления кото-

рой является мысль, не есть материя и не связана с ней необходимыми узами; она отлична от неё и самобытна.

Ответ:

Оба предыдущих аргумента я выстроил на основе известных принципов Декарта, и теперь мне предстоит ответить на последний из них. Декарту обычно — и, как я полагаю, вполне обоснованно — возражают, что в своем способе доказательства бытия он неосознанно принимает желаемое за действительное еще до того, как делает само утверждение. «Я мыслю», — говорит Декарт. Но кто именно мыслит? Кто этот «Я»? С тем же успехом я мог бы доказать собственное существование через физические проявления: «Я двигаюсь — следовательно, я существую»; «Я вижу, слышу, ощущаю вкус, запах и прикосновение — следовательно, я существую».

Аргумент III.

Основное, сущностное свойство материи — это её пассивность и инертность. Материя сама по себе неподвижна и неспособна стать первоисточником движения. Все общие принципы, описывающие физические явления и известные как законы движения (доказанные сэром Исааком Ньютоном и другими учеными), опираются именно на этот фундамент — инерцию материи (*vis inertiae*). Мысль, напротив, обладает безграничной активностью; её движение рождается исключительно в самой душе. Из этого делается вывод, что мысль не может быть простым продуктом материи.

Ответ:

Мы имеем право делать однозначные утверждения только о том, что знаем наверняка. Во всех остальных случаях наши суждения могут носить лишь гипотетический характер. О самой материи нам не известно ничего достоверного,¹⁸ кроме её свойств, которые в конечном счете сводятся к **притяжению** и **отталкиванию**. Мы имеем полное

¹⁸ В своих рассуждениях я опираюсь на общепринятую гипотезу, а не на теорию Беркли.

право уверенно утверждать лишь то, что знаем наверняка. Обо всём остальном мы можем рассуждать только в рамках гипотез. Если говорить о материи, то нам достоверно известны лишь её свойства, которые в конечном итоге сводятся к притяжению и отталкиванию. Мы точно знаем: во всех случаях, которые поддаются проверке, это притяжение и отталкивание происходят на расстоянии между частицами. На сегодняшний день человечеству не известно ни одного физического явления, где был бы доказан факт непосредственного контакта или прямого механического толчка. Напротив, обратное подтверждается множеством примеров: в магнетизме и электричестве; в любых процессах, связанных с гравитацией; при прохождении света сквозь прозрачную среду или его отражении от плотных поверхностей. Это также отчетливо проявляется, когда физические тела сжимаются от холода и расширяются от тепла, или когда мы наблюдаем за поведением звеньев наэлектризованной цепи. К каким бы выводам это ни вело, эти многочисленные факты невозможно игнорировать или опровергнуть. Но каждый из этих фактов служит прямым доказательством того, что материя не является ни вялой, ни инертной, ни лишенной активности; ибо в каждом из них действие частиц начинается до контакта и без контакта. Таким образом, мнимая пассивность материи не имеет отношения к отдельным частицам, из которых состоит любое тело.

Законы движения не опираются на такое понятие инерции (*vis inertiae*), которое исключало бы активные свойства притяжения и отталкивания. Эти силы заметно проявляются лишь на очень малых расстояниях. Поэтому за пределами этой узкой сферы влияния законы движения и факты, на которых они основаны, остаются точно такими же, как если бы этих сил вовсе не существовало. Что бы ни приписывали ему последователи, сам сэр Исаак Ньютон никогда не считал, что активные свойства притяжения и отталкивания противоречат законам движения, которые он вывел, исходя из наблюдений за явлениями природы. Напротив, он сам описал один из самых убедительных примеров притяжения и отталкивания, а именно — отражение и преломление частиц света, которые происходят без их непосредственного контакта с отражающей или преломляющей средой.

Законы движения, обычно так называемые, не означают, будто не может быть никакого движения вообще, кроме того, которое им подчинено. Если бы это было так, они оказались бы ложными, ведь ни один химический процесс, ни явления растительной или животной

жизни невозможно объяснить лишь с их помощью. Например, ответная реакция раздраженной мышцы по своей силе значительно превосходит стимул, если рассчитывать последний исключительно по законам механики.

Существует столько же оснований полагать, что движение зарождается в частицах материи, сколько и в самом сознании. Известные факты подтверждают, что любое проявление мысли является результатом некоего предшествующего процесса. Однако я отрицаю, что, строго говоря, существует более чем один первоисточник движения. И до тех пор, пока мы не проследим путь движения до самого первоисточника, любой конкретный случай перемещения будет — с высокой долей вероятности, а то и вовсе наверняка — лишь закономерным следствием некоего предыдущего движения.

Дополнение III.1.

На это обычно отвечают, что свойства притяжения и отталкивания в принципе не могут быть присущи частицам материи как таковым. Аргументация здесь следующая: частицы притягиваются и отталкиваются без прямого контакта. Если же признать ложным столь очевидное утверждение, как «ничто не может действовать там, где его нет», то никакое другое суждение в принципе нельзя будет считать истинным. Следовательно, эти силы — либо результат воздействия какой-то внешней энергии, либо некие качества, добавленные частицам позже. В любом из этих случаев они не являются неотъемлемой, существенной характеристикой самой материи.

На это я возражу следующее:

Если эти свойства не принадлежат материи изначально, то у нас вообще нет никаких доказательств её существования. Ведь мы утверждаем ее существование только вследствие нашего наблюдения этих ее предполагаемых свойств. Следовательно, у нас ровно столько же оснований считать эти свойства неотъемлемыми качествами материи, сколько и оснований верить в существование самой материи как таковой. Во-вторых, с философской и научной точки зрения нелогично привлекать некую внешнюю силу для объяснения явлений, которые можно истолковать гораздо проще. Поскольку утверждение о том, что

данные свойства присущи самой материи, не содержит в себе противоречий, а аргумент об инерции оказался неубедительным, нам следует принять именно эту точку зрения как истинную. В-третьих, широко известное «самоочевидное» утверждение о том, что ничто не может действовать там, где оно отсутствует, кажется мне заведомо ложным — по крайней мере, насколько вообще можно считать что-то доказанным, опираясь на совокупность фактов. Ведь, в определенном смысле, любой объект действует именно там, где его нет; об этом говорит само понятие «действие», если оно вообще применимо к каким-либо природным явлениям. В качестве примера можно привести любые случаи притяжения и отталкивания, движение планет и так далее. Следовательно, так называемая инертность или «косность» материи — это фикция.

Аргумент IV.

Тело и его состояния сводятся исключительно к физической величине и движению. Как бы вы ни сочетали эти параметры — на практике или в теории — результат будет неизменным. Из величины и движения, как бы их ни дробили и ни смешивали, не может возникнуть ничего, кроме всё тех же величины и движения. Мышление же настолько фундаментально отличается от этих понятий, что они попросту не могут быть одним и тем же.

Ответ:

Прежде всего, важно прояснить, что ни один материалист никогда не брался в точности объяснить, как именно восприятие рождается из нашего физического устройства. Тем не менее, любой материалист готов будет сделать это, как только сторонник идеи о нематериальности души сможет объяснить, каким образом некое «нематериальное начало» связано с человеческим телом, как оно воздействует на него, и как само испытывает на себе его влияние. Материалист же утверждает следующее: восприятие — что бы оно собой ни представляло и как бы ни возникало — на самом деле является результатом устройства нашего организма. Я поясню дополнительно:

Во-первых, все мыслительные процессы можно свести к четырем категориям: восприятию, памяти, суждению и воле. Доказано, что по-

следние три являются модусами, формами движения. Это обосновал Гартли. Я еще раз повторю то, что уже отмечал ранее: в наше время просто недопустимо рассуждать о так называемых психических явлениях, не принимая его систему или не пытаясь её опровергнуть.

Во-вторых, я признаю, что частицы, из которых состоит наше тело, и их перемещение можно описать в терминах величины и движения. Однако, чем бы ни было само восприятие, и как бы оно ни возникало, оно на самом деле прямой результат, следствие и эффект физических параметров и движения тех частиц, из которых состоит наше тело. Такова реальность, каков бы ни был её скрытый механизм. Я не сомневаюсь, что в будущем наука предоставит нам достаточно фактов, чтобы мы могли детально это объяснить. Поэтому я утверждаю, что в любом случае мысль, хоть она и не тождественна физическим величинам и движению, является их прямым порождением. Более того, в трёх случаях из четырёх уже наглядно доказано, как именно и почему это происходит. Противоположное мнение — насколько мне известно — всегда высказывалось либо как некая «самоочевидная» истина, либо на основаниях, которые я уже опроверг в других своих трудах. Исходя из этого, я полагаю, что вероятность моей правоты соотносится с доводами противников как три к одному.

На этот довод мне наверняка ответят следующее: результатом физических параметров и движения могут быть только сами параметры и движение. Следовательно, восприятие — это либо то же самое, что и они, либо некая фикция, либо же проявление или действие какого-то нематериального начала. Поскольку это возражение опирается на следующий аргумент в пользу нематериальности души, мой ответ на него будет изложен в рамках разбора самого этого аргумента.

Аргумент V.

Любая система представляет собой сумму, или совокупность составляющих её элементов. Следовательно, свойства всей системы — это лишь сумма свойств её отдельных частей. Из этого логически вытекает, что качества системы должны быть идентичны по своей природе качествам её компонентов, отличаясь от них лишь масштабом или степенью выраженности. Таким образом, ни одна система или сложное соединение не может обладать характеристиками, которые прин-

ципиально отличались бы от тех, что изначально были присущи её частям по отдельности.

Доктор Кларк в своей полемике с Коллинзом формулирует этот тезис так: *«Ни одно реальное качество не может возникнуть в результате слияния различных свойств таким образом, чтобы стать в том же объекте чем-то совершенно новым — качеством иного рода или вида, отличным от каждого из составляющих его элементов. Это правило неизбежно должно быть истинным для абсолютно любых свойств и качеств — как известных нам, так и неизвестных. В противном случае, как уже отмечалось ранее, в сложном соединении возникло бы нечто из ничего»*. В другом месте тот же автор по схожему поводу пишет, что иначе возникли бы следующие парадоксы: (1) Общее существовало бы без частного; (2) следствие возникало бы без адекватной причины; (3) причина передавала бы то, чем сама не обладает.

Ответ:

Данное замечание может быть справедливо для простых механических соединений, где целое образуется не путем синтеза, а обычным соположением (наложением друг на друга) составных частей. Впрочем, я вовсе не утверждаю, что это верно даже для таких случаев. Как бы то ни было, подобные примеры не объясняют и одной тысячной доли всех природных явлений. В химии, а также в процессах роста растений и жизни животных (даже тех, которые не сводятся к одной лишь химии), всё обстоит ровно наоборот. В качестве доказательства можно привести примеры из современных научных трудов. Так, в примечании мистера Кира к его переводу «Словаря» Макёра (в статье «Сродство») этот вопрос разбирается специально. Автор утверждает следующее: *«Можно принять за общее правило: изменение характеристик и появление новых свойств служат критериями, по которым химические соединения отличаются от простых смесей или механического сложения частиц. В смесях свойства продукта являются лишь чем-то средним между свойствами исходных компонентов, и никаких принципиально новых качеств в них не возникает»*.

Восьмой закон химического сродства в изложении Фуркруа гласит: *«Два или более тела, соединяясь благодаря химическому сродству, образуют вещество, чьи свойства являются совершенно новыми и значительно отличаются от тех, которыми обладал любой из исходных*

компонентов до их объединения». Пресловутая аксиома *nil dat quod non habet* («никто не дает того, чего не имеет») настолько далека от истины, что, на мой взгляд, она содержит в себе прямое противоречие. Например, само утверждение, что причина и её следствие тождественны, абсурдно по определению, ведь эти термины подразумевают разные вещи. Следствие — это результат или итог, порожденный или вызванный причиной. Однако следствие не то же самое, что и причина. Следовательно, причина как таковая неизбежно должна производить нечто отличное от самой себя — то есть нечто, обладающее характеристиками, которых нет у самой причины; иными словами, свойствами новыми и иными. Отсюда следуют и все прочие допущения: а именно, что если утверждение Кларка неверно, то нечто создается из ничего, а общее существует без частных, и утверждение, будто следствие может возникнуть без адекватной причины — всё это либо ложно, либо попросту неприменимо к данной ситуации.

Я уже демонстрировал ошибочность этой так называемой «истины» на примерах из химии. Давайте теперь проследим за тем, как материя превращается в растения и живые организмы. Нам известны все виды почв и все соли, составляющие ту смесь, которую называют перегноем. Мы знакомы с продуктами растительного брожения. Благодаря неоценимым трудам доктора Пристли природа газов также в значительной степени изучена. Наших знаний об этих элементах вполне достаточно, чтобы уверенно заявить: ни один из них сам по себе не является ни растением, ни животным. И тем не менее именно эти минералы, соли, газы и их соединения образуют саму плоть растений, которые на них вырастают. Более того, эти растения — исключительно благодаря работе органов, воздействующих на них в определенных условиях — способны становиться частью животных организмов, формируя сложную жидкость, называемую кровью. Кроме того, известно, что все выделения в организме животного вырабатываются из крови с помощью особых органов — желез. Когда на кровь воздействуют так называемые семенные железы, она обретает способность оплодотворять секрет другого животного с несколько иным строением. В результате этого процесса рождается новое существо, обладающее совершенно новыми и бесчисленными качествами. Таким образом, исключительно благодаря работе различных органов, соли, газы и частицы земли полностью преобразуются в живую плоть. И это существо — независимо от того, есть ли у него душа — бесспорно обладает жизнью

именно в силу своего биологического строения. Этот факт неоспорим, однако объяснить его ничуть не легче, чем любое психическое явление.

Общий принцип того, как сложные соединения приобретают новые свойства, так хорошо сформулирован Коллинзом в ответе Кларку, что стоит процитировать этот фрагмент полностью (из переписки Кларка и Коллинза):

«Я готов признать, что в одинаковых условиях материя повсюду наделена одними и теми же свойствами. Если рассматривать материальный мир в целом, то каждая его частица способна — наравне с любой другой — проявлять все те качества, которыми обладает материя. Однако если эти качества проявляются лишь при определенных условиях, а для действия любой силы необходимо конкретное расположение движущихся частей, то из этого следует, что **свойства системы не являются просто суммой различных видов энергии**. Дело в том, что из-за разного расположения элементов в системе каждая отдельная частица действует по-особенному, хотя в тех же обстоятельствах или при том же положении она проявляла бы ту же самую силу. Я склонен считать, что дело обстоит именно так, и это гораздо логичнее, чем предполагать существование неких принципиально иных сил, обусловленных особыми свойствами различных частиц материи. Опыт показывает, что при смене формы любая вещь может превратиться во что угодно. Так, одни и те же элементы материи становятся навозом, почвой, травой или зерном, а затем — частью организма овец, лошадей или людей».

Не могу не заметить, что Коллинз, которого я считаю одним из величайших умов не только Англии, но и всего мира, был деистом. Причина его взглядов была той же, что и у большинства деистов той эпохи — людей, которым точно нельзя было отказать ни в здравом смысле, ни в глубоких знаниях, ни в честности или истинном благочестии. Проблема заключалась в том, что церковнослужители выдавали определенные догмы за незыблемые основы христианства, хотя на самом деле те таковыми не являлись. В результате эти мыслители отвергали всё учение целиком, поскольку не могли принять его отдельные, ошибочные на их взгляд, положения. Так, если человек считает теорию об

отдельном нематериальном начале абсурдной и лишенной всякого разумного обоснования, и если при этом человека убеждают, что без принятия этого принципа нельзя быть христианином, то он просто не сможет им стать. Именно так произошло с Коллинзом, и то же самое случилось бы со мной. Полагаю, что каждый, кто доказывает, что ни материализм, ни имматериализм не являются обязательными условиями христианства, приносит огромную пользу и самой вере, и обществу в целом. Это неопровержимо продемонстрировали нынешний епископ Карлайлский и доктор Пристли. Причем это далеко не единственная заслуга последнего перед христианством.

Кроме того, господин Макневен, чьи суждения по любому вопросу всегда заслуживают внимания, в частной беседе высказал возражение против материализма. Он утверждал, что раз свойства сложного целого — это лишь совокупность свойств его частей, то и характеристики целого должны быть качественно подобны характеристикам составляющих его элементов. В ответ я указал на тот факт, что в любом сложном соединении всегда возникают новые, совершенно иные свойства, отличные от свойств тех элементов, из которых оно состоит. На это мой собеседник возразил, что хотя свойства целого и кажутся новыми, на деле они могут не отличаться от свойств его элементов. Вполне вероятно, что те же самые качества присущи каждой отдельной частице, но выражены они настолько слабо и призрачно, что обнаружить их можно лишь в «сгущенном» виде, когда они объединяются в общую массу. Я нахожу это предположение чрезвычайно остроумным. В своё время его придерживался Гоббс (хотя мистер Макневен об этом и не знал), а Кларк высмеивал эту идею. Однако здесь стоит заметить следующее: (1) Нельзя делать вывод о реальном существовании чего-либо лишь на основании того, что это теоретически возможно. (2) Этот довод явно опровергает теорию имматериализма. Если следовать такой логике, то наше восприятие вполне может оказаться лишь суммой восприятий всех отдельных частей, из которых состоит сложное целое. Ранее отдельным частицам отказывали в наличии этого свойства лишь потому, что оно было слишком слабым и неуловимым, чтобы его можно было зафиксировать по отдельности.

Я остановился на этом аргументе столь подробно, потому что считаю его «главным бастионом» сторонников имматериализма. Именно этот довод позволяет мне опровергнуть практически любое возражение, которое они могут выдвинуть. Приведу примеры:

Возражение: «Любое проявление материального объекта должно обладать физическими параметрами — длиной и шириной». Мой ответ: Сложное соединение может обладать свойствами, которых нет у его отдельных частей.

Возражение: «Мышление — это основа нашего бытия, ведь сам факт существования мы доказываем через мысль». Мой ответ: Мышление не является чем-то фундаментальным и первичным, так как комбинация частиц материи, которые сами по себе не мыслят, вполне способна породить разум.

Возражение: «Материя по своей природе пассивна, тяжеловесна и инертна». Мой ответ: Структура, состоящая из этой материи, может проявлять совершенно иные качества.

Возражение: «Материя — это всего лишь протяженность и движение». Мой ответ: Материальное соединение способно обладать характеристиками, которые не сводятся к одним лишь размерам и механическому перемещению.

Аргумент VI.

Утверждается, что индивидуальная способность или отдельное свойство не могут быть результатом работы сложной, составной системы. Однако мышление, сознание или восприятие является единой способностью. Мозг же, по всеобщему признанию, представляет собой сложную структуру, составное целое.

Ответ:

Сложный объект может обладать свойством, которого нет ни у одной из его составляющих частей по отдельности. При этом любое свойство само по себе является целостным. Любая сложная система, несмотря на наличие множества частей, фактически представляет собой некое индивидуальное единство. Более того, насколько нам известно, в природе вообще не существует объектов, которые не имели бы составных частей. Мозг — это один мозг, а не два. Часы — это одни конкретные часы, роза — это одна роза, а мышца — это одна мышца. И каждый из этих объектов обладает своими собственными, индивидуальными свойствами.

Аргумент VII.

«Поскольку активные элементы и частицы мозга подвижны и находятся в состоянии постоянного изменения, они не могут быть носителем того сознания, благодаря которому человек не только помнит события многолетней давности, но и осознает, что именно он — та же самая личность — был их участником» (Кларк и Коллинз). Поскольку рассуждения доктора Прайса по сути совпадают с предыдущими, хоть и сформулированы иначе, я привожу это здесь:

«Если душа — то есть мыслящее и действующее существо — представляет собой упорядоченную систему материи, то она должна быть либо самими веществами, из которых состоит эта система, либо результатом их организации, движения или взаимного расположения. Если верно последнее, то из этого следует, что человек — это не самостоятельная сущность или существо, а лишь форма проявления (модус). Ведь движение, структура и расположение частей — это не сами субстанции, а лишь способы их существования. Любое количество людей с одинаковым внутренним устройством должны обладать одной и той же душой или быть одним и тем же человеком. Это подобно тому, как точки, расположенные одинаковым образом вокруг центра, всегда образуют одну и ту же фигуру. Одни и те же материальные системы, организованные иначе, будут превращаться в совершенно иные души или новых людей — точно так же, как одни и те же точки, расположенные вокруг центра по-разному, образуют разные фигуры.

Если же предположить, что душа — это сама материальная субстанция, а не способ её организации, то из этого следует, что человек будет существовать до тех пор, пока сохраняется материя, из которой он состоит, — вне зависимости от того, как она организована или структурирована. И поскольку смерть не уничтожает материю, составляющую человека, она не уничтожает и самого человека. Следовательно, он продолжает существовать и после смерти, то есть является бессмертным по своей природе».

Мой ответ:

Утверждение о том, что мозг является настолько текучей и изменчивой субстанцией, как это описывает Кларк, — лишь предположение, которое не имеет доказательств. Вполне вероятно, что в каждом человеке заложена некая устойчивая основа или особые первичные частицы, принадлежащие исключительно конкретному человеку как индивиду. Они остаются неизменными на протяжении всей жизни, а после смерти не входят в состав любого другого существа в качестве его базовых, жизненно важных элементов. Эта гипотеза выглядит вполне правдоподобной. Несмотря на огромное количество людей, живших на Земле от начала времен до момента грядущего воскрешения, в мировой системе вполне достаточно материи, чтобы сформировать их «второстепенные» части — такие как кожа, конечности и прочее. В пользу этой теории говорит тот факт, что для процесса восприятия необходима лишь ничтожная часть организма, а именно: (1) ножки мозга; (2) варолиев мост; (3) часть спинного мозга. Известные факты о регенерации живых тканей доказывают, что для сохранения индивидуальности совершенно не важно, из каких именно частиц состоят те или иные органы человеческого тела. Таким образом, утверждение Кларка о полной «текучести» и постоянной смене вещества в мозге или нервной системе выглядит произвольным и ничем не обоснованным, хотя теоретически оно и может оказаться верным.

Вопрос о тождестве личности крайне сложен и запутан в рамках любой философской системы. Сами сторонники имматериализма так и не пришли здесь к единому мнению, поэтому любые аргументы, основанные на их позиции, вряд ли могут быть полезны при нынешнем уровне знаний.

Трудности, на которые указывает Кларк, в системе имматериализма ощущаются так же остро, как и в противоположном учении. Ведь если частицы мозга действительно так нестабильны и постоянно сменяют друг друга, как это описывается, то душа оказывается связана не с одним телом (как привыкли считать все имматериалисты), а с бесконечной чередой тел, сменяющих друг друга. В таком случае наши чувства нас явно обманывают, формируя ложные представления о собственной идентичности. Но если мы не можем доверять своим чувствам в столь очевидном вопросе, то под угрозой оказывается весь фундамент наших знаний.

Что касается доктора Прайса, достаточно будет сказать, что, согласно его подходу, он может доказать *quidlibet ex quolibet* (всё что угодно из чего угодно). Прайс любезно приписывает материалистам нелепые утверждения, которых те никогда не делали, а затем сам же их эмоционально критикует. С точки зрения материализма, человек это не просто сумма частиц, из которых состоит его тело, и не просто его структура сама по себе. Человек — это и то, и другое в совокупности. На самом деле «организация» это лишь слово, которое по умолчанию подразумевает наличие частиц, организованных в систему.

Вопрос о тождественности личности изучен настолько плохо, что, как мне кажется, не составит труда доказать, что это понятие — чистая фикция. И насколько простиралось бы такое доказательство, рассматриваемое возражение было бы недействительным. Когда сторонники имматериализма наконец согласуют свои многочисленные гипотезы и придут к единому мнению, тогда у материалистов и появится повод проверить, насколько эта предполагаемая истина соотносится с их собственным учением. Возражения, связанные с понятием сознания и его тождества, я рассмотрю в следующей главе [прим. этот раздел сборника здесь не переведен].

Аргумент VIII.

Тело смертно. Если человек — это только его тело, то исчезает одно из главных доказательств будущего воздаяния. Напротив, если предположить, что душа нематериальна, неделима и, следовательно, бессмертна, то даже для деистов это становится веским аргументом в пользу существования загробной жизни.

Ответ:

Даже если признать душу нематериальной, её бессмертие невозможно доказать, опираясь исключительно на законы природы. Этого мнения придерживался и Шерлок. От идеи «промежуточного состояния» души сейчас отказываются даже представители официальной церкви. Это стало особенно очевидным после публикации неопровержимого трактата епископа Карлайла и работы Блэкберна «Исторический обзор споров о промежуточном состоянии». Полагаю, это мнение окончательно ушло в прошлое и больше никогда не возродится.

В той мере, в какой бессмертие души считается следствием её нематериальности, этот аргумент делает излишним Божественное откровение. А ведь все теологи единодушно признают: главной целью Откровения было подвести прочный фундамент под важнейшее учение о загробной жизни. До начала христианской эры этот вопрос считался настолько спорным, что ни одна школа античных философов так и не приняла его безоговорочно. **Христианин-материалист** понимает, что бессмертие можно полностью доказать лишь с помощью Священного Писания (и, возможно, только на его основе), а потому возлагает свои надежды исключительно на него. Я убежден: существует душа на самом деле или нет, она не может быть ни неделимой, ни бессмертной.

Аргумент IX.

То начало, которое изучает образы и следы событий, запечатленные в нашем воображении и памяти, должно быть чем-то отличным от самого мозга, на котором эти отпечатки оставлены. В противном случае оно бы созерцало само себя, становясь одновременно и читателем, и книгой.

Ответ:

На это утверждение я отвечу встречным. Разделение вовсе не обязательно. Разум вполне может изучать самого себя. И если душа способна иметь представление о самой себе в отрыве от тела, то в таком случае она сама является и читателем, и книгой.

Аргумент X.

Я опираюсь на самые веские доказательства из всех возможных, когда утверждаю: у меня есть душа. Это некое внутреннее «я», не являющееся моим телом; именно оно дает начало моим мыслям и воле, именно оно управляет моими физическими движениями и улавливает впечатления, которые внешние объекты оставляют в моем организме. Я чувствую и осознаю реальность этой сущности так же отчетливо, как собственное существование или присутствие окружающих. Моя природа не требует более веских доказательств, да они и не нужны.

Никакие рассуждения, какими бы логичными они ни казались, не смогут опровергнуть наличие у меня души так же убедительно, как это делает внутренняя интуитивная уверенность в том, что она есть. Я не знаю, как именно она связана с телом; о том, какими еще свойствами она обладает, помимо способности порождать мысли и волю, я могу лишь догадываться с помощью логики. Однако в самом факте ее существования я убежден благодаря свидетельствам высшего порядка.

Это крайне удобный аргумент для сторонника идеализма, и я постарался изложить его максимально убедительно.

На это я отвечу так:

Я отрицаю существование какого-либо сознания, отдельного от того, что обычно называют восприятием. Мне действительно доводилось слышать, что термин «восприятие» применим лишь к тому, как душа фиксирует непосредственные впечатления, передаваемые нашими органами чувств от внешних объектов. «Сознание» же в этой трактовке рассматривается как особая способность души постигать истины, которые недоступны чувствам, и не являются результатом их работы — например, осознание собственного существования, индивидуальности и тому подобное. Однако ни в самом себе, ни в трудах других авторов я не нашел четкого разграничения между восприятием и сознанием как таковыми, если рассматривать их в отрыве от объектов, на которые они направлены. Насколько я могу судить, процесс восприятия остается неизменным независимо от того, что именно становится его объектом: (1) внешние факторы или внутренние состояния; (2) непосредственные впечатления или воскрешенные в памяти идеи. Случайные различия в названиях не создают принципиальной разницы в сути процесса. Следовательно, подобные доводы строятся на произвольном, чисто терминологическом разделении. Ведь все предметы нашего познания объединяет одно общее свойство — все они являются объектами восприятия. И поскольку я не вижу никакой разницы между сознанием и восприятием, за исключением того, на какой именно объект они направлены, я не нахожу оснований их разделять. Это различие не касается ни самой сути процесса, ни воспринимающего субъекта.

Я отрицаю, что представления об идентичности и существовании могут возникнуть как-то иначе, кроме как через наши органы чувств. Если эти идеи можно объяснить чувственным опытом, то с научной точки зрения было бы ошибкой искать иные причины. Как гласит известный принцип: «Бессмысленно делать с помощью многого то, что можно совершить с помощью меньшего». Мои руки, ноги, лицо, голос, фигура и одежда воздействуют на мои органы чувств. Точно так же на них воздействуют и другие люди, но эти впечатления, разумеется, отличаются. Таким образом, с помощью чувств я фиксирую разницу между собой и окружающими, а равно и другими существами. Так у меня рождается понятие **собственного «Я»**. Этот сложный образ постоянно возникает в сознании благодаря бесконечному повторению тех самых впечатлений, которые изначально дали ему жизнь. Именно так рождается представление о постоянном и непрерывном «я», о неизменности собственной личности. Что же касается самого понятия существования, то оно заложено в каждом нашем ощущении — как в тех, что формируют образ «меня», так и в тех, что создают образ окружающих. За более детальными доказательствами того, что все наши идеи возникают исключительно под воздействием внешнего мира на органы чувств, я отсылаю читателя к трудам Локка и Гартли.

Если чувство присутствия души не является универсальным для всего человечества, то оно может служить доказательством лишь для тех, кто его действительно испытывает. Следовательно, все остальные, кому это чувство не знакомо, могут и вовсе не иметь души, раз у них нет этого внутреннего подтверждения. Очевидно, что ни один материалист подобным самоощущением не обладает, иначе он просто не был бы материалистом. Не знакомо оно и простому народу. Общеизвестно, что какие бы слова ни использовали обычные люди, на деле они не осознают в себе ничего, кроме телесного и материального. Более того, вплоть до времен Декарта, с самого начала этой дискуссии, никто не верил, что осознает в себе душу как нечто строго нематериальное. Да и сейчас девять десятых философов-имматериалистов признают за ней как минимум одно свойство, общее с материей — протяженность. Таким образом, это «ощущение» бестелесной души доступно, вероятно, лишь одной стомиллионной части человечества, если судить по самым широким меркам. Безусловно, этого «вполне достаточно», чтобы подтвердить её существование.

Эта душа, которую якобы чувствуют вышеупомянутые господа, по своей сути нематериальна. Однако я отрицаю саму возможность того, что у нас может быть хоть какое-то представление о чисто нематериальной субстанции. Сторонники этой идеи сами описывают её лишь через отрицание каких-либо качеств — точно так же, как описывают небытие. Но поскольку невозможно осознавать то, о чем нельзя составить даже базового представления, мы не можем осознавать и душу, за которую стоило бы бороться. Что касается меня, то, поскольку я не обладаю подобным самоощущением, я оставляю право разбираться с этим сторонникам теории нематериальности.

Я не только не чувствую, что у меня есть душа, но и, насколько хватает моего восприятия, вообще не обнаруживаю в себе ничего подобного. И всё же, если опираться на внешние факты и наблюдения, у меня ровно столько же оснований заявлять о её наличии, сколько и у любого приверженца идеи о нематериальной субстанции.

Об этой душе, чьё существование якобы доказывается внутренним чувством, обычный человек ничего не знает и даже не задумывается, пока не накопит солидный багаж знаний и не погрузится в размышления, особенно в области метафизики. Это наводит на мысль, что подобное «осознание» — лишь умозрительная конструкция (*ens rationis*). Кроме того, в какой период жизни оно вообще появляется у детей?

Люди склонны воспринимать как нечто само собой разумеющееся то, что их приучили принимать на веру. Некоторые, например, совершенно убеждены в истинности догмата о пресуществлении и других религиозных таинствах. Когда же логические шаги, которые когда-то привели к признанию подобной «давней истины», забываются, человек начинает считать её интуитивно очевидной.

Однако самый веский аргумент против такой интуитивной уверенности заключается в том, что с её помощью можно доказать всё что угодно. У вас просто не остаётся логических оснований, чтобы убедить человека в ложности принятого им абсурда. Любая попытка выдать то, что кажется истиной лично вам, за истину абсолютную — это глубокое заблуждение. Сторонник имматериализма утверждает, что он «осознаёт» существование нематериальной души. Но позвольте спросить: существует ли хоть какая-то тайна, в которой люди не были бы так же «уверены»? И как можно опровергнуть нелепость, если ваш оппонент заявляет, что он её чувствует и осознаёт? Доктор Битти, к примеру, на-

ряду с огромным количеством других очевидных нелепостей, может быть искренне убеждён в том, что спустя всего месяц после принятия теории Беркли всё человечество будет полностью истреблено. Стоит ли развивать эту мысль дальше, если вспомнить о «шотландских докторях»? Они называют подобную убежденность то «сознанием», то «здравым смыслом». Как говорится: «Кто не возненавидел Бавия, пусть полюбит твои стихи, Мавий».

Этот аргумент, основанный на внутреннем «сознании», гораздо подробнее и в ином ключе был разобран доктором Пристли. В данной работе, как и при разборе большинства других доводов, я использую собственный стиль и формулировки. Поскольку я взялся за написание этого труда, я не мог позволить себе простое копирование чужих текстов. Мое эссе не претендует на то, чтобы заменить работы Пристли; напротив, я хочу побудить читателя лично ознакомиться с тем, как он раскрывает эту тему. Что же касается остальных аргументов, которые показались мне слишком незначительными, чтобы на них останавливаться (хотя для кого-то другого они могут иметь вес), то их подробное опровержение можно найти в его труде «Исследования о материи и духе», а также в материалах его дискуссии с доктором Прайсом. Если добавить к этому списку «Ответ Додуэллу» Кларка и его тогдашний спор с Коллинзом, то вряд ли другие публикации по данной теме смогут сообщить вам что-то новое.

Предисловие к переводу книги Бруссе «О раздражении и безумии» (1831)

Основные черты того направления, которое во Франции получило название «физиологическая медицина» и главным идеологом и сторонником которого выступает доктор Бруссе, профессор медицины в госпитале Валь-де-Грас, заключаются в следующем.

Тело состоит из определенных организованных частей, таких как аппарат кровообращения и дыхания, органы грудной и брюшной полостей, мышечный аппарат, секреторные и экскреторные железы, костная структура и так далее.

Мембранные элементы, из которых они состоят, называются тканями. Все они подчиняются нервному аппарату, коммуникационным центром которого является головной мозг (Encephalon).

Ткани животного организма с химической точки зрения состоят из фибрина, желатина и альбумина. Мышечные части — это преимущественно фибрин; кожа, слизистые оболочки и прочие ткани — в основном желатин; нервный аппарат имеет белковую (альбуминовую) природу. Фосфат и карбонат извести, из которых состоят кости, по всей видимости, не обладают свойствами, присущими остальным тканям, однако эти химические вещества в живом организме еще не были изучены достаточно полно. Все ткани, за исключением, возможно, костей, способны сокращаться под воздействием определенных веществ, называемых стимулами; от этого свойства (сократимости) зависят движение и деятельность организованных частей.

Жизнь — это совокупность тех функций, которые выполняют различные органические части тела, приходя в движение под влиянием естественных стимулов: тепла, света, воздуха, атмосферного электричества и пищи в их привычных и нормальных пропорциях и степенях.

Органические действия, вызываемые этими естественными стимулами в здоровом теле, составляют нормальные, регулярные, здоровые функции в болезненно пораженной части; таким образом, на основании симптомов и признаков врач может судить о локализации, характере и степени патологического процесса. Следовательно, вся

медицина основывается на точном знании анатомии и физиологии, и только на них. Всё прочее — не более чем эмпиризм.

В предлагаемом трактате доктор Бруссе раскрывает основы физиологического учения о стимуляции, раздражении, воспалении и иннервации.¹⁹ Этому посвящены первая, третья и четвертая главы.

Во второй главе он излагает историю медицинских теорий вплоть до утверждения во Франции физиологического учения о раздражении.

Далее он переходит к анализу онтологических и психологических представлений, которые церковная метафизика привнесла в физиологию. Автор показывает, что мы не имеем права допускать существование какой-либо гипотетической сущности для объяснения интеллектуальных явлений, которые — насколько мы можем доверять нашим чувствам — являются не чем иным, как естественными, нормальными функциями головного мозга. Мы не вправе предполагать что-либо или верить во что-либо, чему наши чувства (внешние или внутренние) — единственные доступные нам источники и каналы познания — не могут предоставить доказательств. Мы не знаем и не можем знать ничего, что наши чувства не способны нам продемонстрировать, так как у нас нет иных средств получения информации и знаний, кроме наших внешних и внутренних чувств. Все термины, используемые в медицине, и все абстрактные слова и выражения — это лишь слова, а не вещи или реальные феномены. Болезни как некой сущности, общей или частной, существующей отдельно от конкретной пораженной ткани, не существует. Равно как не существует и иного лекарства, кроме того изменения, которое фактически производится в пораженной ткани средством, выбранным для этой цели. Тот факт, способен или нет кто-либо из ныне живущих удовлетворительно объяснить механизм органических функций — будь то интеллектуальных или инстинктивных,

¹⁹ Контрстимуляторы: такие как кора (хинная), мышьяк и медь в период апирекции (отсутствия лихорадки) при периодических раздражениях, например, при перемежающихся и ремитирующих лихорадках, а также при невралгиях. Южный климат Соединенных Штатов, по-видимому, требует более смелой и решительной практики, чем северный климат Парижа или Лондона; поэтому нам методы лечения Бруссе, Бежена, Костера и других кажутся слабыми. Однако сами принципы, основанные на физиологии и патологии тканей, неоспоримы и применимы повсеместно.

— не имеет никакого значения для самой сути дела; истина остается истиной независимо от того, можем мы или кто-то другой её объяснить. Явления, называемые интеллектуальными, представляются столь же трудно объяснимыми с помощью вмешательства отдельной души, как и без неё. Он считает достаточным показать, что эти явления на самом деле представляют собой закономерные, нормальные свойства и функции головного мозга, не претендуя при этом на объяснение того, как, почему и каким образом эти свойства и функции принадлежат данному органу и развиваются в нем. В неспособности дать подобное объяснение он признается так же охотно, как и его оппоненты; вся разница лишь в том, что при одних и тех же фактах и явлениях он признает свое бессилие их объяснить,²⁰ в то время как его противники вводят некую надуманную гипотетическую сущность (человеческую душу), которая ничего не объясняет, а лишь обременяет систему дополнительной и ненужной сложностью. Все это занимает пятую главу, а также дополнение, написанное в ответ на метафизические воззрения господина Кузена.

В шестой и седьмой главах он раскрывает связь между нервной системой человеческого тела и феноменами интеллекта и инстинкта.

Затем он применяет физиологическое учение о раздражении к расстройству, называемому БЕЗУМИЕМ, во всех его различных формах; этому посвящена вся вторая часть труда. Безумие долгое время считалось душевным недугом или расстройством души; поэтому его задачей стало отбросить эту бездоказательно принятую сущность и показать, что безумие — это поражение головного мозга, и только его одного.

В заключительной части шестой главы второй части работы, а также в седьмой главе, он пользуется случаем, чтобы прокомментировать краниологическое учение доктора Галля. Он приводит то, что можно считать самыми вескими возражениями, когда-либо выдвинутыми против системы этого весьма способного человека, не затрагивая, однако, главных и основополагающих принципов теории Галля и не оспаривая истинность его наблюдений, основанных на реальных фактах. Жалким недоучкам, полагающим, что они вправе насмеяться над доктором Галлем, следовало бы внимательно ознакомиться с тем

²⁰ Кто может объяснить, почему золото желтое, а серебро белое? Или почему одна и та же почва питает и картофель, и ядовитый плющ?

почетным свидетельством его знаний и таланта, которое столь охотно признает Бруссе, даже когда оспаривает несовершенства теории Галля в её нынешнем состоянии.

Таким образом, в этом томе читатель найдет самое современное изложение физиологических медицинских доктрин новой французской школы, в полной мере и отчетливо примененных к конкретному заболеванию и проиллюстрированных на примере известных причин, симптомов, протекания и способов лечения этого недуга. Кроме того, в данном труде представлено наиболее полное из существующих на сегодняшний день опровержений метафизических учений психологии. В 1787 году, следуя по пути, проложенному доктором Пристли, я опубликовал в Англии то, что считал убедительным опровержением этих доктрин. Обстоятельства, упомянутые мною в другом месте, с тех пор побудили меня доказать, во-первых, что пресловутая доктрина материализма на самом деле является тем самым учением, которого придерживался и которое проповедовал в христианских Евангелиях сам основатель христианства; а во-вторых, что она верна сама по себе — как с метафизической, так и с физиологической точки зрения. Эти трактаты были написаны в 1823 году и опубликованы в Филадельфии; я до сих пор не видел на них ни одного ответа.

Я сожалею, что в этой стране и среди народа, который так кичится своей просвещенностью, да еще и в середине XIX века, я нахожу целесообразным подкреплять свою позицию созвучными мнениями господина Джефферсона. Но такова реальность: ценность свободной дискуссии в Соединенных Штатах все еще не оценивается по достоинству, а мощная враждебность духовенства и их невежественных приспешников неизменно преследует любого, кто осмеливается воспользоваться своим правом на обсуждение церковных догматов и притязаний. Однако я полагаю, что признаки очевидны: их время постепенно подходит к концу. Ради мира и счастья человечества я искренне надеюсь, что это именно так.

Книга Гартли «О человеке» так мало востребована среди местных медиков, а учение об «ассоциации идей» настолько малоизвестно или игнорируется, что у меня возникло искушение представить краткий очерк этой теории, поскольку она неразрывно связана со всеми физиологическими вопросами.

В томе, предлагаемом ныне вниманию публики, содержатся основы ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ — единственной метафизики,

которая, на мой взгляд, заслуживает внимания здравомыслящего человека. Те, кто изучал труды Гартли, Пристли, Кабаниса, Дестюта де Траси и Бруссе, сумеют по достоинству оценить туманные и многословные рассуждения шотландской школы.

Предисловие к собранию статей Купера (1831)

Одна из главных целей доктора Бруссе в его трактате — избавить теорию безумия от ложного представления о том, что оно является болезнью «ума» или «души». Он выступает против восприятия души как некой гипотетической сущности, которую придумали лишь для того, чтобы объяснить работу нервной системы человека — как в её здоровом состоянии, так и при болезненных отклонениях. По мнению Бруссе, безумие — это болезнь тела, а не духа, и её очаг находится в головном мозге. Именно поэтому автору было необходимо показать полную несостоятельность гипотезы о «душе» как о чём-то отдельном от организма, после чего она каким-то загадочным образом якобы соединяется с телом, и результатом этого союза становятся интеллектуальные процессы, составляющие предмет науки Идеологии (учение об идеях). Мои очерки, в которых я придерживаюсь той же логики и целей, были написаны и опубликованы за несколько лет до выхода труда Бруссе. Я прилагаю их здесь в подтверждение его физиологических взглядов. Это не просто отвлечённая дискуссия — данный вопрос гораздо важнее для физиологии и медицинской практики, чем для метафизики.

В 1787 году, 44 года назад - я опубликовал в Англии (Уоррингтон) первый том «Этических, богословских и политических трактатов» (*Tracts, Ethical, Theological and Political*). Среди этих трактатов был один, содержащий обзор и защиту учения материализма, впервые прочитанный в Манчестерском литературном и философском обществе. По сути, текст, предлагаемый вашему вниманию сейчас, является сокращённым вариантом той ранней публикации. В своё время тираж был хорошо принят и быстро раскуплен, однако из-за занятости другими делами я так и не переиздал эту работу и не написал продолжения.

В 1822 году здесь, в Южной Каролине, люди с добрыми намерениями, но не слишком осведомленные, подняли шум из-за моих якобы «неправильных» взглядов. Словно в республиканской Америке человеку не позволено иметь собственное мнение, которое он, после долгих раздумий, искренне считает обоснованным. Эти туманные и общие обвинения, выдвинутые двумя коллегами присяжных из отдаленных

частей штата по инициативе духовенства, были переданы на рассмотрение в комитет Палаты представителей. Изучив вопрос, комитет пришел к выводу, что любые взгляды, которые мне приписывают сейчас, были известны еще до моего назначения на пост президента колледжа. Более того, поскольку мои выводы опираются на христианское Писание, они не могут быть поводом для претензий. Отчет комитета утвердили, а сам вопрос закрыли. В тот период, в запале бесконечных обвинений, некоторые местные газеты утверждали, будто господин Джефферсон был вынужден добиться моего увольнения с почетной должности в Виргинском университете (где я занимал совмещенную кафедру химии и права). Поэтому мне важно было подготовить доказательства того, что мои взгляды на этот предмет не противоречат ни христианскому учению Нового Завета, ни здравой философии. В 1823 году я подготовил статьи, которые публикуются здесь, и отправил их в Филадельфию — город, где их вероятнее всего могли бы подтвердить или опровергнуть. Я выпустил их анонимно, чтобы о них судили исключительно по убедительности самих аргументов.

Я выбрал такой путь еще и потому, что принципиально не хотел публиковать в этом штате ничего, что касалось бы теологии. С самого приезда и до сегодняшнего дня я сознательно избегал любых высказываний на религиозные темы в присутствии студентов колледжа. Мой неизменный совет ученикам всегда был и остается прежним: им следует придерживаться вероисповедания своих родителей до тех пор, пока, согласно закону, они не выйдут из-под их опеки. Только тогда, если у них возникнет желание, наступит подходящее время для самостоятельных исследований. Сейчас же, в силу возраста и статуса студентов, у них просто нет необходимой базы, чтобы изучить эти вопросы глубоко, окончательно и с пользой для себя. По этой причине я отправлю этот перевод труда Бруссе подальше отсюда и не стану публиковать его в Южной Каролине.

Считаю огромным позором для нашей страны то, что кто-то вообще пытается препятствовать публикации и свободному обсуждению любых взглядов. Я не знаю иного способа прочно обосновать истину, кроме как предоставить каждому полную свободу представлять общественности любые точки зрения на спорное учение. Вряд ли мы станем видеть четче, если намеренно закроем один глаз; едва ли мы станем мудрее, рассматривая лишь одну сторону спорного вопроса и упрямо отказываясь замечать все остальные. Когда господа священно-

служители выказывают столь болезненную раздражительность при обсуждении метафизических или теологических доктрин — которые они так старательно пытаются выдать за священные и неоспоримые, — они лишь дают повод для серьезных подозрений. Кажется, будто они и сами не до конца уверены в том, что внушаемые ими догмы безупречны и застрахованы от краха. Иначе к чему эта ярость, когда кто-то выражает скромное сомнение в ортодоксальных положениях? Почему бы не опровергнуть противников аргументами, а не оскорблениями? Почему бы не продемонстрировать миру свое превосходство через спокойствие, мягкость манер и сдержанную силу логики?

Боюсь, однако, что трудно ждать подобного от людей, которые воспринимают любое сомнение в своих доктринах как личное оскорбление. Духовенство претендует на статус особого, священного сословия, но, по сути, это люди, нанятые за плату для обучения и проповеди определенных идей. Для них это ремесло, профессия, надежный путь к комфорту, общественному признанию, а порой и к богатству. Глубоко пропитанные корпоративным духом своего сословия, они не могут выйти на поле дискуссии без сильнейшей предвзятости в пользу тех самых догматов, которые обеспечивают им средства к существованию. Они неизбежно будут злиться на любого, кто хоть как-то посягнет на их влияние на умы. Если истина идет вразрез с их интересами, вряд ли стоит ожидать, что они посмотрят на нее иначе как с враждебным подозрением. Такое случается даже с мудрыми, образованными и вполне добропорядочными людьми (а среди священников немало именно таких), когда они оказываются в подобном положении. И здесь претензия не к личности, а к самому сословию и к тому «ремеслу», которое кормит человека — зачастую вопреки его воле, просто в силу обстоятельств.

Именно поэтому духовенство начало вмешиваться в вопросы медицины, астрономии, геологии, зоологии и физиологии. Это создает постоянное давление на сторонников правды, которые стремятся обсуждать научные темы открыто, честно и в полном объеме. **Фанатизм превратился в неусыпного надзирателя за наукой;** он ограничивает ту свободу дискуссий, которая жизненно необходима обществу и поиску истины при решении любого спорного вопроса.

Что касается учения о материализме, то я без тени сомнения предсказываю: через двадцать лет оно станет господствующим среди физиологов и врачей — причем не только в Европе, но и в нашей стра-

не. Аргументы в пользу этой точки зрения, представленные Пристли, Кабанисом, Галлем, Лоуренсом и Бруссе, я считаю неопровержимыми. Если защитники старых догм полагают, что им можно успешно противостоять, то сейчас — самое время это сделать. Люди науки начинают бунтовать против оков, которые пытаются навязать им церковные наставники. Современное общество требует чего-то более убедительного, чем просто выкриков об «ереси» и «безбожии» или страха за то, что огромное влияние церкви окажется под угрозой. Какими бы оскорбительными ярлыками ни пытались заклеить правду, этим господам пора понять: заблуждения больше не являются священными. И если они хотят сохранить хоть какой-то авторитет среди здравомыслящих людей, им придется чаще прибегать к логике и реже — к оскорблениям.

Поскольку я привык делиться своими публикациями с мистером Джефферсоном, я отправил ему и два последующих трактата. Полагаю, моим читателям будет любопытно ознакомиться с его отзывом, который я привожу ниже.

Т. К.

Библейское учение о материализме (1823)

«...И я во плоти моей узрю Бога»

— Книга Иова

Предисловие

Существуют два религиозных учения, которые напрямую влияют на благополучие общества, поскольку считаются главной опорой и стимулом для нравственного поведения: (1) вера во всеведущее, доброе и могущественное Существо, которое управляет моральным порядком во Вселенной; (2) вера в жизнь после смерти, где каждого человека ждет награда или наказание в зависимости от его поступков и образа жизни в земном мире.

На мой взгляд, совершенно неважно, как именно человек получит это воздаяние — через некую бессмертную душу или, как в текущей жизни, через свое физическое тело. С практической точки зрения это не имеет значения. Настоящим стимулом и сдерживающим фактором служит сама убежденность в реальности будущего суда, а не механизм его осуществления. Именно поэтому среди достойных и мудрых людей, глубоко верующих и образованных христиан, можно найти немало сторонников как одного, так и другого взгляда. И ни один порядочный человек не должен считать своего ближнего хуже только из-за того, какую из этих точек зрения тот выбрал.

Определенные обстоятельства, на которых я не буду подробно останавливаться, побудили меня изложить собственные мысли по этому поводу. Я представляю аргументы, подтверждающие, что **Христос и его апостолы были материалистами**. У меня самого этот факт не вызывает никаких сомнений, однако читатель волен судить об этом самостоятельно. Я не вправе решать за него, так же, как и он не может решать за меня.

Краткий обзор библейского учения о материализме

Существует две точки зрения на природу мысли, разума и явлений, которые мы называем психическими или интеллектуальными. Первая точка зрения гласит, что их источником является некая сущность, отличная от тела. Она не обладает свойствами материи (то есть она нематериальна и духовна), не подвержена распаду, в отличие от нашей плоти, и, как следствие, бессмертна. Эта сущность, по своей природе отдельная от тела, и есть человеческая душа. Она соединена с телом при жизни и освобождается от него в момент смерти. Считается, что без этого союза невозможны ни мысль, ни воля, ни действие. Поскольку принято считать, что только душа способна действовать и чувствовать, вера в её обособленное существование стала неразрывно связана с христианским учением о загробной жизни. Именно этого мнения придерживается большинство священнослужителей, которые преподносят его как догмат, обязательный для каждого христианина.

Вторая точка зрения заключается в том, что все психические и интеллектуальные явления обусловлены не какой-то отдельной душой, а свойствами, которыми Всемогущему Богу было угодно наделить человеческий организм — эту сложную систему организованной материи. Таким образом, мысли, воля и поступки — это результат условий, в которые Бог поместил человека как организованное существо на время его земной жизни. Приверженцы этого взгляда также отмечают, что явные признаки мышления, воли и, как следствие, действий наблюдаются и у животных. Пускай их проявления гораздо менее сложны и совершенны, чем у человека, но по своей сути они не отличаются. Разница лишь в том, что физическая организация животных во многих ключевых аспектах уступает человеческой.

Согласно первому учению, человек — это сложное существо, состоящее из невидимой, нематериальной и бессмертной души и видимого нами тела. Это — **имматериализм**. Согласно второму учению, человек не является двойственным существом, а состоит лишь из тех частей и свойств, которые очевидны и воспринимаются нашими органами чувств. Это — **материализм**. Первое учение утверждает, что после смерти тела душа продолжает жить; второе же гласит: со смертью тела умирает и весь человек.

Теперь нам предстоит выяснить, какое из этих двух учений в большей степени соответствует духу Христианства, изложенному в четырех Евангелиях, которые описывают жизнь, смерть и заповеди Иисуса Христа. Если анализ фактов покажет, что Иисус своими словами и поступками поддерживал ту или иную точку зрения, то долг любого христианина состоит в том, чтобы принять мнение, получившее его одобрение. И я намерен доказать, что материализм полностью согласуется с христианским вероучением, тогда как имматериализм, напротив, идет с ним вразрез.

Что такое христианство?

Прежде всего необходимо прояснить ключевой вопрос: что же мы понимаем под христианством? Христианство Римско-католической церкви — это одно, а Греческой — совсем другое. Учения афанасьевцев, савеллиан, ариан, социниан или даже последователей Пристли радикально отличаются друг от друга, причем эти расхождения касаются фундаментальных основ. Христианство Жана Кальвина и Дордрехтского синода имело мало общего с взглядами Якоба Арминия. Джордж Уайтфилд, опираясь на «39 статей» Англиканской церкви, признавал доктрины о божественном предопределении, об избранности одних и осуждении других, и верил в то, что истинный святой не может окончательно пасть. В то же время Джон Уэсли и современная Англиканская церковь (как высшее духовенство, так и рядовые проповедники) отвергают обе эти идеи. Для унитария взгляды тринитария выглядят как многобожие и идолопоклонство. Для тринитария же убеждения унитария — это нечто, граничащее с богохульством.

Убежденный кальвинист считает, что простая мораль и признание хоть какой-то ценности за добрыми делами — это попытка поставить человеческие законы выше евангельских заповедей. Для него стремление вести себя достойно и совершать добрые поступки — ничто по сравнению с верой в Христа и искупительной благодатью. С точки зрения кальвиниста, любые благородные дела, совершенные по велению сердца или из чувства общественного долга человеком, который еще не «призван через благодать и не оправдан Иисусом», — цитируя «39 статей», «несомненно, несут в себе природу греха». С другой стороны, человек, который привык руководствоваться в жизни прин-

ципами порядочности, законопослушности и уважения к мудрым и достойным согражданам, смотрит на ситуацию иначе. Для него кальвинистские догматы (предопределение, избранность, не зависящая от поступков, и возможность искупления всех грехов покаянием на смертном одре) выглядят как прямое подстрекательство к преступлению. В тех случаях, где они действительно определяют поведение, такие идеи разрушают связи, на которых держится гражданское общество и семья. Религия Кальвина может утверждать, что жизнь, полную преступлений, можно полностью искупить несколькими минутами раскаяния перед смертью, но обществу вряд ли стоит поощрять подобные убеждения.

В этом многоголосии противоречивых мнений — где же искать подлинное христианское учение? В Библии? Увы, на неё без разбора ссылаются все секты и партии. Каждый объявляет себя единственным полномочным толкователем и непогрешимым судьёй для ближнего, возводя ограду «исключительного спасения» в тесных рамках собственного вероучения. Я искал истину в этих вопросах так долго, так страстно и мучительно, что теперь прекрасно осознаю все сопутствующие трудности. Я понимаю, как опасно обсуждать подобные темы, и какая расплата ждет любого, кто осмелится пойти против господствующих взглядов. Поэтому я не утверждаю, что мои убеждения — это истина в последней инстанции; я лишь говорю, что верю в них. Я с искренним сочувствием отношусь ко всем искателям правды, чье мнение расходится с моим. Пусть они придерживаются своих взглядов — у них столько же прав на это, сколько у меня на мои. Их убеждения обязательны для них так же, как мои — для меня. Но я надеюсь, что не прошу слишком многого, призывая к взаимной терпимости.

Какими бы ни были мои взгляды, они стали результатом кропотливого исследования. Они никогда не приносили мне выгоды — скорее наоборот. Я никогда не превращал свои убеждения в ремесло; у меня нет корыстных мотивов защищать их, и я не зарабатываю ими на хлеб. Говоря это, я не виню тех, кто живет верой, но их положение очевидно подрывает авторитет их слов. С точки зрения любого суда в цивилизованном обществе, это делает их предвзятыми и некомпетентными свидетелями. Именно поэтому я возражаю против вмешательства — и тем более против решений — людей, которым платят за распространение определенных догм. Естественно, они будут защищать то учение, благодаря которому живут и процветают. Девиз наем-

ного духовенства во все времена и во всех странах один и тот же: «Велика Диана Эфесская!». Те из них, кто печется лишь о земном, постараются изгнать из общества любого, кто мешает их «бизнесу». Безусловно, я знаю многих достойных священнослужителей, к которым это не относится — людей, чья глубокая ученость, здравый смысл и доброта делают их уважаемыми исключениями из общего правила. Но само правило остается неизменным, и читатель знает, что это правда. Если я высказываюсь резко, то лишь потому, что глубоко прочувствовал это на себе.

Представьте, что в суд вызвали архитектора, художника или врача, чтобы он высказал профессиональное мнение по спорному вопросу. Если в ходе перекрестного допроса выяснится, что ему заплатили за продвижение именно тех выводов, которые он представил суду — поверят ли ему присяжные? Придаст ли суд хоть какой-то вес его показаниям? Но духовенство считает подобные возражения чуть ли не богохульством. Они всегда и везде присваивали себе исключительные привилегии, на которые не смеют претендовать их сограждане. Поэтому, отвечая на вопрос «Что такое христианство?», я лишь предлагаю читателю свое собственное мнение и аргументы, на которых оно основывается. Я оставляю за ним право судить и о моих доводах, и о выводах, к которым я пришел. Прошу лишь об одном: пока вы не найдете веской причины, по которой я, человек светский, стал бы защищать столь непопулярные взгляды (кроме моей искренней веры в их истинность), считайте мои выводы просто ошибкой суждения. Я готов с этим смириться. Я вступаю в этот спор с большой неохотой, но события, произошедшие в моем окружении, превратили это в необходимость для самозащиты.

В этом сочинении я опираюсь на общепризнанное правило: для установления любого факта необходимо использовать самые надежные и убедительные доказательства, которые только возможны в данной ситуации. Нельзя полагаться на слухи, если можно допросить самого свидетеля. Нельзя предъявлять копию документа, если в нашем распоряжении есть оригинал. Нельзя оспаривать официальные записи, основываясь лишь на памяти. Нельзя противопоставлять мимолетные воспоминания о чьих-то словах осознанном, письменно зафиксированным и подтвержденным заявлениям.

Также я выдвигаю следующие признанные принципы: (1) мы не можем опровергать или изменять более веские доказательства с помо-

щью менее значимых. Если показания свидетеля Б зависят от слов свидетеля А, они не могут ни прибавить веса словам А, ни убавить его. (2) Нет смысла прибегать к второстепенным доказательствам, если основных вполне достаточно для наших целей. (3) Мы должны основывать факты и все выводы из них только на лучших из доступных подтверждений. (4) Если ключевые доказательства в целом ясны, но в деталях двусмысленны, мы должны трактовать сомнительные моменты в соответствии с главной целью и намерением автора, в которых нет никакой неясности.

Наконец, поскольку христианство предназначено для всего человечества, то оно неизбежно должно состоять из нескольких простых истин, понятных любому человеку с обычным образованием и здравым смыслом.

Теперь перейдем к практике. Христианство заключено в учении и фактах, изложенных в Новом Завете. Новый Завет состоит из описания жизни и учения Христа в четырех Евангелиях, а также из рассказов о деяниях апостолов после его воскресения. Сведения о самом Христе, переданные нам четырьмя евангелистами, являются самыми важными и достоверными доказательствами того, что представляет собой христианство. И вот почему:

1. Иисус Христос — основатель религии. Все христианство строится на том, что он говорил и делал.
2. Все христиане признают, что Иисус Христос не мог заблуждаться. Он не был подвержен ошибкам, как обычные люди.
3. Поскольку апостолы черпали все свои знания от него, они не могут ни усилить, ни ослабить авторитет его учения.

Исходя из этого, я утверждаю, что никакие комментарии к учению Иисуса — будь то апостольские или чьи-либо еще — сами по себе не являются обязательными для его последователей. Здесь я опираюсь исключительно на самые надежные доказательства, которые только возможны в данном вопросе, — на слова и дела Иисуса Христа. Я ищу суть христианства в четырех Евангелиях, и только в них. Христианин обязан следовать лишь заповедям и учению Иисуса: он не признает иного господина и не нуждается в другом учителе.

Читатель должен быть хорошо знаком с текстами четырех евангелистов. Поэтому, обращаясь к нему, я утверждаю, что единственные догматы христианства, ясно и четко изложенные самим Христом и до-

веренные апостолам для распространения, — это следующие положения:

1. Учение о едином Боге. Бог-Отец — единственный объект поклонения, единственный Творец, Хранитель и верховный Правитель Вселенной. Это положение прямо противостояло абсурдным идеям многобожия, которые господствовали в мире в момент явления Христа.
2. Воскресение из мертвых и жизнь будущего века. Награды и наказания в будущем будут распределены в соответствии с поступками, привычками и склонностями человека в земной жизни. Для этого в назначенный великий день каждый будет призван к судейскому престолу. Это учение необходимо для полноты замысла нравственного управления миром. Оно призвано исправить очевидную несправедливость, когда добро и зло в нынешней жизни распределены неравномерно, через правосудие в ином мире. Эта идея не была распространена среди ученых языческого мира. Для христианина она обладает неоценимой значимостью, так как дает важнейшему нравственному принципу твердое христианское основание, опирающееся на доказательства, которые можно найти только в Священном Писании.
3. Миссия Иисуса. Он был послан Богом и наделен божественной властью, чтобы нести людям эти спасительные учения, подтверждая их чудесами при жизни и собственным предсказанным воскресением из мертвых. Именно это он и совершил.

До этого момента все христианские течения и ордена согласны друг с другом. Я предлагаю читателю найти в четырех Евангелиях хоть какое-то иное мнение, по которому христиане были бы так же единодушны. Несомненно, те догматы, о которых даже самые достойные, мудрые и образованные люди спорят на протяжении восемнадцати веков напряженных дискуссий, вполне можно считать **сомнительными**. Разве есть согласие по поводу природы и личности самого Христа? Был ли он равен Отцу или стоял ниже его? Существовал ли он вечно или был сотворен позже? Разве учения о пресуществлении, непорочном зачатии, первородном грехе, предопределении к спасению или гибели или о заместительном страдании изложены ясно и недвусмысленно, понятным языком, свободным от метафор восточной речи? Изложены ли в святах Евангелиях четко и понятно те пять

пунктов, которые так долго и запутанно обсуждались на Дордрехтском синоде? Нет! Всем известно, что и сегодня, как и в прежние времена, образованные и серьезные люди спорят о них во всем христианском мире. Я убежден, что христианское откровение дано не какой-то отдельной группе людей, а принесено для блага всего человечества, и что христианство было даровано для благополучия — как земного, так и вечного — в первую очередь беднякам, кротким и простым людям, а вовсе не только ученым мужам и философам. Именно поэтому я не могу признать основополагающим ни одно учение, которое было бы непонятно обычному человеку, обладающему здравым смыслом. Из своего списка христианских догматов я решительно вычеркиваю все те запутанные вопросы, над которыми сегодня ломают перья профессиональные теологи.

Подумайте сами: разве может считаться обязательной доктрина, споры о которой идут почти две тысячи лет и до сих пор не утихли? Разве может быть жизненно важным то, что способны обсуждать лишь узкие специалисты? Боже упаси! Иисус Христос любил детей, он утешал павших духом и скорбящих, он с почтением отнесся к бедной вдове, пожертвовавшей последнюю монету. Стал бы он издеваться над своими последователями, предлагая им теории, слишком сложные для понимания большинства — тех самых людей, к которым он всегда обращался?

Более того, я не считаю важным ни одно убеждение, которое напрямую не влияет на наше нравственное поведение. Настоящая вера должна делать нас лучше, давать мотив и внутренний закон, чтобы избегать зла и творить добро. Она должна помогать каждому из нас стать более ценным и полезным членом общества. Учение о едином Всевышнем, который правит миром, и о том, что в будущей жизни нас ждет награда или наказание в зависимости от наших поступков и привычек, явно приносит такую пользу. Для христианина нет иного веского доказательства жизни после смерти, кроме как в Священном Писании, через Иисуса Христа, который открыл нам путь к бессмертию. Поэтому верующий находит в евангельских фактах особое утешение.

Но какое отношение к морали имеют бесконечные схоластические вопросы? Например: являются ли три ипостаси Троицы тремя отдельными личностями или же это просто три способа, которыми Всевышний проявляет свою силу и характер? Было ли рождение Сына вечным или нет? Является ли Святой Дух личностью или просто боже-

ственным свойством? Исходит ли Святой Дух только от Отца или также от Сына? Является ли Сын «единосушным» или «подобосушным» Отцу? Заслуживает ли всё человечество вечных мук лишь потому, что Ева уговорила Адама съесть запретный плод? Должны ли мы сами отвечать за свои проступки,²¹ или Христос уже понес за нас все наказания? Распространяется ли искупление на всех людей без исключения, или только на избранных? Были ли эти «избранные» отмечены Богом лишь потому, что Он предвидел их поступки, или же их действия изначально определены Его волей? Стал ли Бог (выражаясь витиеватым языком Теофила Гейла) заранее предопределять желания человека или же Он просто сопутствовал самому акту действия? Может ли святой окончательно и бесповоротно утратить благодать? Являются ли греховными по своей природе добрые дела, совершенные грешником до того, как спасительная благодать призвала его к покаянию?

Я спрашиваю: способствуют ли все эти вопросы развитию нравственности? Вот по этой причине я не признаю христианство, построенное на бесконечных спорах. Для меня не существует ничего, кроме тех базовых принципов веры, которые я уже перечислил. Я вижу, что все конфессии признают эти основы, и, поскольку не знаю ни одного другого богословского мнения, которое не вызывало бы разногласий, я придерживаюсь только их.

Если меня спросят: равен ли Христос Богу? Вечен ли Он так же, как Отец, или уступает Ему в силе? Произошло ли Его рождение в вечности или во времени? Должны ли мы поклоняться Ему так же, как Отцу? Единосущен Он Отцу или лишь подобосущен? Я отвечаю: **я не**

²¹ Доктор Мэги из дублинского Тринити-колледжа опубликовал огромный том в защиту доктрины об искуплении, переполненный ссылками и цитатами. Если для доказательства догмата требуется целая книга, значит, самого Священного Писания для этой цели недостаточно, и доктрина не стоит затраченных на неё усилий. Кроме того, может ли считаться обязательной вера, которая спустя две тысячи лет обсуждений всё ещё требует ученых фолиантов для своего обоснования? Более того, ни один важный догмат не может быть предметом, дискуссии о котором духовенство пытается запретить. И едва ли мнение можно считать обоснованным, если его сторонники осыпают проклятиями своих оппонентов. Священники, как и все люди, проявляют робость там, где их позиция слаба. Когда они пытаются пресечь обсуждение — это верный признак того, что они его боятся.

знаю. Ни один из этих вопросов не решен окончательно. В Писании нет ряда простых и непротиворечивых текстов, которые не оставляли бы места для сомнений. Поэтому я довольствуюсь тем, что ясно, понятно и бесспорно. Иисус Христос был наделен божественной миссией для исполнения Своего земного долга — иначе Он не смог бы творить чудеса в подтверждение Своего учения. В этом я уверен, и на этом я останавливаюсь.

Мне могут возразить: *«Но как же воскресение из мертвых? Ведь даже для материалиста этот вопрос полон сложностей»*. Какое именно тело воскреснет? Та тленная масса материи, что была предана земле, или некая иная оболочка, более подходящая для бессмертия? На всё это я отвечаю так: Иисус Христос проповедовал воскресение плоти, и я принимаю это учение именно в том виде, в каком Он его изложил. Если я не могу разрешить все сопутствующие трудности или ответить на все каверзные вопросы, я готов с этим смириться. Христианину достаточно верить Христу на Его собственных условиях и так, как Он учил, — и никак иначе. Если бы все эти тонкости требовали объяснения, Он бы их дал. Раз Он этого не сделал, значит, они нам не нужны. Таково моё понимание христианства. Если окружающим кажется, что я верю в «слишком малое», а мне — что они верят в «избыточное», я ничего не могу с этим поделать. Мы все предстанем перед судом на основании того, как распорядились данным нам светом истины. И да простит Бог, — на что я искренне надеюсь и во что верю — невольные заблуждения каждой из сторон, стремящихся к истине.

Учение Писания о воскресении: материализм против идеи бессмертной души

Сейчас я попытаюсь доказать, что библейское учение о воскресении по сути является тем, что сегодня называют материализмом. Оно в корне противоречит представлению о душе как о некой отдельной, нематериальной и бессмертной субстанции. Наиболее ясное описание воскресения дал сам Иисус Христос в 5-й главе Евангелия от Иоанна: *«Истинно, истинно говорю вам: кто слушает мое слово и верит Пославшему меня, тот имеет жизнь вечную и не подлежит осуждению, но уже перешел от смерти к жизни. Истинно говорю вам: настает время, и оно уже пришло, когда мертвые услышат голос Сына Божьего и,*

услышав, оживут. Ибо как Отец имеет жизнь в самом себе, так и Сыну он дал иметь жизнь в самом себе. И дал ему власть вершить суд, потому что он — Сын Человеческий. Не удивляйтесь этому, ибо придет час, когда все, кто находится в могилах, услышат его голос и выйдут: те, кто делал добро, воскреснут для жизни, а те, кто делал зло, — для осуждения».

В Евангелиях воскресение — идет ли речь о самом Христе или о других людях — всегда описывается именно как **воскресение из мертвых**. Вспомните слова из Евангелия от Луки: *«Так надлежало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых на третий день»*, или из Евангелия от Иоанна: *«...ему надлежит воскреснуть из мертвых»*. Нет смысла множить цитаты по этому вопросу — они неоспоримы.

Однако современная гипотеза о нематериальной душе, которая якобы выживает после гибели тела и никогда не умирает (именно она в будущем должна получить награду или наказание), превращает идею воскресения мертвых не просто в нелепицу, а в прямую ложь. Более того, если этот воображаемый центр мысли, разума, воли и чувств действительно существует в том виде, как нам описывают, то воскресение становится совершенно бесполезным и ненужным. Невозможно воскресить из мертвых то, что никогда не умирало.

Стороннику идеи нематериальности — деисту — не требуется это проявление божественного правосудия, впервые открытое Иисусом Христом. Такие люди могут сказать: *«Наше тело — лишь пассивный инструмент души, в который она заключена при жизни. Оно предназначено только для земных целей. Когда тело умирает, наша высшая и главная часть обретает свободу; она начинает проявлять свои способности, избавившись от оков плоти»*. Если душа сама по себе бессмертна, по своей природе, то для её дальнейшего существования никакое воскресение в будущем не требуется.

Таковы логичные и неизбежные выводы из того, что духовенство изволит называть «ортодоксией». Опять же: если бы человек состоял из материального тела, неспособного к мышлению, воле, чувствам и разуму, и из нематериальной и бессмертной души, соединенной с ним при жизни и которая освобождается в момент смерти, и если бы это представление было одной из основ христианства, тогда слова Иисуса Христа на этот счет были бы предельно ясными и недвусмысленными. Однако Иисус нигде не описывал человеческую природу подобным образом. Он никогда не поддерживал и не высказывал такого мнения. В

его учении нет ни слова о том, что мы состоим из бессмертной души и смертного тела, и он никогда не возводил подобную идею в ранг догмата веры. Напротив, он неизменно утверждал, что проповедуемое им воскресение — это воскресение не «сложного существа», состоящего из тела и души, и не бессмертной души, а именно человеческого тела, которое умерло и было погребено. Полагаю, слова самого Иисуса Христа — лучший авторитет в вопросе о том, что считать истинным христианством; других аргументов у меня нет.

Повторюсь: когда Иисус говорит о воскресении мертвых, речь идет о воскрешении того, что подвержено смерти. Это никак не может относиться к чему-то бессмертному, что по определению не умирает. В Евангелиях от Матфея, Марка и Луки описывается, как саддукеи задали Христу вопрос о браке по иудейскому закону: *«Итак, в воскресении, которого из семи будет она женою?»*. Это был отличный повод для Иисуса разъяснить современное учение о нематериальности души. Он мог бы объяснить, что брак — это чисто телесный обряд, имеющий отношение только к плоти, а союз двух нематериальных душ — бессмыслица и невозможная вещь. Но Иисус ни словом не упоминает душу. Он лишь говорит, что после воскресения мертвых люди не женятся и не выходят замуж.

От Луки (24:46): *«Так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день»*.

От Иоанна (20:9): *«Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежит воскреснуть из мертвых»*.

От Иоанна (2:21): *«А Он говорил о храме тела Своего»*.

Когда Иисус воскрес, женщины, пришедшие за его телом, не нашли его в гробнице — ведь именно тело восстало из мертвых. В Евангелии от Луки (24:6) сказано: *«Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес»*. Более того, когда Христос умер на кресте, *«многие тела усопших святых воскресли»* (Матф. 27:52). Не странно ли, что ни в одном из этих фрагментов, посвященных воскресению из мертвых, нет ни единого упоминания о душе?

Обещанное Иисусом воскресение было наглядно подтверждено его собственной смертью, погребением и возвращением к жизни. Наше воскресение должно быть точно таким же, как и его, иначе его жертва и личный пример теряют всякий смысл. Если бы воскресение Иисуса по своей природе отличалось от того, что предстоит пережить всему человечеству, оно перестало бы быть прообразом и доказатель-

ством нашего собственного будущего спасения. Христос воскрес именно так, как и предсказывал, чтобы наглядным фактом подтвердить учение, которое он проповедовал. Давайте обратимся к тому, как Священное Писание описывает воскресение самого Христа.

Свидетельство апостола Иоанна (Ин. 20:24–29): *«Фома, одного из двенадцати учеников, прозванного Близнецом, не было с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: «Мы видели Господа!». Но Фома ответил: — Пока я сам не увижу следов от гвоздей на его руках, не коснусь их пальцем и не приложу руку к его боку — не поверю. Через восемь дней ученики снова собрались в доме, и на этот раз Фома был с ними. Хотя двери были заперты, Иисус вошел, встал посреди них и сказал: «Мир вам!». Затем он обратился к Фоме: — Протяни палец и посмотри на мои руки; протяни руку и коснись моего бока. Не будь сомневающимся, но верь. — Господь мой и Бог мой! — воскликнул Фома. Иисус сказал ему: — Ты поверил, потому что увидел меня. Счастливы те, кто не видел, но поверил».*

Другие важные детали приводит Лука (Лк. 24:38–43), описывая явление Иисуса ученикам после воскресения: *«Он сказал им: "Почему вы так встревожены и почему в ваших сердцах рождаются сомнения? Посмотрите на мои руки и ноги: это я сам. Прикоснитесь ко мне и убедитесь — у духа нет плоти и костей, а у меня, как видите, они есть". С этими словами он показал им свои руки и ноги. Пока они от радости всё еще не могли поверить и продолжали удивляться, он спросил: "Есть ли у вас здесь какая-нибудь еда?" Они дали ему кусок печеной рыбы и соевый мед. Он взял это и съел прямо у них на глазах»* (См. также параллельные тексты в Мф. 28, Мк. 16, Лк. 24:39).

Это единственное описание в Писании того великого и решающего доказательства воскресения мертвых, которое представил сам Христос, как пример будущей чудесной участи человечества. Если бы вера в существование отдельной души, которая не умирает вместе с телом и подлежит награде или наказанию в Судный день, была частью христианского учения — то разве этот случай не был бы самым подходящим, последним и единственным шансом это объяснить?

Есть ли в этом рассказе хоть слово о человеческой душе?

Когда Христос обращается к ученикам и описывает самого себя, разве он не указывает исключительно на свое видимое и осязаемое тело? Упоминает ли он душу хотя бы намеком? Подтверждает ли это описание хоть какое-то иное воскресение, кроме воскресения тела? И

разве Христос фактически не отрицает существование какой-либо отдельной души, когда, демонстрируя свое тело, говорит: «Это я сам»?

Разве можно требовать от кого-то веры в существование отдельной души, если в такой торжественный момент о ней упоминается не больше, чем если бы её не существовало вовсе? И почему же о ней молчат? Да потому, что её нет. Разве была бы упущена такая возможность объяснить и утвердить это учение?

Обратимся к Евангелию от Матфея (27:53): *«И гробы отверзлись; и многие тела умерших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим»*. Это вновь служит прообразом и примером воскресения человека, но о душе здесь — ни единого слова.

Кто-то может спросить: как это тленное, смертное и разлагающееся тело может стать объектом воскресения и обрести бессмертие? Я отвечаю словами Христа из Евангелия от Луки (20:36): *«...и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам»*. Очевидно, что после воскресения произойдут некие изменения, которые сделают человека пригодным для вечной жизни. Какие именно это перемены и как они будут осуществлены — Христос не объяснил; не стану объяснять и я. Христианину следует довольствоваться тем обещанием, которое было дано.

Единственный отрывок в Евангелиях, из которого, на первый взгляд, можно сделать вывод о существовании отдельной бессмертной души, — это Матфея 10:28. В обычном переводе он звучит так: *«И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне»*. На это я отвечаю: слово, которое здесь переведено как «душа» (psuche), во многих других местах переводится без разбора то как «жизнь», то как «душа». Оно всегда означает жизнь тела, и никогда не подразумевает исключительно душу как некую отдельную субстанцию. Например, чуть ранее, в том же Евангелии от Матфея (6:25), это слово переведено как «жизнь»: *«...не заботьтесь для жизни вашей»*. То же самое мы видим у Луки (12:22) и у Марка (3:4): *«...душу (жизнь) спасти или погубить?»*. И снова у Луки (12:23): *«жизнь больше пищи»*. Подобные примеры встречаются у Матфея (10:39; 16:25), у Марка (8:36, 37) и еще в более чем двадцати других местах. Во всех этих фрагментах слово, которое переводят то как «душа», то как «жизнь», остается неизменным. Даже в Откровении (16:3) сказано: *«...и все одушевленное [каждая живая душа] умерло в море»*. Следовательно, смысл этих слов в том, что Христос, призванный

учить и возвещать воскресение к жизни, говорит: *«Не бойтесь тех, кто может убить тело, но бойтесь того, кто может уничтожить саму вашу жизнь и погубить все надежды на воскресение и будущее существование»*.

Я не знаю ни одного другого отрывка в Евангелиях, который можно было бы хоть сколько-нибудь убедительно привести в поддержку гипотезы о нематериальной душе. Смее утверждать, что в Библии нет ни одного фрагмента, который бы говорил в пользу этого мнения сильнее, чем тот, что я только что разобрал. Но и этот перевод явно был сделан людьми, чьи головы были забиты учениями о «душе», и сделан именно с целью поддержать это предвзятое мнение.

Более того, следующие отрывки подтверждают, что никакого воскресения не может быть в принципе, кроме как через чудесное вмешательство Всемогущего Бога через Иисуса Христа. Именно Он призвет мертвых из могил в установленный Им срок, и до этого момента никакого Судного дня не наступит. Фактически, без обещания христианского воскресения мертвые оставались бы мертвыми вечно. Такой подход совершенно не вяжется с представлением о некой «высшей» и активной части человеческой природы — бессмертной душе, которая якобы обладает разумом и волей сама по себе, освободившись от оков плоти. Если тело это лишь тюрьма, то зачем Богу совершать чудо и снова заключать в нее душу, уже обретшую свободу? (Ссылки на Мф. 13:30-49; 16:27; 19:28; 24:31; 25:31,32; Мк. 13:26, 27; Ин. 6:40, 44, 54; 16:22. Я мог бы привести еще много цитат из Деяний и Посланий, но намеренно ограничиваюсь лишь текстами Евангелий).

Опираясь на очевидные факты, всеобщий опыт и тексты Писания, можно утверждать, что ни радость, ни страдание невозможны в отрыве от живого тела — ни в этой жизни, ни в будущей. Жизнь угасает в момент смерти тела и вернется лишь тогда, когда оно восстанет из могилы в великий день, согласно обещаниям Христа. Без этих обещаний человек умирал бы так же, как любое животное, не имея надежды на дальнейшее сознательное существование. Аргументы в пользу загробной жизни, не опирающиеся на Евангелие и пример Христа, в лучшем случае лишь вероятны, но не доказаны. Именно поэтому для материалиста христианское учение обладает невыразимой ценностью; для сторонника же идеи о бессмертной душе оно выглядит избыточным и даже противоречивым.

Приведу еще один довод, который кажется мне крайне важным. В те времена иудеи делились на две основные группы: **саддукеев**, которые отрицали воскресение, и **фарисеев**, которые в него верили. Христос часто и чрезвычайно резко критиковал фарисеев, но в отношении саддукеев он не был столь же суров. Более того, во всех дискуссиях с саддукеями о воскресении из мертвых Иисус ни разу не использовал аргумент о «нематериальной и бессмертной природе души». Он вообще не касался этой темы — в его словах нет ни единого упоминания или намека на существование души отдельно от тела.

Можно ли после этого утверждать, что учение о бессмертной душе принадлежит Христу? Меня поражает та самоуверенная дерзость, с которой эту доктрину выставляют как важнейший догмат христианской веры. Возмущает и та наглая нетерпимость, с которой человека пытаются лишить доброго имени и положения в обществе — фактически подвергая его древнему обряду изгнания, лишая крова и поддержки — только за то, что он, самостоятельно изучая Писание, не может, по совести, принять метафизические фантазии кальвинистского богословия за божественную истину.

Учение о будущей жизни стоит на гораздо более прочном фундаменте, если мы основываемся на идее воскресения реального, физического тела, а не души (если само выражение «воскрешение души» вообще не является явным логическим противоречием, как я и полагаю). Человек, которого Богу будет угодно воскресить из мертвых — из могилы — через Иисуса Христа, получит в будущей жизни награду или наказание за свои дела или проступки, совершенные в жизни земной. Мне не известен ни один христианин-материалист, который бы это отрицал. Более того, я полагаю, что даже вне контекста Священного Писания эта доктрина считается вероятной (пусть и не доказанной), исходя из представлений о моральном устройстве Вселенной. Однако окончательную уверенность в ней дают только христианские тексты. Для тех же, кто верит в нематериальность духа, библейское учение о воскрешении излишне — ведь в их представлении человек и так бессмертен благодаря своей душе. Но для материалиста это учение значит всё, так как в нем содержится единственное надежное и определенное доказательство воскрешения, доступное человеческому познанию.

Здесь я и останавлиюсь. Считаю бессмысленным приводить дальнейшие аргументы, поскольку это было бы лишь топтанием на месте.

Христианство для меня — это только то, чему учил сам Иисус Христос. Мнения апостолов, отцов церкви или ученых богословов не могут добавить веса авторитету Евангелия, ведь нельзя подкрепить сильные доказательства более слабыми. Если вы скажете, что они могут разъяснить или проиллюстрировать спорные моменты, то я отвечу, что ни одно из основных положений христианства, о которых я говорил, не является спорным. Вы можете сколько угодно дискутировать о «человеческой душе», которая ни разу не упоминается в Евангелиях, но вы не можете отрицать воскрешение тела. Вы можете спорить о природе и статусе Христа, но, будучи христианином, вы не можете подвергать сомнению его божественную миссию. Для меня лучший признак того, что доктрина не важна для христианства — это её сомнительность. Иисус Христос не требует от нас верить в туманные вещи под угрозой вечных мук, хотя духовенство поступает именно так. Поняли бы простые люди, слушавшие Нагорную проповедь, хоть одно предложение из сложного церковного катехизиса?

Суть моих аргументов сводится к следующему: а) Все основы христианства содержатся в четырех Евангелиях, описывающих учение и деяния Иисуса. Он наверняка не упустил бы ничего важного для своего замысла. Учение о нематериальной и бессмертной душе нигде не провозглашается, не объясняется и даже не упоминается ни в одной части четырех Евангелий — за исключением одного-единственного фрагмента, двусмысленность которого вызвана лишь трудностями перевода. б) Везде, где в Писании говорится о воскрешении, речь идет о воскрешении мертвых, воскрешении тела, а не души. в) То, что авторы обходят эту тему молчанием, выглядит тем более странно, что у них было множество поводов и возможностей разъяснить это учение, будь оно истинным. г) Учение об отдельной бессмертной душе делает чудесное вмешательство для воскрешения мертвых (ради будущих наград или наказаний) попросту ненужным, поскольку душа в таком случае никогда не умирает. Подобный догмат может быть хорош для деиста, но никак не для христианина. д) Учение о нематериальной и бессмертной душе — это прямое и недвусмысленное отрицание идеи воскресения. Ведь невозможно воскресить то, что никогда не умирало. е) Пример воскресения самого Христа, служащий для нас образцом, — это исключительно воскресение тела. О душе там не сказано ни слова.

На этом я завершаю свои основные доводы. Однако для тех, кто ставит человеческие толкования христианских доктрин выше моих

собственных убеждений, я добавлю несколько кратких замечаний. Они призваны показать следующее:

1. **Материализм — это истинное учение апостолов.**
2. Материализм был официальным учением отцов христианской церкви на протяжении первых четырехсот лет, вплоть до времен святого Августина.
3. В англиканской церкви этот вопрос до сих пор считается спорным даже среди самых образованных и высокопоставленных священнослужителей.
4. Доктрина об отдельной душе породила великое множество заблуждений и прискорбных злоупотреблений.

Если мне придется снова вернуться к этой теме (чего я надеюсь избежать), я разберу эти пункты более подробно. Сейчас же моя цель — краткость и лаконичность. Начнем с первого пункта:

Что говорят апостолы?

Давайте снова обратимся к текстам. Деяния 23:6: Павел воскликнул: *«Меня судят за надежду на воскресение мертвых»*. Деяния 24:15: *«Будет воскресение мертвых, как праведных, так и неправедных»*. 2-е Коринфянам 1:9: *«Мы сами в себе носили смертный приговор, чтобы надеяться не на самих себя, а на Бога, воскрешающего мертвых»*. Трудно найти слова, что сильнее противоречили бы идее существования отдельной души. 2-е Коринфянам 4:10: *«Мы всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисуса открылась в нашем теле»*. 2-е Коринфянам 5:14: *«Зная, что Тот, Кто воскресил Господа Иисуса, воскресит и нас через Иисуса»*. Это указывает на полное сходство между всеобщим воскресением человечества и воскресением нашего Господа. Подобные мысли мы находим и в других посланиях: 1-е Петра 1:3–5: *«Благословен Бог... по великой Своей милости возродивший нас к живой надежде через воскресение Иисуса Христа из мертвых, к наследству нетленному, чистому и неувядаемому»*. Римлянам 4:17: *«Бог, оживляющий мертвых и называющий несуществующее как существующее»*. 1-е Коринфянам 15:42: *«Так и при воскресении мертвых: сется в тлении — восстает в нетлении»*.

Задумайтесь: что именно умерло? Душа? Нет, умерло тело. Что же тогда воскресает? Душа? Нет, воскресает то, что умерло — то есть тело.

Когда тело, восстав из мертвых, наделяется бессмертием для новой формы бытия, оно остается тем же самым телом, только больше не подвластным смерти. Святой Павел называет такое преображенное тело «небесным» или «духовным», но это все равно тело. По всем ключевым признакам это именно то самое тело, которое умерло, ведь ни о чем другом в Писании и речи нет. Во Втором послании к Коринфянам (5:10) сказано: *«Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить то, что он сделал, живя в теле, соответственно тому, что он исполнил — доброе или худое»*. Буквальный и точный перевод этого фрагмента (ta dia tou somatos) означает «получить телесно». Следовательно, именно тело должно получить награду или наказание в зависимости от того, что оно заслужило при жизни. О душе здесь нет ни слова. В Послании к Эфесянам (5:23) говорится: *«Христос — спаситель тела»*. В Послании к Филиппийцам (3:21) читаем, что Он: *«...преобразит наше уничиженное тело [уничиженное, так как оно смертно и тленно] и сделает его подобным Своему славному телу»*. И снова — ни слова о душе, всё относится исключительно к телу.

Я изучил греческий оригинал всех фрагментов от Деяний до Откровения, где используется слово, переведенное как «душа», и обнаружил, что везде стоит слово *psuche*. В большинстве этих случаев оно однозначно означает «жизнь», и во всех остальных его также вполне логично переводить именно как «жизнь». Единственным исключением, по мнению некоторых, может быть Первое послание к Фессалоникийцам (5:23): *«...и ваш дух, и душа, и тело во всей целостности да сохраняются без порока к пришествию Господа нашего»*. Однако общее значение слова, которое здесь переведено как «дух», применительно к человеку — это настрой или склонность. Например:

От Матфея (26:41): *«Дух бодр, плоть же немощна»*. Это значит, что у учеников было желание не спать, но их одолела физическая усталость.

От Луки (8:55): *«И возвратился дух ее, она тотчас встала»*. Здесь имеется в виду возвращение к жизни.

От Иоанна (4:23): *«Будут поклоняться Отцу в духе и истине»*. То есть искренне, по доброй воле и на самом деле.

От Иоанна (11:33, 13:21): когда говорится, что Иисус «воскорбел духом» или «возмутился духом», подразумевается Его внутреннее состояние.

Часто это слово используется для обозначения существ, занимающих промежуточное положение между людьми и ангелами, которые лишь изредка являются нам — таков был популярный взгляд того времени. Это видно в моментах, когда ученики говорят, что видели «духа или ангела», когда упоминается, что саддукеи отрицают существование ангелов и духов, или когда «Дух сказал Филиппу: *подойди и пристань к этой колеснице*». Иногда под «духом» понимается сила и действие Бога. Точно так же и слово, переведенное как «душа», гораздо чаще означает «жизнь» — и это его истинный смысл.

Таким образом, смысл фразы таков: пусть Бог сохранит ваш настрой, вашу жизнь и ваше тело до Его пришествия. Иными словами: «Надеюсь, вы не измените своим убеждениям и не расстанетесь с жизнью до возвращения нашего Господа Иисуса». Как известно, некоторые апостолы ошибочно ожидали, что это произойдет совсем скоро. Я признаю лишь высший авторитет Писания и руководствуюсь только им. Главное учение Христа, изложенное в Евангелиях, не может быть поколеблено из-за нескольких метафор или избыточных оборотов, которые использовали его ученики. Дело вовсе не в том, можно ли найти в Библии отдельные фразы, которые как будто подтверждают концепцию души. Не стоит забывать, что переводчики Библии изначально принимали это учение как данность. Главный вопрос в другом: каков общий смысл учения, изложенного Иисусом Христом? Поддерживал ли он эту идею? Апостолы в своих речах и письмах часто использовали метафоры, подстраиваясь под привычные представления тех, к кому они обращались. Если вы хотите доказать, что учение о душе является истинно христианским, не стоит ссылаться на туманные цитаты. Вы должны показать мне, где сам Христос ясно, четко и недвусмысленно излагает, объясняет и настаивает на этой доктрине. Я убежден, что в текстах евангелистов вы этого не найдете. Все остальные доводы настолько вторичны, что практически не имеют веса в данном вопросе.

Любой человек, знакомый со Священным Писанием, знает, что бесконечные споры вокруг противоречивых догматов метафизического христианства строятся на вольной трактовке образных выражений, которые использовали апостолы — и в первую очередь святой Павел. Я не желаю участвовать в этой «войне слов», а потому апеллирую исключительно к Евангелиям.

Мнения ранних отцов церкви

У меня пока нет возможности изучить труды отцов церкви в оригинале, поэтому мне приходится опираться на авторитетные краткие обзоры. Один из них составил доктор Пристли, хотя я понимаю, что его авторитет может вызвать возражения. Льюис Эллис Дюпен и Ларднер не рассматривали эту тему как отдельный вопрос, к тому же цитаты Ларднера весьма избирательны. Единственный уважаемый автор, который проанализировал все сочинения отцов церкви именно с этой точки зрения — это **Бособр** в его «Истории манихейства». Его повсеместно считают одним из самых беспристрастных и компетентных исследователей нашего времени. На него ссылаются и Пристли, и Рис, и многие другие ученые.

Чтобы избежать любых обоснованных претензий, я обратился к статье «Имматериализм» в Большой французской энциклопедии. Ее автор явно не является сторонником материализма. Ниже я привожу краткий перевод этого фрагмента, отмечая, что его выводы полностью совпадают с мнением господина Бособра:

«Некоторые современные исследователи полагают, что раз Афинагор признавал наличие некоего "духа" при сотворении Вселенной, то он был знаком с понятием нематериальности и не считал Бога телесным, в отличие от почти всех остальных философов. Однако под словом "дух" (pneuma) греки и римляне одинаково понимали **тонкую материю** — чрезвычайно разреженную и наделенную разумом, но все же имеющую протяженность и состоящую из частей. В самом деле, как можно верить, что греческие философы имели представление о чисто духовной субстанции, если очевидно, что **все первые отцы церкви считали телесным даже Всемогущего Бога?** Это учение сохранялось в греческой церкви вплоть до поздних времен, а римская церковь не отказывалась от него до самой эпохи святого Августина» (то есть примерно до 600 года нашей эры).

Автор статьи, опираясь на конкретные цитаты, доказывает, что идей материализма придерживались многие отцы церкви. Среди них: Ориген, которого Иероним упрекал за представление о материальности самого Бога; Тертуллиан, написавший трактат «О душе» специаль-

но для того, чтобы доказать её смертность и материальную природу; Арнобий, святой Иустин, Татиан, Климент Александрийский, Лактанций, святой Иларий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, святой Амвросий, Кассиан; и, наконец, Иоанн Фессалоникийский, который на Седьмом соборе заявил, что, согласно учению святых Афанасия, Василия и Мефодия, ни ангелы, ни демоны, ни человеческие души не существуют отдельно от материи. Автор забыл упомянуть Мелитона, епископа Сардийского, но и приведенного списка вполне достаточно. Это доказывает лишь одно: в первые века христианства, на протяжении почти шестисот лет, материализм не считался ересью — скорее, он был общепринятым взглядом. Даже святой Августин признавался, что долгое время разделял это мнение, так как ему было трудно представить Бога как чисто духовную, нематериальную сущность. Нужны ли эти метафизические споры христианину? На мой взгляд, это пустые рассуждения, не приносящие никакой практической пользы.

Взгляните на Апостольский символ веры — текст древний, пусть и неясного происхождения. В нем в качестве догмата христианской веры закреплено вовсе не воскресение души. Нет, там сказано: «верую в воскресение тела и жизнь вечную». Аминь.

Учение об отсутствии бесплотной души, отдельной от тела и покидающей его в момент смерти, открыто признавалось высшими чинами Англиканской церкви

Я обращаюсь к тем моим соотечественникам, которые полны добрых намерений, но недостаточно осведомлены. Я не собираюсь взывать к авторитету епископов, чтобы доказать свою правоту. Однако я утверждаю, что взгляды, которые разделяют одни епископы, в которых сомневаются другие и которые при этом никто из них не называет еретическими или опасными, нельзя клеймить как атеизм или безверие. Доктор Эдмунд Лоу²² — архидиакон Карлайла и глава колледжа Питерхаус в Кембриджском университете — написал трактат о природе смерти. К третьему изданию этой работы (оно вышло в 1775 году и сейчас лежит передо мной) он добавил приложение. В нем Лоу разбирает значения слов, которые в Священном Писании переводятся как

²² Отец покойного лорда Элленборо, верховного судьи Англии.

«душа» и «дух». Он убедительно показывает, что ни один фрагмент Библии не подтверждает веру в существование души отдельно от тела или в некое «промежуточное состояние» между смертью и Страшным судом. В завершение своего труда он ссылается на епископа Шерлока, преподобного господина Тейлора из Нориджа и господина Халлета.

Отрывок из приложения к книге «Размышления о теории религии» Автор: Эдмунд Лоу, доктор богословия, архидиакон Карлайла и магистр колледжа Святого Петра в Кембридже. Третье издание, 1755 год. Содержит приложение о значении слова «ДУША» в Священном Писании и о том, как в нем описывается состояние смерти.

«Цель данного приложения, в котором анализируются все значения слова «ДУША», встречающиеся в Ветхом и Новом Заветах, — показать, что учение об отдельной, нематериальной и бессмертной душе не является христианским. Его невозможно обоснованно вывести из текстов Писания, более того — оно противоречит их общему смыслу».

Далее, на странице 398, доктор Лоу пишет: *«Это лишь примеры текстов, на которые обычно ссылаются наши оппоненты — сторонники нематериальности души. Полагаю, даже краткий разбор показывает: эти цитаты либо вообще не относятся к делу, либо носят чисто метафорический характер, либо легко объясняются с помощью принципов, изложенных выше. Подобные аргументы нельзя всерьез противопоставить общему духу Священного Писания и тому множеству ясных и прямых свидетельств, что я привел ранее».*

На странице 400 доктор Лоу добавляет: *«Позвольте мне также привести мнение глубоко верующего и достойного человека, блестящего знатока библейских текстов — преподобного мистера Тейлора из Нориджа, который пишет следующее:*

«Я внимательно изучил ваши бумаги. Они затрагивают два ключевых вопроса: первый касается природы человеческой души или духа (насколько Божественное откровение позволяет нам судить об этом), второй — того состояния, в которое нас погружает смерть. Изучив подборку цитат из Писания по первому вопросу, я пришел к выводу: никто не сможет доказать на основе Библии, что человеческая душа — это некая сущность, способная жить, действовать и мыслить независимо от тела. Какова бы

ни была метафизическая природа или суть души (которая нам совершенно неизвестна), очевидно одно: её существование — и в плане его образа, и в плане длительности — целиком и полностью зависит от воли и желания Бога. Только Бог определяет, как душа будет связана с любой другой субстанцией и в какой мере она будет от нее зависеть в своих действиях, силах и времени существования. Поэтому любые рассуждения о "естественном бессмертии" души, основанные на её природе, — будто она обязана существовать и действовать отдельно от тела просто в силу своей структуры — явно бессмысленны. Если мы и находим в способностях нашего разума нечто, указывающее на волю Бога даровать нам жизнь в будущем, то только такие аргументы и имеют вес. Однако мы никогда не сможем доказать, что душа человека по своей природе способна и обязана жить, мыслить и чувствовать вне связи с телом и независимо от него. Весь наш нынешний опыт говорит об обратном. Психическая деятельность постоянно и неизменно зависит от состояния организма и, в особенности, мозга. И даже если у некоторых умирающих сохраняется ясность рассудка до самого конца, это объясняется лишь тем, что смерть поразила другие органы, в то время как мозг остался неповрежденным и деятельным. Но что говорит об этом Священное Писание? Вы представили прекрасную подборку текстов, которые проясняют этот вопрос. Данная тема дает почву для множества практических выводов и служит мощным стимулом к истинному благочестию».

Приведя этот отрывок из письма мистера Тейлора, доктор Лоу завершает свое приложение следующими словами: «Изложение всех этих выводов в строгой форме, вместе с последствиями данного учения для католиков или деистов, могло бы показаться предвзятым. Это уместно лишь тогда, когда само учение — которое одни так долго ожидали, а другие позорили — будет очищено от предрассудков. В конечном счете оно должно предстать как имеющее прочное основание в Писании, авторитет которого мы, протестанты, признаем решающим. После тщательного изучения мы, возможно, осознаем, что идея природного бессмертия человеческого разума не связана напрямую с христианской концепцией будущего воздаяния и не может служить для христианина надлежащим доказательством загробной жизни».

И вскоре после этого доктор Лоу был возведен в сан епископа Карлайла. Помимо этого примера, доктор Уотсон, епископ Ландаффа, опубликовал сборник трактатов для молодых священнослужителей. Ниже приводится отрывок уже из его предисловия.

Из предисловия к шеститомному собранию богословских трактатов. Автор: Ричард Уотсон, доктор богословия, епископ Ландаффа и королевский профессор теологии Кембриджского университета, 1785 год. Посвящено Королеве.

Страницы 14-15: *«Отсутствие подлинной терпимости к тем, чьи религиозные взгляды отличаются от наших, кажется вещью совершенно необъяснимой. Любой верующий человек имеет куда более сильные внутренние мотивы стремиться к истине, чем любые доводы, которые вы можете ему предложить. И если он ошибается в своих суждениях — какое вам до этого дело? Перед своим Господом он стоит или падает. Его заблуждение, если оно и угрожает его спасению, никак не влияет на ваше! Ведь, по словам Тертуллиана, "религия одного человека не может ни помочь, ни навредить другому". Вы, вероятно, возразите, что в христианстве есть множество истин, в которых никто не должен сомневаться, поскольку без веры в них человека нельзя считать христианином. Считать? Но кем? Иисусом Христом, его Господом и Богом, или вами? Вы, опрометчивые толкователи спорных вопросов! Нетерпимые создатели метафизических символов веры и нелепых богословских систем! Неужели вы беретесь измерять границы чужого разума, оценивать силу и происхождение чужих привычек мышления или определять, насколько правильно человек распорядился талантом, данным ему Богом? Неужели вы настолько непогрешимы, чтобы заявлять, будто вера в ту или иную догму является обязательным условием для спасения?».*

Страница 16: *«Однако я полагаю, что в определенных вопросах вполне допустимо придерживаться принципа «академического воздержания от суждений» (эпохе), не нанося при этом вреда основам нашей религии. К таким темам относятся: способность злых духов нарушать законы природы или воздействовать на человеческий разум; материальна или нематериальна человеческая душа; состояние умерших до всеобщего воскресения;*

воскресение в том же самом теле; длительность будущих наказаний и многие другие подобные проблемы».

Учение об отдельном существовании души как источник заблуждений и злоупотреблений

Народные суеверия о привидениях, поклонение святым, догмат о чистилище, молитвы за усопших и тому подобное — всё это берет начало в одной идее. Если бы общепринятым стало мнение, что после смерти человек остается мертвым до тех пор, пока Богу не будет угодно оживить его в великий день воскресения, ни одно из этих заблуждений не получило бы распространения. Вместе с ними исчезли бы и все основанные на них злоупотребления.

Я намеренно опускаю многочисленные трудности, которые влечет за собой концепция бессмертной души. Например: (1) как нематериальная душа может передаваться физическим путем от родителей к детям? (2) В какой момент она начинает существовать? (3) Как объяснить неоспоримые признаки наличия памяти, интеллекта и воли у собак и других животных? (4) Есть ли и у них души? (5) Как душа может воздействовать на материю, если у них нет ни одного общего свойства? (6) Чем душа отличается от жизненной силы тела? (7) Разве можно объяснить жизнь простой травинки свойствами материи и движения в большей степени, чем жизнь или разум человека? (8) Разве жизнь растений и животных не зависит напрямую от их биологической организации? (9) И наконец, какие есть реальные доказательства существования некоего существа, которое невозможно воспринять ни одним из наших чувств и которое известно нам лишь по метафизическим догадкам как гипотеза для объяснения процесса мышления?

На всё это сторонники нематериальности души отвечают, что никакая комбинация материи и движения не способна породить мысль. Считая это невозможным, они закрывают вопрос. Однако мы видим, что жизнь напрямую связана с определенной формой организации материи и движения, как это происходит у растений. Но что такое жизнь? Мы видим, что чувства, мысли и воля возникают из сочетания материи и движения у слонов, собак, лошадей и других существ. Если подобные явления требуют наличия души у человека, то они должны требовать её и у низших животных, пусть и в меньшей степени. Где же

вы остановитесь? Наделите ли вы душой опоссума или устрицу? Клеща или блоху?

Подобные безапелляционные заявления о том, что возможно, а что нет, при наших крайне ограниченных знаниях, кажутся мне ужасающей гордыней! Поэтому я обращаюсь к своему оппоненту с вопросом: из какого источника знаний вы, не понимая сути материи и зная лишь некоторые её свойства, — вы, получающие информацию исключительно через органы чувств, — можете судить о духе, который чувствам совершенно не подвластен? Как же вы беретесь ограничивать всемогущество Всевышнего и утверждать, будто Он не в силах наделять материю способностью мыслить?

Ничтожный человек, неужели безграничная власть Творца должна замыкаться в узких рамках ваших метафизических догм? Разве вы обладаете бесконечным разумом, чтобы диктовать Создателю вселенной: «До сих пор ты можешь дойти, но не далее»? Оставьте свою спесь и нетерпимость, свои жестокие запреты и проклятия. Позвольте другим людям иметь право на скромность в суждениях, даже если сами вы этой скромностью пренебрегаете!

Приложение о духовенстве

Гражданское общество создано для того, чтобы обеспечивать взаимное благополучие людей, пока они живут вместе здесь, на земле. Его власть не распространяется на загробный мир — то состояние будет определяться законами, которые сочтет нужным установить Всемогущий Бог.

Религия объединяет в себе все стимулы к достойному поведению в этой жизни и все средства для обретения счастья в жизни будущей. Следовательно, гражданское общество не имеет никакого отношения к религии, за исключением тех случаев, когда она влияет на наше общее благополучие в земном существовании. Отсюда следует: та религия, что делает человека лучшим гражданином, является лучшей и для общества. Религия же, порождающая в людях жестокость, страсть к гонениям и нетерпимость — это плохая религия. А учителя и проповедники любого вероучения, обладающие такими качествами, — это плохие люди и плохие граждане, независимо от того, истинны их убеждения или ложны. Мне бы очень хотелось, чтобы кто-нибудь взялся доказать, как способствуют общественной морали доктрины о покая-

нии на смертном одре, о божественном предопределении и конечном спасении даже тех «святых», что постоянно грешат.

Мудрецы, составившие американские конституции, прекрасно понимали: истину можно найти и закрепить на прочном фундаменте лишь в том случае, если разрешить свободное обсуждение любого вопроса. Если мнение ошибочно, его нужно обсуждать, чтобы вскрыть эти ошибки. Если же оно истинно, то по мере изучения оно будет приобретать всё новых и новых сторонников. Разве может принести вред мнение, ошибочность которого очевидна каждому? Разумеется, нет. А если оно настолько правдоподобно, что может ввести людей в заблуждение своим сходством с истиной? Тогда тем более необходимо открытое и свободное обсуждение, чтобы полностью разоблачить этот обман.

Более того, американские законодатели хорошо знали слабости человеческой природы. Понимая, что ни одна группа людей не может претендовать на непогрешимость, они уравнили все мнения в правах, предоставив истине побеждать за счет собственной силы и очевидности. Ни в одной другой стране мира мудрая веротерпимость, закрепленная законом, не является столь полной, как здесь. Однако ни в одной другой стране дух преследования за одни лишь убеждения не распространен так широко, как в Соединенных Штатах Америки. Эта страна максимально терпима в теории и максимально фанатична на практике. Законы здесь не распоряжаются человеческими мнениями — они регулируют лишь поступки. Они гарантируют свободу совести, вероисповедания и право на дискуссию для любого учения. Создатели этих законов прекрасно понимали: истина рождается только в столкновении взглядов и открытом споре. Убеждение, которое не способно защитить себя само, не заслуживает того, чтобы его защищали извне.

Однако местное духовенство — я надеюсь, не всех конфессий, но в первую очередь кальвинисты — ополчилось против каждого, кто ставит под сомнение их метафизические догмы или намекает на их жажду власти и влияния. Они не смеют резать или сжечь человека заживо, но вместо этого поднимают такой вой, будто увидели бешеного пса. Они порочат его имя, вешают ярлыки, клеймят «неверным», «деистом» или «атеистом». Они натравливают на него невежественную толпу, чтобы те изводили его нападка на личность, репутацию и частную жизнь. Его осыпают публичными оскорблениями и тайной ложью, пытаясь всеми силами вычеркнуть его из жизни общества. И

как же они ликуют, когда подковерная клевета уничтожает доброе имя человека, а открытые проклятия рушат его будущее! Конечно, есть и исключения, но для духовенства как сословия эта картина абсолютно верна. Я на себе ощутил их беспричинную враждебность и злобную сплоченность. Трусливые и жестокие, они действуют исподтишка и никогда не прощают. По какой еще причине человек может бояться открытого обсуждения, если не из страха, что его взгляды его не выдержат? Что, если не трусость, делает людей жестокими? Кальвин добился того, чтобы Сервета сожгли на костре. Но кого сжег Иисус Христос? И всё же у этого мрачного женевского убийцы в Соединенных Штатах больше фанатичных последователей, чем в любой другой точке мира. Почему? Да потому что чем нетерпимее и непонятнее учение, тем удобнее оно как инструмент в руках священников. Слабые умы преклоняются перед знаниями тех, кто якобы приобщен к «великим тайнам». Именно цепями мистицизма духовенство сковывает волю и совесть своих невежественных прихожан. Евангельская вера слишком проста и прозрачна для их целей, поэтому они так рьяно насаждают собственные запутанные догматы. Разве была хоть одна страна, где каста священников не была бы жестокой, не боялась бы возражений и не ненавидела бы споры, видя в каждом сомневающемся скрытого врага? Здесь, у нас, они ведут себя точно так же.

Сограждане! Пресвитериане, конгрегационалисты, сецессионисты, а в некоторых местах и баптисты — увлекая за собой робких англикан — объединились. Уже много лет они упорно продвигают свои планы с преданностью, достойной лучшего применения. Их цель неизменна: **создание государственной церкви**. Они стремятся к союзу религии и власти, чтобы использовать государственную машину для достижения собственного господства.

Они планомерно добиваются того, чтобы в обществе утвердилось понятие о религиозной обязанности выплачивать десятину со всего вашего имущества. Более того, они всерьез надеются закрепить эту систему на законодательном уровне. Это не только сделает их баснословно богатыми, но и даст им независимость от собственных прихожан, которых они и так считают своими законными подданными. Открыто примеряя на себя роль «наместников Бога», они клеймят любое сопротивление своим амбициозным планам как богохульство. Их следующая цель — полный контроль над всеми образовательными учреждениями Соединенных Штатов. Они заявляют о своем исключительном

праве на надзор за обучением, стремясь внушить подрастающему поколению беспрекословное почтение к духовенству и преданность своим узкокорыстным интересам.

Церковники с подозрением следят за любыми научными дискуссиями. Насколько хватает их влияния, они запрещают любые исследования, которые не согласуются с их теологическими догмами. В последнее время они начали грубо вмешиваться в вопросы физиологии, зоологии и геологии. Ни один типограф, ни один редактор научного журнала не осмелится опубликовать статью, защищающую мнение, которое духовенство признало «еретическим». Фанатизм фактически подрезал крылья науке в нашей стране. Для поддержки своих притязаний они разработали грандиозную схему по сбору средств, попросту залезая в карманы граждан под самыми разными предложениями:

(1) Обучение «благочестивых юношей» (как они их называют) для служения в церкви. Суть в том, что людей, которые могли бы приносить пользу как земледельцы, нанимают и через теологическое образование превращают в пожизненных рабов. Их задача — распространять догмы, выгодные этим сектам. После такого обучения, якобы оплаченного сектантами, а на деле — за счет средств, выманенных у доверчивой, ленивой или мягкосердечной публики, эти юноши становятся заложниками взглядов своих наставников. Они превращаются в «регулярную армию» воинствующей церкви. (2) Они отправляют в Индию, к американским индейцам, в Австралию или Африку священников, которые не знают языка местных жителей и не могут связать и двух слов. Жертвователи почти никогда не проверяют, куда уходят их деньги. Эти средства находятся под полным контролем «производителей миссионеров», чья главная цель — не проповедь, а создание круга преданных людей, которые поддержат их, когда придет время бороться за государственную церковь и десятину. (3) Они организуют общества, где приходские священники становятся пожизненными попечителями миссионерских фондов. Это дает им право решающего голоса при распределении сумм, выманенных из народных карманов. Кем на самом деле являются эти миссионеры и какой образ жизни они ведут — остается только догадываться. О том, в какой роскоши живут миссионеры, когда дорываются до ресурсов, я надеюсь, кто-нибудь расскажет на примере проповедников из Серампура.

Существуют так называемые «молитвенные кружки». Через доверчивых и слабовольных женщин, посещающих эти собрания, свя-

щенники получают рычаги влияния и узнают интимные подробности частной жизни практически каждой семьи. Существуют женские благотворительные и миссионерские союзы, «общества малой лепты» — ведь для клира не бывает слишком мелких сумм. Есть даже детские организации, где у малышей выманивают их скромные сбережения, лишая детей денег на сладости ради фондов, чьи названия те едва могут выговорить. Любой метод, даже самый ничтожный, идет в ход. Миссионерские посевы пшеницы и картофеля, миссионерские свиноводческие артели, общества по сбору ветоши и обрезков — эти люди используют любую возможность выскрести деньги у населения. И действительно они не поодиночке, а как сплоченная корпорация.

Однако самый выгодный их проект — это издательское и книготорговое дело. Они сами пишут, восхваляют и продвигают свои религиозные трактаты, проповеди и альманахи. Одно только Библейское общество, мешающее работе обычных типографий, распоряжается капиталом не менее чем в 150000 долларов, что приносит его руководителям огромную прибыль. Такими методами эта амбициозная, жадная и хитрая каста удовлетворяет свою вечную жажду денег. В остальном же эти люди разбираются в полезных науках меньше, чем любой другой класс общества. Но они действуют заодно: они опутали умы людей, подавили волю общества, и даже образованные сословия вынуждены перед ними пасовать. Духовенство ждет того дня, когда сможет единолично управлять страной, а пока что они усердно запускают руки в карманы тех, кого им удалось запугать или обольстить.

Если народ не возьмет духовенство под строгий контроль, оно превратит людей в бесправных рабов. В любой стране мира происходило именно так — с чего бы здесь ситуации быть иной? В 1822 году австрийский клир убедил монарха, правящего сорока миллионами человек, заявить: *«Мне не нужны ученые, мне нужны лишь послушные подданные. Мне не нужно никакого образования для народа, кроме того, что дает церковь»*. Посмотрите на священников во Франции, Испании, Италии, Мексике и даже в Англии — разве их методы не везде одинаковы? Религиозная спесь уже заставила их провозгласить себя наместниками и прямыми посланниками Бога, стоящими на недостижимой высоте над «стадом» простых смертных, из которых состоят их приходы. Достаточно взглянуть на газеты Нью-Йорка или Филадельфии. *«С БОЖЬЕГО СОИЗВОЛЕНИЯ, в такой-то день преподобный господин А. проведет богослужение в таком-то месте»*. Еще недавно — бук-

важно год назад — подобные объявления были в большой моде, хотя в последние месяцы они стали встречаться чуть реже.

В какой части Нового Завета Христос сказал, что вы не можете приблизиться к Отцу иначе, как через посредничество людей, якобы наделенных божественными полномочиями и получающих за это солидное вознаграждение? Разве не он говорил: «Где двое или трое собраны во имя мое, там и я посреди них»? И тем не менее эти люди, не стесняясь, заявляют, что любая религиозная проповедь мирянина — любое выполнение функций, за которые обычно платят наемному священнику — не просто неуместна, но является ГРЕХОМ! Доктор Эшбел Грин из Принстона недавно и вовсе назвал таких людей дерзкими грешниками, посягающими на исключительные права духовенства. Они требуют признать за ними исключительное право быть нанятыми и получать щедрую оплату, а мы покорно с этим соглашаемся. Мы ведем себя так, будто Бог Любви, добрый Отец и хранитель человечества — это какой-то мрачный и надменный тиран, к которому нельзя обратиться без помощи этих спесивых «министров», пристально следящих за тем, чтобы их посредничество было оплачено.

Я не имею ничего против священнослужителей, если рассматривать их как класс людей, выбранных исключительно для удобства, чтобы религиозная жизнь общины протекала достойно и организованно. Но я не вижу никаких иных оснований для их существования. И хотя я предпочел бы видеть на этих должностях людей образованных и широких взглядов, я не нахожу причин давать им какие-то исключительные привилегии. В самые чистые времена христианства делами церкви управляли старейшины. Разве Иисус Христос выбирал своих учеников, призванных проповедовать Евангелие, из числа мудрецов и ученых мужей? Человечество буквально затерроризировано разговорами о «правах духовенства»! Права! Какие еще права? Кто платит им? Кто их содержит? Кто позволяет этим трутням жировать в улье за счет труда рабочих пчел? Эти люди гордятся своим невежеством в любых полезных областях знания, зато поднаторели в бесконечных спорах и бессмысленной зауми метафизического богословия.

Именно праздность, гордыня, жажда статуса и богатства сделали касту священников «необходимой». Люди слишком ленивы или слишком запуганы, чтобы молиться самостоятельно, и потому нанимают священника, чтобы тот молился за них! Кроме того, им хочется, чтобы их слух тешили красноречивыми речами — как будто религии нужно

красноречие, чтобы иметь силу! Уверяю вас, всё это не имеет к истинной вере никакого отношения. Сограждане, вы сами помогаете этим шарлатанам обманывать вас, делая их незаменимыми. Дайте им понять, что они — ваши слуги, а не господа, какими они себя возомнили. Дайте им понять, что это вы нанимаете их и вы платите им жалованье. Поверьте, став скромнее, они не станут менее набожными.

Эти мысли заслуживают вашего самого серьезного внимания. Духовенство во все времена и во всех странах запрещало дискуссии и подавляло любые расследования. Как и любые тираны, они требуют лишь беспрекословного подчинения и отказа от любого сопротивления. Они осуждают каждого, кто идет против их взглядов — и речь не только о вопросах веры, но и о делах сугубо земных. Их цель здесь, как и повсюду, неизменна: сначала поработить ваш разум, затем — тело, а в конечном итоге — полностью завладеть вашим кошельком.

Давно пора предупредить народ: наша свобода в опасности. Ее подрывает хитрый, упорный и коварный враг, скрывающийся под маской «небесного друга». Пора воззвать к честным гражданам нашей пока еще свободной страны и провозгласить призыв:

«Трубите тревогу на Сионе!»

Отзыв Томаса Джефферсона (1823)

ДОКТОРУ ТОМАСУ КУПЕРУ

Монтичелло, 11 декабря 1823 года

Дорогой сэръ!

Я получил ваше письмо от 23-го числа прошлого месяца, а также два памфлета, которые вы любезно мне прислали. Я заметил, что текст о тарифах вскоре перепечатали в газете Ричи «Энквайрер». Жаль только, что издатель не дождался открытия сессии Конгресса — тогда бы работа попала в руки всем членам парламента и, несомненно, произвела бы на них огромное, а возможно, и решающее впечатление. Сама мысль о том, что фермеры, торговцы и моряки должны платить налоги ради содержания промышленного сектора, кажется мне совершенно абсурдной.

Идея о том, что материализм был учением самого Иисуса, стала для меня открытием. Тем не менее, это **доказано неоспоримо**. Всем нам известно, что этого взгляда придерживались и некоторые отцы ранней церкви. Надеюсь, за этим последует и физиологическая часть вашего исследования. Несмотря на царящий вокруг фанатизм, здравый смысл все равно пробьет себе дорогу. Признаюсь, нынешнее засилье мракобесия ужасает. Единственное верное средство против него — всеобщее образование, которое, к счастью, сейчас находит повсеместную поддержку. История, которую вы упомянули — будто я советовал попечителям нашего университета уволить вас с профессорской должности, — целиком в духе наглой лжи ваших оппонентов. Они так легко манипулируют человеческим разумом, что решили, будто могут безнаказанно обманывать и человеческую память. Ведь еще позапрошлой зимой в нашем ежегодном отчете законодательному собранию (опубликованном в газетах) четко указывались причины, по которым мы расторгли контракт с вашим Центральным колледжем. Если мне не изменяет память, вы сами предложили это, когда начало нашей работы отложили на неопределенный срок. Вам было важно не упустить возможность устроиться на постоянное место. И после этого они приписывают инициативу вашего увольнения мне! Человеку, который ценит ваши достоинства, таланты и знания выше, чем кто-либо другой. Но таков уж мир: людей кормят сказками всю жизнь, и они уходят из мира с верой в то, что понимали происходящее вокруг. На деле же человек не знает ничего, кроме того, что видел собственными глазами. И кто же эти главные обманщики? Те, кто с важным видом выдает себя за единственных хранителей божественных истин! Я отказываюсь верить, что руководство штата, которому вы приносите неоценимую пользу своими научными трудами (а в нашем Союзе нет другого человека с такой квалификацией), позволит кучке этих «заклинателей» подвергнуть вас опасности.

Я принял к сведению ваши слова о мистере Финче, но дата нашего открытия всё еще остается неопределенной.

С глубоким уважением и преданностью,
Ваш Томас Джефферсон.

Мистер Джефферсон не осознавал, что материализм является истинным учением Иисуса Христа, пока я не прислал ему свой трактат. В письме к У. Шорту от 13 апреля 1820 года он писал: *«Хотя мой крат-*

кий обзор призван представить личность Иисуса в истинном свете — не как обманщика, а как великого реформатора иудейского закона, — это не означает, что я разделяю все его доктрины. **Я материалист**, он же стоит на стороне спиритуализма...». Также в письме к Джону Адамсу от 15 августа 1820 года он отмечает: «Стоит нам оставить почву чувственного восприятия, и мы сразу теряем опору. Говорить о нематериальном существовании — значит говорить о ничем. Утверждать, что человеческая душа, ангелы или Бог нематериальны — это всё равно что заявить, будто их не существует вовсе. Я не могу рассуждать иначе. В своих убеждениях я опираюсь на идеи Локка, Траси и Стюарта. Я не знаю точно, в какой период истории христианской церкви в нее прокралась эта ересь имматериализма (или замаскированного атеизма), но это совершенно точно ересь. Иисус этому не учил. Да, он говорил, что "Бог есть дух", но он не определял, что такое дух, и не утверждал, что дух — это не материя» (Письмо к Дж. Адамсу от 11 апреля 1823 года).

Тот «краткий обзор», о котором Джефферсон упоминает в письме к У. Шорту, представлял собой сжатое изложение характера, а также теологических и этических доктрин Иисуса Христа, составленное на основе его собственных высказываний. Полагаю, впервые этот труд был отправлен доктору Рашу. Поразительно, насколько осторожен был Джефферсон: он делал всё, чтобы эти мысли не стали достоянием общественности. Причиной тому была яростная ненависть, с которой духовенство преследовало его на протяжении большей части его крайне полезной для страны жизни. Грустно осознавать, что такому человеку в нашей просвещенной стране приходилось опасаться публикации подобной работы. Стыдно, что эти упреки могут быть высказаны в наш адрес, и вдвойне стыдно, что мы не можем их опровергнуть!

Обзор метафизических и физиологических аргументов в пользу материализма (1781, переиздано с дополнениями в 1823)

Даруй нам дневной свет и честную борьбу»
— Гомер, «Илиада», XVII, 646

Этот труд с глубоким уважением представляется вниманию врачей Соединенных Штатов — как самых компетентных специалистов, способных по достоинству оценить приведенные здесь доводы.

О душе

Аргументация в пользу того, что нематериальная душа существует отдельно от человеческого тела, будучи лишь помещенной в него, заключается в следующем.

Человек — это прежде всего тело. Пока оно живо, оно обладает особой организацией и проявляет определенные качества, которые мы называем интеллектуальными: восприятие, память, мышление и воля. Однако, как только жизнь покидает тело, оно распадается на углерод, азот, водород, кислород, фосфор и известь (возможно, с примесью еще пары веществ). Все эти элементы абсолютно идентичны тем, что мы находим в любых неживых объектах вокруг нас. Насколько мы можем судить, наше единственное отличие от неодушевленной материи заключается лишь в специфическом устройстве организма, которого у этих объектов нет. Но как бы ни были выстроены частицы, из которых состоит наше тело, результатом будет лишь иное их расположение — то есть различные комбинации материи и движения. У нас нет никаких оснований приписывать чувства, память, мысли или волю какой-либо форме материи, как бы сложно она ни видоизменялась. Из материи и движения не может возникнуть ничего, кроме самой материи и движения. Интеллектуальные явления слишком

самобытны, чтобы считать их просто производными физических процессов. Следовательно, мы должны признать существование иного начала, которое служит источником разума. И этим началом не может быть тело. Это должно быть нечто принципиально иное — нечто нематериальное, не имеющее отношения к физической субстанции. И это «нечто», будь то отдельная сущность или высший принцип, и есть Душа.

Разве может комбинация углерода, азота, водорода и кислорода породить логическое умозаключение? Будучи по своей природе нематериальным, и не имея отношения к физическим объектам, этот источник разума не подвержен разложению и распаду. А значит, он бессмертен и не погибает вместе с телом. Это снимает любые сомнения в существовании загробной жизни: душа продолжает жить и тогда, когда тела больше нет.

Таких взглядов обычно придерживаются те, кто верит в нематериальную душу как первопричину всех психических явлений. Им кажется абсурдным приписывать возвышенные образы поэзии или гениальные рассуждения Ньютона и Лапласа простому сочетанию усвоенных организмом частиц — частиц самой грубой материи, которые до того, как попасть в тело, и после того, как они будут выведены из организма выделительными сосудами, не имеют ни малейшего сходства с тем, что мы называем разумом, в любых его проявлениях.

В данном исследовании мы сознательно исключаем любые теологические доводы. Их следует рассматривать отдельно. К тому же они столь же сложны для разрешения, как и аргументы, основанные на природных явлениях, и порождают не меньше практических противоречий.

Современные **имматериалисты** идут еще дальше. Они утверждают, что сама способность к организации и все ее результаты должны были быть изначально заложены в инертную материю некой внешней силой, так как сама материя не могла обрести это свойство по собственной воле. По их мнению, ни биологическая структура, ни сама жизнь, ни связанные с ней процессы — питание, пищеварение, усвоение веществ, выделение и прочее, — равно как и интеллектуальные способности, не могут быть следствием известных нам свойств материи как таковой. Следовательно, эти качества были изначально запечатлены в человеке тем Существом, которому мы приписываем сотворение мира. Интеллектуальные явления четко отличаются от других

процессов в живой организованной материи: (1) Они присущи исключительно человеческому виду; (2) Их невозможно объяснить обычными свойствами жизни или строения организма; (3) Следовательно, они являются результатом особого дара Творца нашего бытия. Поскольку разум нельзя объяснить физическим строением тела или считать его продуктом, его необходимо приписать отдельной сущности, имеющей иную, высшую по сравнению с материей природу.

В земной жизни эта сущность действует через органы тела, и имя ей — Душа. Конечно, признается, что нельзя делать вывод о реальности чего-либо лишь на основании его возможности (от возможности к бытию нет прямого логического перехода). Однако, когда явления невозможно объяснить никакими известными свойствами материи (как живой, так и неживой), мы неизбежно приходим к выводу, что за этими нематериальными проявлениями стоит нечто иное, отличное от материи. Трудно изложить взгляды мыслителей, отстаивающих существование души как отдельной, абсолютно нематериальной и, как следствие, нетленной и бессмертной сущности, более ясно и убедительно.

С другой стороны, материалисты,

Которые приписывают все интеллектуальные явления телу и считают их свойствами организованной материи (результатом ее сложного строения), рассуждают иначе. Их аргументы можно разделить на две категории: (1) Метафизические; (2) Физиологические. И начнем мы с первого класса.

I. Единственное основание, по которому мы в любом случае утверждаем, что некое свойство принадлежит конкретному объекту — это неизменность и универсальность их связи. Например, мы говорим, что золото пластично, потому что мы всегда обнаруживаем это свойство в золоте. Мы утверждаем, что удобрения питают растения, мышечные волокна обладают сократимостью, а нервы служат инструментами чувственного восприятия именно по этой причине — из-за постоянства этих явлений. Если вы попытаетесь описать любой минерал через его характеристики, тогда у вас не останется сомнений в справедливости этого подхода.

Более того, зная по опыту, что у всего существующего есть своя причина, мы склонны объяснять неизменное сосуществование объек-

та и его свойств некой необходимой связью между ними. Таким образом, *постоянство и повсеместность их совместного появления — это единственное основание утверждать, что между двумя явлениями есть закономерная связь*. Мы не можем не верить, что в одинаковых обстоятельствах одни и те же причины всегда будут приводить к одним и тем же последствиям. Логика здесь проста: если два явления всегда сопровождают друг друга — одно неизменно предшествует, а другое следует за ним — значит, в самой природе вещей заложена причина, по которой это происходит именно так.

Существует неразрывная связь между устройством нервной системы животных и способностью к ощущению, которую часто называют восприятием — то есть способностью чувствовать и осознавать воздействие на наши органы чувств. Это утверждение столь же неоспоримо, как и любой другой доказанный факт, поскольку в здоровом организме мы всегда наблюдаем, что восприятие и работа нервной системы неразделимы. Насколько нам известно из данных анатомии и физиологии, центр восприятия находится на внутреннем чувствительном окончании нерва, получившего импульс. Но где бы именно он ни располагался, очевидно, что он принадлежит нервной системе, и для нашего доказательства этого вполне достаточно. Центр этот должен где-то существовать. Читатель может сам, опираясь на известные факты, «разместить» его там, где посчитает нужным — это никак не изменит сути моего аргумента. Восприятие, ощущение, чувство, осознание впечатлений (все эти термины используются как синонимы, хотя я предпочитаю первый)²³ — это свойство нервного аппарата, принадлежащего живому и здоровому телу. Когда чувствительные окончания нерва получают стимул, восприятие становится мгновенным и неизбежным результатом. Это так же закономерно, как специфический вес, цвет, пластичность и химические свойства являются неотъемлемыми характеристиками чистого золота. Эти свойства неотделимы от самого предмета. Вы даете определение золоту через его характеристики; точно так же вы должны определять функции нервной системы через восприятие и ощущения.

Я считаю этот довод исчерпывающим, пока не будет доказано, что восприятие с неизбежностью возникает из чего-то иного, отдельного и

²³ Французские авторы используют термин «сознание» (conscience), английские предпочитают «восприятие» (perception).

независимого от нервной системы. Независимо от того, можно ли это доказать, само утверждение о том, что восприятие рождается именно таким образом, часто пытаются представить как противоречивое и, следовательно, в принципе недопустимое. Что касается самого механизма — того, как именно восприятие возникает в ответ на стимуляцию нервной системы, или почему оно является функцией мозга, — то здесь никто не может претендовать на окончательное объяснение. Это так же невозможно, как объяснить, каким образом нематериальная душа может воздействовать на материальное тело, не имея с ним ни одного общего свойства. В случае с телом мы по крайней мере опираемся на факты: мы чувствуем в самих себе и видим на примере других, что восприятие, чувства и сознание — это функции вполне конкретного, видимого органа. О существовании же отдельной души мы не знаем ничего, кроме предположений. Мы знаем, что раздражимость и способность сокращаться — это свойства мышечного волокна, но, кроме самого этого факта, нам ничего не известно. Разве можем мы до конца объяснить, как живет и растет обычная травинка?

То, что неизменная и повсеместная связь явлений — это единственное основание для утверждения об их неразрывной зависимости, настолько очевидно, что если это оспорить, то любой научный вывод (метод индукции) потеряет смысл. Вся система доказательств строится на этой истине. До сих пор никто не смог обнаружить прямого логического противоречия в утверждении, что восприятие — это результат работы организма. На практике, насколько позволяют судить наши чувства, всё именно так и происходит. Поскольку ни один сторонник идеи о «нематериальности» духа так и не смог внятно объяснить, почему восприятие должно возникать из некой бесплотной субстанции, а не из материи, у нас есть все основания считать сознание результатом деятельности нашего организма. Суть спора можно свести к следующим пунктам: (1) Единственным прямым основанием считать два явления неразрывно связанными является их постоянное и повсеместное сопутствие друг другу. (2) Способность воспринимать и здоровое состояние нервной системы (при наличии внешнего воздействия) всегда наблюдаются вместе. (3) Следовательно, эта взаимосвязь дает нам единственное веское основание утверждать, что восприятие и нервная система неразрывно связаны.

Этот довод ничем не отличается от тех, что мы используем для объяснения любых других природных явлений. Разумеется, нервная

система должна получить импульс, прежде чем возникнет ощущение. И какую бы терминологию мы ни выбрали — будь то формулировки Юма или доктора Томаса Брауна из его «Трактата о причине и следствии», — суть аргумента останется прежней. Во всех случаях, когда связь между двумя явлениями такова, что одно называют свойством, а другое — носителем этого свойства, считается, что оно неизбежно вытекает из самой природы или сути своего носителя. А так как восприятие, несомненно, должно быть связано со здоровым состоянием нервной системы, оно является свойством этой системы и закономерно вытекает из самой её сути.

Это и есть прямое и надлежащее доказательство доктрины **материализма**. Насколько мне известно, в рамках этой дискуссии данный аргумент до сих пор остается без ответа. Впрочем, эта теория получит дополнительную поддержку, если удастся показать, что противоположная концепция — т.е. имматериализм — либо невозможна, либо крайне маловероятна. Я намерен доказать и то, и другое.

О невозможности существования нематериальной, неделимой и бессмертной души

2. (а) Возможны три варианта: (1) Душа обладает всеми свойствами материи и никакими иными; (2) У неё есть общие свойства с материей, но есть и свои собственные; (3) У неё нет ни одного общего свойства с материей. В первом случае душа — это и есть материя, и ничего больше. Во втором случае она частично материальна. В третьем случае она не материальна ни в какой степени. Именно этот последний вариант — единственный, на котором гипотеза имматериализма может последовательно настаивать. Ведь если душа хотя бы отчасти материальна, она будет делимой, смертной и подверженной распаду, как и всякая материя.

(б) Однако допустим, что у души нет ни одного общего свойства с материей. В таком случае я утверждаю: ни один объект не может воздействовать на другой, если у них нет некоего общего свойства. Это подтверждается не только множеством известных и общепризнанных примеров, но и тем фактом, что мы просто не в состоянии представить, как может быть иначе. Нельзя построить римский Колизей, играя рондо Гайдна. Невозможно сдвинуть луч света бильярдным кием и так далее. Это положение признается или принимается как само со-

бой разумеющееся во всех трудах по естествознанию. Согласно нашей гипотезе, у души нет общих свойств с материей. В то же время сторонники имматериализма единогласно признают, что душа воздействует на материальное тело и управляет им. Но предположение, что душа одновременно может и не может, воздействует и не воздействует на тело, — это очевидное противоречие. Следовательно, гипотеза, содержащая такое противоречие, должна быть отброшена.

3. (а) Всё, что нам известно о вещах, мы знаем благодаря их свойствам; и только свойства мы можем знать с полной определенностью. Золото — тяжелое, желтое, пластичное, оно растворяется в «царской водке» и так далее. Представьте, что золото на мгновение лишилось всех этих качеств — останется ли оно золотом? Если у него появятся другие свойства, это будет уже другое вещество; если же у него не останется никаких свойств, оно превратится в ничто. Ведь «ничто» — это и есть то, что не обладает никакими свойствами. Таким образом, если какой-либо объект теряет все свои свойства, он перестает существовать.

(б) Мы судим о существовании души, как и о существовании любого другого объекта, на основании её предполагаемых свойств, к которым относятся интеллектуальные процессы: восприятие,²⁴ память, мышление и воля. Однако в состоянии глубокого сна, под действием сильных наркотиков, при апоплексическом ударе, обмороке или утоплении (если жизненные силы ещё не угасли), а также при сильном ударе по затылку или любых других состояниях, сопровождающихся потерей сознания, — ни восприятие, ни память, ни мышление, ни воля не проявляются. Это означает, что все свойства души исчезают, угасают. Следовательно, на этот период сама душа перестает существовать: любые свидетельства и следы её бытия теряются. В такие моменты, пока длится расстройство нервной системы, душа фактически мертва, так как все её признаки полностью уничтожены. Из этого следует, что душа не бессмертна, а значит — материальна.

(с) Исчезновение всех интеллектуальных проявлений из-за сбоя в работе нервной системы легко объяснить, если рассматривать их (как это делают материалисты) просто как процессы, зависящие от нервной системы. В нормальном состоянии она возбуждается внешними впечатлениями или сигналами от внутренних органов, а также

²⁴ Чувствование, ощущение и сознание – синонимичные термины.

ассоциациями, возникающими внутри самого организма. С такой точки зрения всё выглядит естественно и понятно. Но если эти интеллектуальные феномены — лишь признаки и свойства отдельного нематериального существа (души), то возникает непреодолимая трудность: где находится само это существо, когда все его свойства и все доказательства его существования уничтожены, пусть даже всего на день или на час? Материалист же легко объяснит возвращение сознания: оно происходит благодаря возобновлению стимуляции нервной системы за счет непрерывной работы органов жизнеобеспечения.

4. (а) Никакие логические умозаключения не освободят нас от власти реальных фактов. Невозможно отрицать, что все интеллектуальные процессы, те самые специфические свойства «нематериальной души» и единственные доказательства её бытия — на самом деле являются функциями тела. Это подтверждается следующими наблюдениями: (1) Там, где нет нервной системы, например, у растений, эти свойства никогда не проявляются. (2) Они не возникают у эмбриона или младенца до тех пор, пока не разовьется головной мозг. (3) Когда работа нервной системы нарушается из-за травмы, болезни или лекарств, эти процессы также искажаются или вовсе исчезают. (4) Когда тело умирает, а вместе с ним и нервная система, все эти явления прекращаются раз и навсегда. Насколько позволяют судить наши органы чувств, после смерти нет ни малейшего доказательства того, что какая-то часть существа, связанная с телом при жизни, отделяется от него. Это можно утверждать на словах, но нет ни одного факта, который бы это подтвердил. Когда тело умирает, исчезают и восприятие, и память, и воля. Насколько мы можем видеть, они умирают вместе с телом и никак не проявляют себя после. Таким образом, эти феномены принадлежат телу. Если признать, что интеллектуальные процессы характерны и для души, то душа — так же, как и тело — материальна, поскольку они обладают общими свойствами.

(б) Если кто-то заявит, что душа может продолжать жить после смерти и разложения тела, я отвечу: с тем же успехом она может и не существовать. Одно предположение ничем не лучше другого. Помните, что в честной дискуссии недопустимо принимать существование чего-либо как факт лишь на том основании, что это «возможно». Тот, кто утверждает, обязан доказать свои слова (*Affirmantis est probare*). Из самой возможности существования не следует его реальность (*A posse ad esse, non valet consequentia*).

(с) Если кто-то скажет, что свойства души лишь временно «приостанавливаются», я бы попросил его уточнить, что именно он вкладывает в это понятие. Означает ли это что-то иное, кроме того, что в данный момент эти свойства просто не существуют? Любая другая трактовка либо противоречит фактам, либо уходит в область чистых абстракций — к платоновским идеям или «предустановленной гармонии» Лейбница. Подобные теории сегодня вряд ли можно считать убедительными. Более того, такая позиция нарушает логический закон противоречия: невозможно существовать и не существовать одновременно. С точки зрения логики это так же нелепо, как попытка представить имя прилагательное без существительного, к которому оно относится.

(d) Существует еще один довод: якобы ментальные явления — это не составные части души, а лишь её «акты» или проявления. Мол, душа может продолжать существовать, даже если перестает действовать подобным образом. Сторонники этой идеи сравнивают тело с инструментами: если мастер потерял молоток или пилу, это не значит, что он сам перестал существовать или потерял способность трудиться.

На это я возражу следующее: (1) Когда доказательства существования предмета вытекают из его природы и структуры, они тождественны его свойствам. Мышление для души — именно такое свойство; это признанная всеми её суть. Приведу простой пример: представьте, что минералог описывает какой-то камень. Если мы мысленно уберем все характеристики этого минерала, от него ничего не останется. (2) Интеллектуальные процессы — это единственные доказательства существования души, которыми мы располагаем. Если они уничтожены или угасли, то и вывод о существовании души теряет всякое основание. Когда исчезают все признаки жизни, никто не колеблется, утверждая, что самой жизни больше нет. (3) Инструменты, которыми пользуется человек, — это лишь малая часть свидетельств его способностей. Но если человек лишится чувств, рук, воли и возможности двигаться (а ведь это тоже проявления его способности действовать), любой скажет, что эта способность исчезла. (4) Подобную логику можно довести до абсурда. Можно заявить, например, что основные свойства золота — это лишь его «действия» и «доказательства» существования некой субстанции «золота», которая якобы продолжает существовать, даже если оно больше не проявляет ни одного из свойств, характерных

для золота (ведь эти свойства — лишь временные доказательства его бытия). Согласится ли хоть один здравомыслящий человек с логичностью такого довода? (5) Если мы допустим подобный вывод — от голой возможности к реальности, от потенциального к актуальному (a *posse* ad *esse*, a *potentia* ad *actum*), опираясь на призрачные шансы, — тогда можно будет доказать существование чего угодно вопреки любым фактам. Разве врач не сочтет сумасшедшим того, кто, глядя на разлагающийся труп, всерьез заявит: «Разумеется, сейчас никаких признаков жизни нет, но сама жизнь, тем не менее, вполне может там сохраняться»?

5. (a) Любые соотносительные термины подразумевают существование пары: нельзя быть отцом, не имея ребенка, или мужем без жены. Следовательно, когда исчезает одно из этих двух понятий, автоматически исчезает и другое.

(b) Все те представления, из которых складывается наше понятие о Душе — или, иными словами, все свойства, на основании которых мы делаем вывод о её существовании — являются соотносительными. Их парой выступают идеи. Так, не может быть восприятия без объектов (идей), которые воспринимаются; нет памяти без того, что нужно помнить; нет суждения без идей, которые нужно сравнивать; и нет воли без объекта, на который она направлена.

(c) Локк убедительно показал, что у нас нет врожденных идей. Все наши мысли — это результат либо внешних ощущений, либо рефлексии (размышления). Причем рефлексия — это не что иное, как операции ума над данными, полученными от органов чувств. То есть все наши идеи происходят из впечатлений и основаны на них. Этого же принципа придерживалась и древняя школа: «*В разуме нет ничего, чего прежде не было бы в чувствах*» (имея в виду как внешние, так и внутренние чувства). И эта истина не становится менее значимой от того, что её признавали величайшие умы древности.²⁵ Я прекрасно знаком с понятием «умственных способностей» — этой бесконечной

²⁵ Я утверждаю, опираясь на авторитет Кабаниса, Биша, Блюменбаха, Ришерана и Мажанди, а также Гартли, Дарвина, Пристли и Лоуренса, что наиболее просвещенные современные авторы придерживаются той же доктрины. Всё, что мы называем «психическими явлениями», есть лишь результат возбуждения нервной системы. Поскольку базовые труды Биша, Ришерана, Блюменбаха и Мажанди изучаются во всех медицинских школах, я прилагаю соответствующую

темой, которой так увлечены шотландские метафизики. Я не намерен опускаться до того, чтобы всерьез обсуждать ту вопиющую нелепицу, которую доктора Рид и Битти выдают за истину. Не стану я отвечать и на поверхностную софистику доктора Грегори, на многословную пустоту страниц доктора Дугалда Стюарта или невежественную безапелляционность недавних изысканий доктора Барклая. Нас рассудит публика, и этого мне достаточно. А пока пусть читатель просто спросит себя: как можно получить представление о цвете без глаз, о запахах — без носа, о вкусе — без рецепторов на языке и нёбе? Попробуйте вообразить, какие мысли могли бы возникнуть у человека, полностью лишённого всех органов чувств. Этого вопроса вполне достаточно, чтобы понять абсурдность их позиции.

На самом деле, люди всё чаще сомневаются в том, можно ли вообще получить хоть сколько-нибудь убедительные доказательства существования чего-либо, что недоступно нашему чувственному восприятию.

(d) Если все наши идеи рождаются из впечатлений, полученных органами чувств, а сами эти органы материальны, то без тела мы ни-

щие ссылки. Читатель заметит, что ведущие авторы учебников по физиологии принимают латинскую аксиому из текста дословно или по существу. Так, Галлер (Phys. § 556) определяет ощущение как «воспринятое состояние мозга» (Prime Lineæ, Эдинбург, 1767). Никто не может считаться компетентным в вопросах метафизики и интеллектуальной философии, если он плохо разбирается в физиологии — области знаний, в которой шотландская школа метафизики, к сожалению, совершенно невежественна. Я не хотел бы огульно причислять доктора Т. Брауна к его поверхностным и самонадеянным предшественникам. Я согласен с ним в том, что «сила» и «причинность» — это лишь слова, которые неотделимы от конкретных предшествующих событий и их последствий. Также я разделяю его мнение о том, что наша вера в неизменную связь причин и следствий — это скорее интуиция, чем результат логических рассуждений. Однако я боюсь, что ему не удалось опровергнуть аргументы Юма против чудес. Ведь все доводы Юма строятся на том, что природа стабильна, и крайне сложно доказать вмешательство новых факторов, опираясь лишь на человеческие свидетельства. Доктор Браун лишь сменил форму защиты, но не изменил сути дела. При всем этом Браун — проницательный и способный философ, хотя и он не избежал главного порока шотландской школы: поразительного игнорирования физиологических фактов.

когда не смогли бы сформировать ни одной мысли. Иными словами: без тела не было бы восприятия, памяти, суждений или воли. А значит, не существовало бы и тех проявлений мышления, на основании которых мы делаем вывод о наличии Души. Следовательно, без тела у Души нет никаких свойств. Проще говоря: нет тела — нет и Души. Само начало существования Души напрямую зависит от существования тела. Таковы факты.

(е) Сторонники имматериализма, однако, утверждают, что Душа отделена от тела и независима от него. В результате их рассуждения приводят к парадоксу: Душа одновременно и зависит от тела, и не зависит от него. Но поскольку два взаимоисключающих утверждения не могут быть верны одновременно, такая «Душа» попросту не существует.

Поскольку мы установили, что душа не может существовать до рождения тела, давайте теперь разберем вопрос о ее бессмертии после смерти.

6. (а) Любые впечатления, полученные нашими органами чувств, можно проследить вплоть до чувствительных окончаний нервов, но не далее.

(b) Когда внешние объекты воздействуют на наши чувства, мы сохраняем способность воспринимать последствия этого воздействия даже спустя время, когда само раздражение уже прекратилось. В этом и заключается суть памяти и воспоминаний. Следовательно, хотя все наши идеи изначально порождены внешними впечатлениями, мы можем утратить один или два органа чувств, но при этом помнить образы, которые возникли благодаря им ранее.

(с) Однако память об идеях невозможна без участия нервной системы — точно так же, как само появление идей невозможно без органов чувств. Это очевидный фактический аргумент.

(d) В момент смерти разрушаются не только органы чувств (единственные источники новых идей), но и сама нервная система, которая является обязательным условием для существования уже накопленных мыслей. Таким образом, со смертью тела уничтожаются и все наши идеи, какого бы рода они ни были.

(е) Но свойства души не могут существовать в отрыве от идей, поскольку это взаимозависимые понятия. Если же все свойства души уничтожены, то и сама душа прекращает свое существование.

(f) Следовательно, как бы ни обстояли дела при жизни тела, душа не существовала до него и полностью исчезает вместе с ним.

(g) Если же принять во внимание, что даже при жизни многие обстоятельства могут временно лишить душу всех её качеств, то за то «нечто», что от неё в итоге остается, вряд ли стоит всерьез бороться.

(h) Более того, если естественное бессмертие души считается обязательным следствием ее «нематериальности», то из вышесказанного следует логический вывод: такой нематериальной души попросту не существует.

6.1. (a) Если душа вообще существует, она должна где-то находиться. Невозможно даже вообразить нечто реально существующее, что не занимает никакого места, но при этом действует в определенных границах пространства.

(b) Но если душа где-то находится, то по определению она занимает место в пространстве. А значит, она обладает протяженностью, и, следовательно, как и любая материя, имеет некую форму или очертания.

(c) Кроме того, согласно убеждениям большинства сторонников нематериальности души (за исключением Мальбранша, Лейбница и Беркли), душа активно воздействует на тело, то есть на материю. Это означает, что она притягивает и отталкивает, а также сама подвергается притяжению и отталкиванию. Ведь любое мыслимое воздействие на материю в конечном счете сводится именно к процессам притяжения и отталкивания. Если душа притягивается и отталкивается, то и её ответная реакция должна заключаться в притяжении и отталкивании. А это подразумевает наличие плотности.

(d) Таким образом, душа обладает протяженностью, формой, плотностью, а также способностью к притяжению и отталкиванию. Но именно из этих свойств и состоит материя. Следовательно, чем бы еще ни являлась душа, она — существо материальное.

(e) Поскольку она не может быть одновременно материальной и нематериальной, логично предположить, что её попросту не существует.

7. Истины, которые мы черпаем из внимательных и многократных наблюдений с помощью наших чувств, гораздо весомее, чем лю-

бые чисто логические выводы и аргументы. Если я чувствую, что удар кулаком о большой камень разбивает мне костяшки, я не смогу в этом сомневаться после нескольких попыток. Если я вижу, что изрядное количество крепкого вина приводит к опьянению, я не могу отрицать результат этого опыта. Точно так же я вижу, что ментальные явления на самом деле неразрывно связаны с устройством человеческого тела — через нервную систему, которая является его частью. Я знаю по опыту и наблюдениям: если разрушить тот отдел нервной системы, который питает какой-либо орган чувств (например, зрительный нерв), этот орган перестанет поставлять мне привычные ощущения. Все это — очевидные факты, которые проверяются так же легко, как и действие бутылки мадеры: с помощью наших органов чувств. В этом можно сомневаться не более, чем в собственном существовании. Но какие у нас есть доказательства существования души? Её невозможно воспринять ни одним из органов чувств — привычных каналов познания. Согласно самой гипотезе, душа нематериальна и не имеет отношения к физическому миру. По своей природе она исключает возможность любого чувственного подтверждения. Душа — это лишь гипотеза, воображаемое нечто, придуманное для объяснения процессов, которые явно связаны с нашими телесными органами. Насколько нам известно, эти процессы не могут происходить без участия тела, вне зависимости от того, есть у нас душа или нет. Мы видим, слышим, чувствуем и знаем об этой связи, пусть даже не можем в точности её проследить. Для наших чувств души не существует. Её бытие лишь предполагается, потому что нынешний уровень знаний, возможно, не позволяет нам объяснить, как именно интеллект связан с нервной системой. Чуть позже я покажу, что мы так же мало понимаем, как растет травинка или живет дерево, как и то, каким образом рассуждает животное.

Пусть читатель на мгновение задумается: не является ли введение этой гипотетической «нематериальной души» для решения проблем, порожденных нашим неизбежным невежеством, явным нарушением известной аксиомы: «от возможности чего-либо нельзя делать вывод о его реальности» (*a posse ad esse non valet consequentia*)? Это не более чем убежище для нашего нынешнего незнания — связей, которые наука будущего сможет или не сможет разгадать.

Теория объясняет неизвестные факты через законы и свойства уже изученных явлений. Ньютон применил закон, заставляющий камень падать на землю, к объяснению притяжения планет к Солнцу.

При этом он не вводил никаких новых допущений для обоснования своих выводов. Если бы он заявил, что притяжение планет невозможно объяснить свойствами материи, а значит, этим занимается некий ангел, обязанный направлять их по орбитам — вот это было бы гипотезой. Именно такой гипотезой являются наши представления о Душе, которыми мы пытаемся объяснить физические процессы в организме.

Таким образом, мы не только лишены прямых и убедительных доказательств существования души (которых, учитывая её предполагаемую природу, у нас никогда и не будет), но и все ясные, неоспоримые свидетельства наших органов чувств говорят о прямо противоположном.

Более того, разве не странно, что мы не способны рассуждать о нематериальной душе, её существовании, свойствах или принципах действия иначе как на языке наших физических ощущений? Разве можем мы мыслить или говорить о нематериальных сущностях, не используя слова и выражения, которые подсказали нам наши органы чувств и которые относятся исключительно к нашему телесному опыту?

«Я годами вижу, как человек двигается, и слышу, как он говорит», — пишет мистер Халлет в своих рассуждениях. «По его речи я заключаю, что он мыслит так же, как и я. Таким образом, я вижу в человеке существо, которое думает и действует. Спустя время этот человек падает у меня на глазах, становится холодным и неподвижным. Он больше не говорит и не действует. Моя вера в то, что он мыслит, основывалась лишь на его словах и движениях. Теперь, когда они прекратились, я потерял единственную возможность доказать, что он всё ещё обладает способностью мыслить. После смерти этот человек — некогда единое целое — разительно меняется. С чего бы мне вдруг решать, что он состоял из двух частей, и что его внутренняя сущность продолжает жить и мыслить, улетая прочь, в то время как внешняя оболочка перестает двигаться?

Со стороны всё выглядит так, будто человек исчез целиком, и все его способности угасли одновременно. Насколько я могу судить, движение и мысль умирают вместе. Способность мыслить, говорить и двигаться в равной степени зависит от тела и разделяет его участь, когда человек стареет.²⁶ Когда кто-то умирает от старости, я вижу, как разум

²⁶ Читатель, вероятно, вспомнит архиепископа Толедского из романа «Жиль Бла».

и подвижность угасают вместе и постепенно. В тот момент, когда человек перестает дышать и шевелиться, он, судя по всему, перестает и мыслить.

«Когда я полагаюсь исключительно на логику, мне кажется, что моя способность мыслить зависит от тела так же сильно, как зрение или слух. В младенчестве я не мог мыслить. Мой разум, зрение и чувства в равной степени подвержены физическому воздействию. Например, удар по голове может лишить человека способности рассуждать, хотя он всё еще будет видеть, чувствовать и двигаться. Таким образом, естественный вывод таков: нет никаких оснований полагать, что человек способен мыслить вне своего тела — точно так же, как он не может без тела слышать звуки или чувствовать холод».

Если это действительно так (а отрицать это невозможно), и если ни в реальности, ни в самой природе вещей нет и не может быть прямых доказательств существования нематериальной и независимой души — более того, если все доступные нам свидетельства говорят как раз об обратном — то насколько же неоспоримыми и очевидными должны быть рассуждения, на которых строится вывод о её существовании! Сам факт того, что этот вопрос можно честно и обоснованно оспаривать, уже заставляет серьезно усомниться в убедительности таких выводов. Кто может всерьез отрицать полную зависимость мышления от состояния тела?

8. Я убежден, что любые психические или интеллектуальные явления можно объяснить как физиологические процессы в организме. Гартли в первом томе своего труда «О человеке» и Дестют де Траси в «Идеологии» доказали это вполне убедительно. Я не буду подробно пересказывать их доводы — они говорят сами за себя. Уверен, со временем общество оценит этих авторов по достоинству, хотя нынешние консервативные взгляды пока не позволяют этого сделать.

9. У нас нет ни малейших доказательств того, что идеи могут возникать или существовать независимо от телесной организации. Мы никогда не сталкивались с подобным на практике и не имеем никаких фактических оснований верить в такую возможность. Само понятие «душа» было изобретено лишь для того, чтобы как-то объяснить природу мыслей. Те, кто верит в отдельную от тела душу, считают идеи её неотъемлемым свойством и результатом её деятельности. Но где доказательства того, что идеи могут существовать в душе без участия тела?

Куда уходит мысль, когда тело умирает? И где она была до того, как тело появилось на свет?

Здесь уместно правило: «О том, что не проявляется, и о том, что не существует, следует судить одинаково». Любые утверждения о том, что не существует или чье существование ничем не подтверждено, одинаково голословны. Таковы аргументы абстрактного и философского характера, на которых я основываю свое убеждение: бестелесной и бессмертной души, существующей отдельно от плоти, нет и быть не может. На мой взгляд, истинность материализма доказана так же твердо, как и то, что золото — тяжелое, чернила — черные, а вода — жидкая. И точно так же очевидно, что противоположная теория ложна, ведь два взаимоисключающих утверждения не могут быть верными одновременно.

Теперь я перехожу к аргументам скорее физиологического, нежели метафизического толка. Однако, прежде чем углубиться в эту тему, я позволю себе изложить несколько положений о работе живого организма, которые напрямую относятся к делу.

Для удобства всё, что нас окружает, принято разделять на три царства: **минеральное, растительное и животное**. Частицы, из которых состоят вещества в каждом из этих миров, обладают особыми активными свойствами. Благодаря им частицы сами группируются в определенные формы, если только им не мешает внешнее давление других тел.

Когда у частиц минерального вещества есть достаточно времени и пространства, чтобы расположиться согласно их природным свойствам, они принимают определенные фигуры — обычно призматические. Количество граней и величина углов в них зависят от химического состава конкретного минерала. Именно поэтому за последние двадцать лет определение видов минералов стало основываться на форме кристалла — этот подход особенно развит среди французских минералогов. Сам этот факт не вызывает сомнений, однако точные границы и взаимосвязь между химическим составом и формой кристаллического ядра еще не изучены до конца.

Минералы увеличиваются в размерах за счет наслоения новых частиц вокруг уже сформировавшегося ядра, создавая вторичные формы. Однако они: не питаются и не переваривают пищу; не усваивают вещества и не выделяют продукты жизнедеятельности; не растут (в биологическом смысле) и не размножаются. У минералов нет свойств,

которые можно было бы всерьез назвать жизнью, и они не знают того, что мы называем смертью, хотя, безусловно, наделены активными свойствами.²⁷ Как и любые другие субстанции, они подвержены химическому разложению и последующему распаду. Они полностью лишены чувств и воли, у них нет никаких механизмов, связывающих их с окружающими телами.

Растения — это организмы с особым внутренним устройством, состоящим из твердых, трубчатых и клеточных элементов, а также жидкостей. Благодаря этому строению они: питаются, переваривают и усваивают вещества; выделяют секреты и продукты распада; растут и производят потомство. Растения умирают — от насильственного воздействия, болезней или старости. Они не способны передвигаться, так как закреплены корнями. До сих пор в них не было обнаружено нервной системы, хотя некоторые их волокна обладают раздражимостью и способны сокращаться. Поскольку у растений нет нервного аппарата, они лишены восприятия (ощущений) и воли; они не мыслят. Насколько точно установлено, ни одно растение не возникает само по себе — оно всегда является потомком другого растения. И хотя в процессе жизнедеятельности неорганическая, мертвая материя превращается в органическую и живую, сама растительная жизнь (насколько нам известно) должна существовать заранее. Главное назначение растений, по-видимому, заключается в том, чтобы служить пищей для животных, превращая безжизненную материю в нечто, способное чувствовать, испытывать боль и удовольствие. Почти полностью (за исключением менее чем одной тысячной доли веса) растения состоят из углерода, водорода и кислорода, с небольшим содержанием азота, калия и фосфора. Землистые вещества, которые также в них находят, судя по всему, не являются обязательными компонентами их состава.

Животные — это организмы, обладающие особой структурой твердых, трубчатых, ячеистых и жидких частей. Благодаря такому устройству они способны поглощать пищу, переваривать её, усваивать питательные вещества, расти, выделять секреты и продукты жизнедеятельности, а также воспроизводить себе подобных. Они умирают от насилия, болезней или старости. После смерти их тела распадаются на азот, углерод, водород, кислород, кальций и фосфор. В отличие от рас-

²⁷ Кристаллизация, химическое сродство, поляризация света, электрическое и магнитное притяжение и отталкивание — всё это примеры активных свойств.

тений, животные подвижны. Для перемещения у них есть мышечный аппарат, а для чувственного восприятия и проявления воли — нервная система. Именно она связывает их с окружающими объектами, как живыми, так и неодушевленными. Через процесс ассимиляции животные превращают неорганическую, безжизненную материю в живую, организованную и чувствующую ткань.²⁸ До сих пор не было убедительно доказано, что какое-либо животное может появиться иначе, чем от своего прямого предка. Гипотезы Блуменбаха о «формирующем стремлении», а также теории Дарвина и Ламарка не являются невозможными, но пока у них мало последователей. Учение о самопроизвольном зарождении, судя по всему, опровергается фактами. Зоофиты, инфузории, черви и другие паразиты, живущие внутри других существ, создают определенные трудности для исследователей, но вряд ли являются исключениями из общего правила. Это напоминает ситуацию в ботанике с мхами, водорослями и другими мельчайшими растениями.

У каждого позвоночного животного есть три основные системы: (а) Органическая система, предназначенная для поддержания элементарной жизнедеятельности, которая аналогична системе жизнеобеспечения растений. (б) Мышечная система, которая отвечает как за внутренние процессы, так и за передвижение в пространстве. (с) Нервная система, служащая для восприятия чувств, проявления воли и взаимодействия с другими существами.

Непроизвольные мышцы обладают способностью сокращаться (становиться короче и толще) при воздействии раздражителя. Энергию для этого они получают за счет ресурсов органической системы и связанного с ней нервного аппарата. Раздражителем может выступать естественный импульс нервной системы, поток крови или искусственный фактор. Работа непроизвольных мышц происходит неосознанно: мы её не чувствуем и не контролируем. Произвольные мышцы стимулируются естественным путем через ту часть нервной системы, которая отвечает за ощущения и волю, то есть через головной мозг. Нервные волокна работают как проводники: одни передают импульс от мозга к мышце, другие — обратно. Установлено, что в определенных пределах гальванические процессы (электричество) могут заменять

²⁸ Как именно это происходит — мы не знаем и, возможно, никогда не узнаем. Однако этот факт остается фактом, даже если мы не можем его объяснить.

естественный нервный стимул как для произвольных, так и для непроизвольных мышц.

Установлено, что мышечная сила заключена в самих мышцах и является свойством их волокон. Она существует отдельно от нервной энергии, которая выступает лишь одним из стимулов, вызывающих мышечную возбудимость. Примечательно, что способность мышц сокращаться может сохраняться даже в отделенной от организма мышце. Более того, доказано: нервная энергия, обеспечивающая непроизвольную органическую жизнь, полностью автономна от нервной энергии, отвечающей за чувства и волю. Каждую из этих систем можно наблюдать независимо от другой. С высокой долей вероятности можно утверждать, что первая система ограничена продолговатым мозгом и нервными сплетениями (узлами), тогда как вторая, более значимая часть, сосредоточена в головном мозге как в своем едином центре.

Мне известны примеры, описанные моим другом доктором Ферриаром в «Манчестерских отчетах», а также подборка случаев сэра Эверарда Хоума в «Философских трудах». В них упоминаются серьезные повреждения мозга, которые, на первый взгляд, не нанесли существенного вреда интеллекту. Однако ни один физиолог не сочтет эти факты весомым аргументом против того, что именно мозг является центром чувств и воли. Мы пока не знаем опытным путем, какие именно участки мозга отвечают за эти функции исключительно и единолично. Общий научный факт, выведенный из бесчисленного множества наблюдений, нельзя отбрасывать из-за нескольких аномалий, которые трудно объяснить. Моя теория касается тех частей мозга, которые жизненно важны для восприятия и волевых актов, а не всей его массивной структуры, которая во многом служит лишь вспомогательной оболочкой. Эксперименты сэра Эверарда Хоума о связи памяти с корой головного мозга и, что еще важнее, исследования господина Флуранса обещают пролить свет на эту сложную тему. Здесь требуются лишь терпение и последовательный научный поиск. Очевидно, что у каждого основного нервного канала, идущего от органов чувств, должна быть некая внутренняя точка восприятия. Для целей нашего текущего исследования не так важно, где именно вы ее расположите — главное, чтобы это соответствовало наиболее достоверным научным данным.

Вышеизложенные взгляды на устройство минерального, растительного и животного миров я предлагаю читателю не как теоретиче-

ские догадки, а как констатацию отдельных и твердо установленных фактов. Едва ли современный образованный физиолог решится их оспаривать, учитывая те оговорки, с которыми я их привожу. В подтверждение своих слов я ссылаюсь на работы **Биша, Ришрана, Мажанди**, доктора **Уилсона Филипса**, сэра **Эверарда Хоума** и физические исследования господина **Флуранса**.

Теперь я перехожу ко второй группе аргументов.

1. Мельчайшие частицы материи обладают поразительным стремлением объединяться в строго определенные формы: Кварц образует шестигранные призмы, увенчанные шестигранными пирамидами; Циркон принимает вид четырехгранной призмы с четырехгранными пирамидами на концах; Алмаз и гранат кристаллизуются в форме двенадцатигранников; Пирит превращается в куб, а карбонат кальция — в ромбоэдр. Это доказывает, что частицы не соединяются хаотично или как придется. Напротив, они ищут союза с соседними частицами в строго заданном, уникальном порядке, чтобы создать конкретную фигуру. Это либо внутреннее свойство самих материальных частиц, либо результат работы некоего отдельного существа или принципа, который каждый раз придает им нужную силу и направление. Однако до сих пор никому не приходило в голову приписывать эту склонность чему-либо, кроме качеств, присущих самой материи.

Точно так же распределение питательных веществ в растении, принимающем характерную для него форму, обычно объясняют свойствами органической жизни и строением самого организма. Никто еще не выдвигал гипотезу о существовании особой «растительной души» — некоего высшего существа, отличного от растения, которое управляло бы им и продолжало жить после его увядания. На самом деле, признать восприятие свойством нервной системы ничуть не сложнее, чем признать кристаллизацию свойством минерала. Мы видим, что все эти качества неразрывно связаны со своими объектами как причина и следствие. Как именно жизнь в любом её проявлении возникает из простой материи и движения? Мы не знаем, но этот факт неоспорим. Разве жизнь не поддерживается за счет внешних стимулов?

В человеческом теле мы видим нервный аппарат, который напрямую связан с ощущениями и волей. Он служит исключительно для их

возникновения. В младенчестве эти способности почти равны нулю. Они развиваются постепенно и медленно, растут вместе с организмом и совершенствуются шаг за шагом. Их характер и сила меняются в зависимости от нашего воспитания и общества, в котором мы находимся. Мы видим, что практически все черты нашей личности зависят от того, как внешние факторы воздействуют на нервную систему. Например, человек, рожденный и воспитанный в Константинополе, будет обладать одним набором впечатлений, ассоциаций и привычек. В то же время человек с точно таким же устройством нервной системы, выросший среди квакеров в Филадельфии, станет совершенно иным. Все это — результат внешних причин, специфических стимулов, которые заставляют нервный аппарат работать именно так, а не иначе, формируя разные привычки. Это неоспоримый факт.

Как же мы можем отрицать, что ощущения и воля являются результатом работы стимулированной нервной системы? Здесь наблюдается та же связь явлений и тот же закономерный результат, что и в других процессах организма. Это не более загадочно, чем: (1) секреция желез; (2) выработка животного тепла; (3) мышечное сокращение; (4) процесс кроветворения; (5) или тот факт, что из одной и той же поглощенной влаги сосна вырабатывает смолу, а клен — сахар. Все эти процессы одинаково невозможно объяснить, исходя лишь из известного нам устройства материи и законов движения. Каждый из них, кажется, требует признания некоего нематериального начала. Мы ясно видим, что в каждом отдельном случае перед нами — явления организованной материи, однако мы не можем логически обосновать их, опираясь на свойства материи неорганической. Именно поэтому сторонники психологических учений вынуждены искать ответы в некоей обособленной, высшей сущности. Они обращаются к античным понятиям «разумной», «чувствующей» или «жизненной» души. Либо же они прибегают к «способностям», о которых говорит шотландская метафизическая школа — сущностям весьма удобным, готовым к любой работе и всегда находящимся под рукой. В конечном счете, всё это сводится к поиску чего-то аналогичного нематериальной душе в её традиционном понимании. Однако я утверждаю, опираясь на факты:

Существует ровно столько же доказательств того, что ощущения, восприятие и воля являются функциями нервной системы человека, сколько и того, что сократимость — это свойство мышечного волокна, а зрение — функция глаза.

На этом тезисе я готов основывать всю свою позицию в данном споре. Единственным основанием для утверждения о неразрывной связи явлений служит их постоянное сосуществование. Если этого аргумента достаточно в одном случае, то его должно быть достаточно и во всех остальных. Нам вовсе не обязательно понимать сам механизм — «как именно» это происходит. Достаточно того, что наши органы чувств при внимательном наблюдении подтверждают сам факт этой связи. Возможно, будущие открытия и развитие человеческого разума позволят нашим потомкам сделать то, чего не можем мы из-за несовершенства наших знаний — точно так же, как мы сегодня объясняем вещи, остававшиеся загадкой для наших предков.

2. Как я уже отмечал, наше восприятие, воля и другие интеллектуальные способности в младенчестве практически отсутствуют. Они развиваются по мере нашего роста, совершенствуются с опытом и меняются в зависимости от образования. Эти различия обусловлены не только устройством конкретной нервной системы, но и привычкой к тем или иным внешним раздражителям. Представьте двух младенцев с абсолютно одинаковыми задатками. Если один будет воспитываться в трущобах Сент-Джайлс среди лондонских воров, а другой — в благотивной общине филадельфийских квакеров, разве к двадцати одному году их интеллект будет одинаковым? Но разве душа может быть настолько пластичной и изменчивой? Разве душа может быть «младенческой» так же, как и тело?

3. Если бы интеллектуальные процессы зависели исключительно от души, мы не могли бы вызывать, подавлять или изменять их, воздействуя только на физическую оболочку. Однако реальность такова:

Наши мысли часто рождаются и постоянно меняются под влиянием внутреннего состояния наших органов (особенно органов брюшной полости) и общего физического тонуса. Именно физиологией объясняются сновидения, бред, галлюцинации при ипохондрии, а также те перемены в чувствах и идеях, которые напрямую зависят от состояния нашего здоровья. Наши идеи и ощущения возникают и меняются под воздействием лекарственных веществ: вина, опиума, шпанской мушки и тому подобного. Как точно подметил судья Купер в своей работе по судебной медицине: «Как вы собираетесь прописать порцию глауберовой соли бестелесной душе?».

Если наши чувства, мысли, рассуждения и воля зависят от состояния внутренних органов, если они меняются под влиянием болезней

или медикаментов — и если всё это (в чем мы постоянно убеждаемся) подчиняется воле врача, воздействующего исключительно на тело, — то не являются ли эти эффекты чисто физическими? Какое отношение к этим процессам имеет душа? Сторонники идеи о «нематериальной душе» утверждают, что именно эти способности — разум и воля — являются её главными и уникальными свойствами, доказательствами её существования. Однако мы видим, что на эти свойства можно влиять через тело, используя материальные стимулы, воздействующие только на физическую оболочку.

Если предположить, что тело — лишь инструмент души, которая вынуждена действовать в рамках заданных им условий, то из этого следует неизбежный вывод: изменяя состояние тела, мы меняем саму природу души. Получается, что «бессмертная душа» находится в полной зависимости от случайностей, болезней и лекарств. Она становится именно такой, какой её захочет сделать врач. Если медик способен управлять нашими ощущениями, памятью, суждениями и волей (а он это действительно может), значит, все ключевые свойства души подчинены справочникам по фармакологии.

4. Я уже упоминал, что ни механическое движение, ни законы химии не могут в полной мере объяснить феномен жизни: процессы пищеварения, усвоения питательных веществ, секреции или размножения. Эти процессы так же сложны для понимания, как работа памяти или воли. Если для объяснения человеческого разума вам необходимо вводить понятие «нематериальной души», то она в такой же степени необходима и для жизни обычного растения. Если вы с этим не согласны — покажите мне того, кто смог объяснить эти процессы иначе, или попробуйте объяснить их сами.

5. Я обращаюсь к любому врачу, имеющему дело с психическими расстройствами: разве не очевидно, что все интеллектуальные проявления болезни — это результат патологического состояния органов? Это прослеживается во всём: от самых буйных приступов безумия до едва уловимых странностей в поведении, от которых в той или иной мере не свободен почти никто из нас. Наше сознание — это прямое следствие состояния нашего организма. Можно ли поместить мужской разум в женское тело (или наоборот)? Любой родитель ответит на это твердым «нет». Можно ли приставить голову старика к плечам юноши? Нет.

Если болезненное состояние ума — это результат патологии головного мозга, то и здравый смысл — лишь следствие его нормальной работы. Логика здесь едина: интеллект напрямую зависит от состояния мозга.

6. У человека нет ни одного психического проявления, которое в той или иной степени не встречалось бы у животных. Разница между нами обусловлена исключительно различиями в устройстве организма. Превосходство человека объясняется более развитым и сложным строением мозга, вертикальным положением тела, ловкостью рук и способностью к членораздельной речи. Именно эти особенности позволяют нам заниматься ремеслами и искусством, сохранять и передавать знания потомкам. Животные же лишены таких инструментов, поэтому каждое их новое поколение почти не продвигается в развитии по сравнению с предыдущим — им просто негде накапливать опыт.

Разве собака, потеряв хозяина, не ищет его в тех местах, где он обычно бывает? Мой собственный опыт многократно подтверждал, что это именно так. Но разве это не доказывает наличие у животного памяти, логики и воли? О сообразительности животных (особенно собак) написано столько книг и известно столько примеров, что я не вижу смысла спорить с тем, кто решится это отрицать. Психические процессы у них и у нас имеют одну и ту же природу; разница лишь в их сложности и масштабе. Если эти качества считаются доказательством существования отдельной, бессмертной и нематериальной души, то что вы скажете о «бессмертной душе» какой-нибудь устрицы? Я не вижу возможности ни опровергнуть эти факты, ни избежать подобных выводов. Пусть эту проблему решают те, кто готов добровольно тратить на это силы.

В завершение я утверждаю: явления, которые мы называем психическими, были настолько убедительно объяснены Гартли, Кабанисом и Дестютом де Траси, что любой, кто знаком с их трудами, не может в этом сомневаться. Непредвзятый человек, разбирающийся в физиологии, не станет отрицать, что **ощущение** (как реакция на внешнее воздействие) и **идея** (как результат воспоминания) — это лишь зафиксированные мозгом импульсы. Поскольку все наши мыслительные процессы состоят из ощущений и идей — основы памяти, суждений и воли, — все они сводятся к движениям в нервной системе. Это чисто телесные процессы, и ничего больше. Дестют де Траси настолько ясно

показал это и так логично объяснил память, суждения и волю как просто названия для различных состояний нашего мозга, что я не жду никаких весомых возражений против его позиции. Сегодня официальная теология всё еще удерживает власть, но в конечном счете истина восторжествует.

Называя мозг центром чувственного восприятия, я опираюсь на терминологию авторитетных физиологов, которых, по всей видимости, не смущают отдельные аномальные случаи, говорящие об обратном. Сборник Ферриара мало чего стоит: его источникам не хватает ни точности наблюдений, ни элементарной достоверности. В его время неврология была развита слабо, а во времена авторов, на которых он ссылается, и вовсе находилась в зачаточном состоянии. Впрочем, для моего аргумента совершенно неважно, заканчиваются ли чувствительные окончания нервов именно в мозге или где-то еще. У них должен быть конечный пункт, и для моих целей это место — где бы оно ни находилось — равнозначно мозгу. Поэтому я буду использовать слово «мозг» для обозначения сенсориума, где бы тот ни располагался. Систематизируя предыдущие доводы, я иногда повторяюсь, однако считаю, что новый угол зрения оправдывает разделение этих фактов по отдельным категориям.

Мне известно, какой травле подвергся хирург мистер Лоуренс за свои взгляды. Он осмелился заявить о материальности души — или, точнее, о единстве человеческой природы, состоящей исключительно из организованной материи тела. Однако нападки, вызванные церковными преследованиями, общественными предрассудками и профессиональной завистью, не могут обесценить логику человека, которого все единогласно признают одним из самых способных и знающих анатомов и физиологов нашего времени. Ниже я привожу отрывок из его лекции о функциях мозга (с небольшими сокращениями и незначительными правками). Книга мистера Лоуренса широко разошлась в Англии, но в Соединенных Штатах она почти неизвестна: ни один книготорговец в стране не набрался смелости ее опубликовать!²⁹ Вот каково состояние прессы в нашей стране, столь гордящейся своей свободой, и вот какова тирания ортодоксального духовенства над умами людей! Я имею полное право протестовать против этого деспотизма, так как ощущаю его на себе и ощущал в прошлом.

²⁹ Позже книга все же была опубликована.

Из лекций мистера Лоуренса:

«Сравнивать строение различных животных или проследить развитие того или иного органа у разных видов имело бы мало смысла, если бы структура не была мерилем и критерием функции. Жизнедеятельность угасает ровно в той же степени, в какой упрощается организация организма: чем меньше органов и чем они примитивнее, тем беднее и проще жизненные проявления. И каждая функция прекращается тогда, когда перестает существовать соответствующий ей орган.

Это правило неизменно для всего животного мира, и исключений здесь нет ни для каких жизненных проявлений. Те же факты, та же логика и те же типы доказательств, которые подтверждают, что пищеварение — это функция пищеварительного тракта, движение — функция мышц, а секреция — функция желез, доказывают и то, что ощущения, восприятие, память, суждение, логика и мышление — словом, все проявления, которые мы называем психическими или интеллектуальными — это лишь физиологические функции соответствующего органа, а именно центрального отдела нервной системы. В этом вопросе нет никаких специфических сложностей или загадок, которые не были бы характерны и для всех остальных функций организма. Связь между жизненными процессами и материальными инструментами в данном случае прослеживается так же четко и убедительно, как и в любом другом.

Мне могут возразить: мол, мысль несовместима с материей, и невозможно даже представить, как обычное мозговое вещество способно чувствовать, помнить, судить или рассуждать. Я признаю: мы совершенно не понимаем, как именно отделы мозга справляются с этими задачами. Мы лишь констатируем сам факт. Но ведь мы точно так же не знаем: как печень вырабатывает желчь; как сокращаются мышцы; как протекает любой другой жизненный процесс. Нам неизвестно, почему тяжелые тела притягиваются к земле, как магнит тянет к себе железо или почему две соли вступают в химическую реакцию. Во всех этих случаях наш единственный (пусть и не всегда совершенный) учитель — это опыт. Наблюдая постоянную связь между явлениями на практике, мы делаем вывод об их необходимой взаимо-

зависимости. Если же мы попытаемся копнуть глубже и понять сам механизм этих явлений, то обнаружим, что всё вокруг нас одинаково таинственно и непостижимо: от падающего камня до летящей в небе комета; от нитки, притянутой янтарем, до движения планет по орбитам; от появления клеща в куске сыра до рождения таких гениев, как Ньютон или Франклин.

Вопреки этим взглядам, часто утверждают, что мышление — это не работа мозга, а деятельность некой «нематериальной субстанции», которая в нем обитает или с ним связана. Но в таком случае этот сложный и удивительный орган остается практически не у дел. Посудите сами: в человеческом теле мозг потребляет пятую часть всей крови, перекачиваемой сердцем; он имеет тончайшее и уникальное строение, бережно обернут в несколько защитных оболочек и надежно спрятан в прочную черепную коробку. А согласно теории о «душе», ему отведена лишь способность к ощущениям. В рамках этой гипотезы у мозга самая завидная участь в организме: он лучше всех накормлен, одет и защищен, а обязанностей у него меньше, чем у кого-либо. Его роль превращается в некую почетную, но пустую должность — он становится кем-то вроде швейцара, который лишь открывает дверь и представляет вновь прибывших хозяину дома, а тот уже сам берет на себя все заботы по их приему, развлечению и размещению.

Давайте же проследим естественную историю человеческого разума — его зарождение, развитие, расцвет и угасание. И тогда мы сможем судить, что больше соответствует истине: гипотеза о «нематериальном начале» или же доводы здравого смысла и очевидная аналогия с любым другим органом в бесконечном многообразии живых существ.

К этому физиологическому вопросу необходимо подойти с искренним и горячим стремлением к истине. Оставьте в стороне все предрассудки и страхи, которыми так усердно окружили эту тему. Если вы приступите к исследованию как фанатик или сторонник предвзятых идей, позволяя туману из опасений, надежд и личных симпатий застилать вам взор, вы никогда не увидите реальность четко. В этом интеллектуальном мареве все объекты потеряют свои истинные цвета, формы и размеры. Наша задача — выяснить, что является правдой, а не искать самую изящную

теорию или подбирать красивые слова для эффектных речей, потакающих страстям и невежеству публики. Не нужно бояться результатов расследования: разум и свободный поиск — единственные эффективные лекарства от ошибок. Дайте им полную свободу, и они защитят истину, выведя на суд строгой проверки все ложные мнения и сомнительные плоды предубеждений и корысти. Ложь нуждается в искусственных подпорках, истина же способна стоять сама по себе.

Сэр Эверард Хоум с помощью микроскопа мистера Бауэра продемонстрировал нам человеческий зародыш восьми дней от роду. Он размером чуть больше булавочной головки, но ученый убедился, что мозг этого крошечного существа уже различим. Мог ли «бестелесный разум» быть связан с ним в этот момент? Или это жилище было слишком тесным даже для такого «эфирного» постояльца? Даже к моменту рождения трудно найти хоть какие-то следы присутствия разума. Сторонники идеи его отдельного существования так и не прояснили, в какой именно момент происходит это таинственное слияние души и тела. Некоторые пытаются объяснить полное отсутствие признаков сознания у новорожденных тем, что мозг и органы чувств еще не получили импульсов от внешнего мира. Действительно, чувства и мозг начинают работать сразу после рождения, и в первые месяцы жизни мы замечаем слабые проблески интеллекта — однако он так же слаб и неразвит, как и само тело ребенка.

По мере того, как развиваются органы чувств, а ткани мозга становятся плотнее, разум постепенно крепнет. Он медленно растет вместе с телом, проходя путь от детства до юности, и достигает зрелости лишь тогда, когда организм полностью сформирован. Более того, у разума есть пол — мужской или женский, в зависимости от пола самого тела: наши склонности, образ мыслей и поступков очевидным образом зависят от этого фактора. В период расцвета организма разум проявляет себя в полную силу, но этот пик активности недолог — как для интеллекта, так и для физической оболочки. Физический износ последней неизбежно отражается на психике: по мере старения организма угасает и разум. Он дряхлеет вместе с телом, и в момент смерти они оба гаснут одновременно.

Какие выводы можно сделать из этой последовательности явлений? Свидетельствует ли она о существовании некоего начала, полностью отделенного от тела? Или же здесь прослеживается четкая аналогия с развитием всех остальных органов и функций? Количество и характер интеллектуальных проявлений у разных животных, судя по всему, напрямую зависят от степени развития их мозга. Умственные способности представителей разных народов — будь то негры, готтентоты, калмыки или карибы — уступают способностям европейцев, и их биологическая организация также менее совершенна. Крупный череп и высокий лоб орангутана ставят его выше прочих обезьян, однако развитие полушарий его мозга и уровень интеллекта заметно ниже, чем у человека.

Эта постепенная шкала сложности организма и разума проходит через обезьян, собак, слонов и лошадей к другим четвероногим, затем к птицам, рептилиям, рыбам и далее — к самым низшим звеньям животного мира.³⁰

Поднимаясь по ступеням этой единой лестницы, где нам следует провести границу возможностей самого организма? В какой момент стоит искать начало того самого «нематериального принципа», который обычно призывают на помощь для объяснений? Если рассматривать функции мозга так же, как и функции любого другого органа, проблема исчезает. Чем тоньше, совершеннее и сложнее устроен мозг, тем более развитыми должны быть и его функции. Лучшим доказательством этой теории служит сама реальность: умственные способности животных, насколько мы можем судить, прямо пропорциональны сложности их физиологии.

Было бы бессмысленно отрицать наличие разума у животных — для этого пришлось бы закрыть глаза на очевидные факты и проявления рассудочной деятельности, которые давно заметили и оценили непредвзятые наблюдатели. Не будем вспоминать общеизвестные примеры сообразительности и рассудительно-

³⁰ Это наглядно продемонстрировано на иллюстрациях к эссе мистера Уайта из Манчестера «О градациях человеческого рода», где показаны различия в лицевом угле. Рисунки заимствованы у Кампера и Блюменбаха; на те же источники опирался в своих работах Лоуренс.

сти слонов или собак. Обратимся к описанию южноамериканских мулов, которое оставил Александр фон Гумбольдт: *«Когда мулы чувствуют опасность, они останавливаются и начинают оглядываться по сторонам. Движение их ушей выдает напряженную работу мысли — они обдумывают решение. Они принимают решение не сразу, но оно всегда оказывается верным, если животному не мешает и не торопит его неопытный наездник. Именно на опасных дорогах Анд, во время многомесячных переходов через иссеченные горными потоками хребты, интеллект лошадей и вьючного скота проявляется самым поразительным образом. Неудивительно, что от горцев можно услышать: „Я дам тебе не того мула, у которого самый легкий шаг, а того, который лучше всех соображает“»*. Если мы настаиваем, что для работы человеческого интеллекта мозгу обязательно требуется некая добавочная «нематериальная основа», то нам придется признать ее наличие и у высших животных. Ведь их поведение отличается от человеческого лишь степенью сложности, но не самой своей сутью. Однако, наделив такой «душой» умных животных, мы не сможем провести черту и будем вынуждены признать ее у всей цепочки живых существ: у устриц, актиний, полипов и даже у микроскопических организмов. Готов ли кто-то всерьез утверждать, что каждое из этих существ обладает нематериальным началом? Если нет, то логично будет отрицать его наличие и у человека.

Сегодня уже никто не спорит с очевидными фактами: Человек с аномалиями развития мозга лишен рассудка. Смышленной собаке или поражающему своей мудростью слону не требуется ничего, кроме их совершенного природного механизма. Превосходство собаки или слона над другими животными — это прямой результат более сложного устройства их мозга. Существует обоснованное мнение, что гениальность Ньютона или Шекспира объясняется лишь более развитыми лобными долями — условно говоря, парой лишних сантиметров серого вещества в нужном месте.³¹ Тем не менее сторонники теории «нематериальности» упорно игнорируют этот вывод. Они не хотят призна-

³¹ Я не вполне согласен с мистером Лоуренсом в том, что одного лишь размера мозга достаточно для объяснения разницы в интеллекте. Скорее всего, здесь иг-

вать, что человеческий разум — это лишь более совершенная форма психической деятельности, обусловленная развитием мозга. Вместо этого они продолжают заходить в тупик, выстраивая шаткие гипотезы о нематериальной душе. Нам настойчиво и догматично заявляют: материя не способна мыслить. Но разве мы когда-либо наблюдали чувства, мысли или интеллектуальные операции в отрыве от головного мозга? Большинство людей признает, что живая материя способна на процессы, которые максимально близки к мышлению. Даже самый яркий приверженец идеи о «нематериальном начале» объясняет биологию тела — мышечные сокращения, питание, секрецию — исключительно физиологическими причинами. Хотя эти процессы отличаются от свойств неживой материи ничуть не меньше, чем способность рассуждать. Такие люди даже соглашаются с тем, что мозг способен воспринимать ощущения.

Кто может похвастаться столь глубоким знанием материи, чтобы заявить: она может видеть, слышать, обонять и чувствовать, но принципиально не способна размышлять, воображать и судить? Кто изучил её настолько точно, чтобы решить, что она справляется с психическими задачами собаки, слона или орангутанга, но пасует перед разумом негра и готтентота? Утверждать, что некая «нематериальная субстанция» (о которой мы не знаем ничего, кроме того, чем она не является), существование которой не подтверждено ни прямыми свидетельствами, ни косвенными проявлениями, реально существует и способна мыслить — такой подход вполне характерен для тех, кто отрицает наличие мышления в биологических структурах животных — и это несмотря на то, что мы наблюдаем его проявления каждый день!

Если психические процессы не являются функцией мозга, то в чем тогда заключается его задача? У животных, чей мозг составляет лишь малую часть от человеческого, есть чувства, причем зачастую они развиты острее, чем у нас. Для чего же тогда человеку дано всё то, что превосходит мозг животного — эти огром-

рают роль и другие мощные факторы: общая возбудимость нервной системы, её способность формировать ассоциации, легкость воспроизведения прошлых впечатлений, а также устойчивость и глубина связей между идеями. (Т. К.)

ные, невероятно развитые полушария? Неужели мы должны верить, что они нужны лишь для придания органу округлой формы или просто заполняют пустоту в черепе?

Вам необходимо сформировать четкое мнение по этому вопросу, так как он имеет прямое отношение к важнейшему разделу патологии. Те, кто считает психическую деятельность проявлением некой нематериальной сущности и тем самым отделяет здоровое состояние ума от устройства организма, вполне последовательны в своих выводах. Они точно так же отделяют безумие от физических структур и представляют его не как болезнь мозга, а как болезнь ума (или души). Так мы приходим к абсурдному понятию — «болезнь нематериального существа»! И для ее лечения, что вполне логично в рамках этой теории, предлагают использовать лишь этические или воспитательные меры.

Я же, напротив, твердо убежден: любые формы безумия — все те состояния, которые мы объединяем общим термином «психические расстройства», — это не что иное, как признаки поражения мозга. Это нарушения в работе тех органов, чья здоровая активность порождает феномены, называемые психическими. Проще говоря, это симптомы больного мозга. Эти симптомы связаны с мозгом точно так же, как: рвота и изжога — с желудком; кашель и астма — с легкими; любые другие нарушения функций — с соответствующими им органами.

Если выделение желчи увеличивается, уменьшается или прекращается вовсе, мы без колебаний связываем это с состоянием печени как непосредственной причиной. Мы объясняем состояние дыхания — будь оно замедленным, учащенным или затрудненным из-за кашля и спазмов — различными состояниями легких и других органов дыхания. И такие объяснения считаются вполне удовлетворительными.

Что бы мы подумали о человеке, который заявил бы, что органы здесь ни при чем? Что холера, желтуха или гепатит — это болезни некой «нематериальной печеночной сущности»? Или что астма и чахотка — это расстройства некой «тонкой легочной материи»? Что в каждом из этих случаев страдает не телесный орган, а некий абстрактный «жизненный принцип»? Если подобные утверждения кажутся слишком абсурдными, чтобы всерьез

обсуждать их применимо к печени или легким, то почему их принимают, когда речь заходит о мозге?

Самое интересное, что люди, рассуждающие о «болезнях души», мыслят совершенно здраво, когда дело касается других травм мозга. Если на мозг давит осколок кости, сгусток крови или скопившаяся жидкость, и из-за этого сознание частично или полностью угасает, никто не говорит, что «сдавлена душа» или что «нематериальное начало испытывает давление». Бред, приступы ярости, а также возбуждение и последующее оцепенение при опьянении находят логичное объяснение в состоянии мозгового кровообращения. Никому и в голову не придет фантазировать, будто это душа бредит, сходит с ума или пьянеет. В подобных случаях очаг болезни и причина симптомов слишком очевидны, чтобы их не заметить. При многих формах безумия изменения в структуре мозга выражены не так резко и развиваются медленнее, однако они вполне различимы. Их достаточно, чтобы объяснить болезненные проявления и найти материальную, органическую причину происходящего — будь то всплеск или упадок энергии, либо искажение чувств и умственных способностей.

Я лично проводил вскрытие многих людей, страдавших психическими расстройствами, и почти не встречал случаев, где мозг не имел бы явных следов болезни. В острых случаях это переполненные кровью сосуды и избыток серозных выделений. При тяжелых болезнях всегда видны неоспоримые признаки длительного воспаления: кровеносных сосудов становится заметно больше, оболочки мозга утолщаются и мутнеют, появляются спайки, скопления жидкости и даже абсцессы. К этому стоит добавить, что душевнобольные часто страдают от паралича или умирают от апоплексического удара.

Бывает, конечно, что психические функции нарушаются без видимых изменений в структуре мозга. Точно так же пищеварение или выделение желчи могут пострадать без заметных повреждений желудка или печени. Мозг, как и любая другая часть нашего сложного организма, может заболеть «за компанию» с другими органами (вследствие патологической связи), а затем восстановиться. Мы признаем, что мозг подвержен так называе-

мым функциональным расстройствам.³² И хотя в таких случаях мы не можем наглядно продемонстрировать изменения в тканях, мы ни секунды не сомневаемся: материальная причина симптомов кроется именно в этом органе. Мы ведь не сомневаемся, что сбой в выделении желчи связан с печенью, а плохое пищеварение — с желудком. Просто при подобных функциональных нарушениях мозг редко попадает на стол к анатому. Основываясь на собственном опыте, я убежден: вскрытие людей, скончавшихся в состоянии безумия, почти в каждом случае выявляет патологические изменения в структуре мозга или явные признаки аномальной активности сосудов. Результаты медицинского лечения полностью подтверждают этот взгляд. Более того, даже те, кто рассуждает о «болезнях души», на практике слишком благоразумны, чтобы полагаться исключительно на духовные средства. Убеждения, логические доводы, наставления или проповеди еще никогда не возвращали пациенту рассудок. «Нравственная фармакопия» здесь бессильна. Реальную пользу приносит только серьезное медицинское вмешательство, которое в подобных случаях так же эффективно, как и при лечении любого другого органа.³³

³² Подобное часто наблюдается, например, при послеродовых осложнениях. К аргументам Лоуренса я бы добавил, что болезнь мозга может напрямую зависеть от его связи с желудком и кишечником. Мы видим, как расстройства пищеварения или проблемы с кишечником (например, из-за глистов) вызывают ипохондрию и меланхолию. Пьянство воздействует на мозг через желудок, а синильная кислота убивает, мгновенно разрушая функции нервной системы. Физиологи называют «симпатией» ту еще не изученную связь между частями организма, из-за которой болезнь одного органа вызывает расстройство в другом, удаленном от него. Этим термином обозначают связь, которая пока известна только по её результатам, но еще не описана анатомически. Труды доктора Хаслама о безумии полностью подтверждают все доводы Лоуренса.

³³ Психологическое воздействие эффективно лишь потому, что оно пробуждает новые цепочки идей и ассоциаций. Однако фактически это лишь изменение состояний мозга, а значит, такое воздействие напрямую влияет на орган. Любые идеи, какого бы рода они ни были — это импульсы, возникающие, ощущаемые и осознаваемые именно в мозгу.

Привлекая ваше внимание к физиологии мозга, я руководствовался не только значимостью самой темы. Я хотел наглядно показать, как анатомия человека, сравнительная анатомия и физиология дополняют друг друга и как полученные ими данные проливают свет на природу заболеваний.

Я намеренно не стал касаться рассуждений о «опасных тенденциях» тех или иных физиологических учений — вопросов, которые часто и целенаправленно вплетают в научные дискуссии. Когда позиция слаба, а прямых аргументов не хватает, в ход идут взывания к чувствам и предрассудкам. Оппонентов пытаются выставить врагами общества, приписывают им дурные мотивы и пугают пагубными последствиями, используя весь арсенал клеветы, недомолвок и намеков.

Поиск истины и ее максимально ясное, понятное изложение — вот единственные достойные цели физиологии, как и любой другой науки. Свободная дискуссия — вернейший способ не только подтвердить правду, но и разоблачить заблуждение. Не стоит оказывать истине медвежью услугу, используя для ее защиты запрещенные приемы. Если у нее и есть противники, с ними можно разделиться честно, не прибегая к яду или кинжалу. Аргумент о том, что правду якобы вредно разглашать, так как ее могут неверно истолковать, слишком заезжен. К нему постоянно прибегают защитники любых устоявшихся злоупотреблений. Для любого, кто знаком с историей подобных споров, этот довод — верный признак безнадежного дела и последнее убежище отступающей лжи».

Цитата по изданию: Уильям Лоуренс. «Лекции по физиологии, зоологии и естественной истории человека». Лондон, 1819. Стр. 105–115. Я уже излагал причины, по которым решил привести столь обширную выдержку.

Отрывок из издания г-на Сори — книги доктора Маршалла «Патологическая анатомия мозга» (Лондон, 1815, с. 209) — очень точно передает мои взгляды на работу мозга и нервов. Единственное уточнение: автор не упомянул о «симпатической» связи нервной системы с внутренними органами в те моменты, когда их состояние (возбужденное или угнетенное) отклоняется от нормы. Любое болезненное раздражение или нарушение в работе внутренних органов влияет на связанные

с ними нервы, а через них — по принципу взаимодействия (иннервации) — и на всю нервную систему в целом. Таким образом, состояние мозга и возникающие в нем идеи во многом зависят от работы внутренних систем, поддерживающих жизнь. Именно поэтому: (1) Из-за проблем с пищеварением нам снятся кошмары. (2) Нарушения в работе желудка и кишечника приводят к ипохондрии. (3) Наши ассоциации и мысли зависят не только от внешних впечатлений, но и от внутреннего состояния организма. Даже восприятие внешнего мира меняется в зависимости от того, здоров человек или болен. Следовательно, ощущения, мысли и ассоциации могут рождаться изнутри и не зависят исключительно от внешних факторов.

Следующая цитата доктора Эндрю Маршалла отражает общепринятое учение о функциях мозга и нервной системы. Она доказывает, что мои взгляды полностью совпадают с мнением всех ведущих физиологов нашего времени. Из работы «Наблюдения за функциями мозга и нервов», с. 209

«Основная задача мозга и нервов заключается в том, чтобы мы могли осознавать существование и свойства окружающих предметов, а пока мы находимся в этом мире — и самих себя. Хотя вещи существуют независимо от нас (и когда человек умирает, ни одна частица природы не исчезает и не меняется), именно наличие мозга и нервов позволяет нам воспринимать реальность. Материя, по форме идентичная человеческому телу, могла бы существовать и быть живой, но без этих органов она не осознавала бы ни своего бытия, ни свойств окружающего мира. Живые системы, лишённые мозга, не проявляют признаков чувств или сознания. Например, полип, по наблюдениям Галлера и других ученых, не имеет ни мозга, ни нервов. Поэтому он совершает движения, необходимые для выживания, лишь в силу биологической необходимости, которую он, по-видимому, не осознает. Растения — это тоже живые системы, но из-за отсутствия мозга они лишены чувств. Они усваивают и перерабатывают питательные вещества, выделяют секреты, вырабатывают тепло, защищают свои ткани от разложения, совершают определенные движения в результате раздражений и производят плодотворное семя. Все эти биологические процессы протекают ско-

рее в силу слепой необходимости, без какого-либо осознанного участия.

В живых организмах, наделенных мозгом и нервами, до тех пор, пока они здоровы и находятся в естественном состоянии, сохраняется способность воспринимать окружающий мир. Однако при повреждении мозга осознание внешних воздействий (включая свет и воздух) искажается, приостанавливается или полностью исчезает — в зависимости от тяжести травмы. При этом повреждения любых других органов никак не влияют на восприятие, за исключением случаев, когда они косвенно затрагивают функции мозга. Тот же вывод можно сделать, сравнивая заболевания мозга с болезнями других частей тела.

Необходимо признать: для возникновения специфических ощущений нервы должны быть здоровы и неразрывно связаны с мозгом. Разрушение нервных окончаний лишает нас тех чувств, за которые они отвечают. Если повреждена сетчатка, зрение ухудшается или пропадает вовсе; если разрушены окончания обонятельных нервов, исчезает способность чувствовать запахи. Даже если свет преломляется идеально, он не вызовет зрительных образов, если попадет на зрительный нерв до того, как тот разветвляется в сетчатку. Точно так же запахи, вероятно, не будут восприниматься, если воздействуют на обонятельный нерв непосредственно внутри черепа. Едва ли и вкус пищи возникнет, если она коснется нерва в любом другом месте, кроме вкусовых сосочков языка.

Несмотря на то, что нервные окончания необходимы для возникновения ощущений, сами по себе они не обладают чувствительностью. Если связь нерва с мозгом прервана сдавливанием, никакое воздействие на его окончания не вызовет привычного ощущения. Но стоит убрать давление, и чувствительность возвращается. При этом, хотя защемление нерва и блокирует специфические ощущения, которые мы обычно связываем с его окончаниями, на участке между местом сдавливания и мозгом чувствительность сохраняется. То есть способность воспринимать сигналы, утраченная на отрезке от жгута до кончиков нервов, выживает на участке от места травмы до мозга. В этом случае человек может чувствовать глухое прикосновение, покалывание или боль.

Таким образом, можно сделать вывод: нервы не обладают самостоятельной чувствительностью вне связи с мозгом. Наша способность видеть, слышать или осязать — это работа самого мозга. Нервы являются лишь обязательным условием для возникновения конкретных ощущений, в то время как мозг выступает непосредственной первопричиной всех ощущений. Он наделяет чувствительностью даже те участки нервов, которые сохранили с ним связь. Более того, мозг способен чувствовать и сам по себе, реагируя на внутренние процессы без участия внешних нервных окончаний. Даже если полностью исключить внешние раздражители или повредить нервные пути, болезни часто вызывают головную боль, головокружение, шум в ушах или зрительные галлюцинации.

Возможности мозга, проявляющиеся при взаимодействии с нервной системой, поистине огромны. Благодаря глазам мозг получает информацию о цвете, форме, размере и движении предметов, находящихся от нас на разном расстоянии. Так работает зрение — важнейший инструмент познания. Оно не только необходимо для выживания, но и открывает нам вид на величественные и прекрасные явления природы.³⁴

Информация о существовании предметов, их удаленности, твердости и других важных свойствах — видим мы их или нет — поступает в наше сознание через колебания воздуха, воздействующие на мозг через органы слуха. Слух предупреждает нас о скрытой опасности, позволяет воспринимать процессы в природе, которые мы не видим, и понимать слова и знаки, которыми другие люди выражают свои чувства и мысли.

Мы различаем сладость, кислоту, горечь, соленость или аромат продуктов, когда эти качества через язык вызывают соответству-

³⁴ Это подтверждают эксперименты сэра Эверарда Хоума и господина Флуранса. Кроме того, как я уже отмечал в этом трактате, работа внутренних органов в здоровом состоянии проходит незаметно. Однако при болезни или сильном возбуждении она начинает ощущаться, воздействуя на всю нервную систему. В состоянии перевозбуждения сны иногда становятся даже более яркими, чем реальные ощущения наяву. Подобным же образом расстройства желудка, кишечника или наличие паразитов могут стать причиной ипохондрии, слабоумия и даже мании.

ющие реакции в мозгу. Вкус служит скорее индикатором того, насколько полезна, безвредна или опасна пища, нежели раскрывает её точный химический состав. Это чувство дано человеку в первую очередь для самосохранения: оно побуждает нас выбирать здоровую пищу и избегать вредной. Как правило, полезная еда приятна на вкус, а вредная — вызывает отвращение (если, конечно, вкус не испорчен излишествами). Интересно заметить, что нервы, отвечающие за вкус, одновременно являются и нервами осязания. Поэтому пища во рту воспринимается комплексно: мы чувствуем не только её вкус, но и физические свойства — твердость или гладкость. Сочетание вкусовых и тактильных ощущений крайне важно для работы языка. Продукт, попадающий в рот, может быть опасен не только своими химическими свойствами (например, быть слишком едким, соленым или испорченным), но и чисто физическими характеристиками: грубой текстурой, острыми углами или краями.

Процесс питания и восстановления сил становится еще эффективнее благодаря нашей способности определять качество еды еще до того, как мы ее попробуем. Это происходит за счет летучих частиц, которые воздействуют на рецепторы в носу и передают сигнал в мозг. Таким образом, обоняние выступает вспомогательным инструментом вкуса: (1) Оно предупреждает нас о свойствах продукта заранее. (2) Оно побуждает выбирать полезную пищу, которая обычно имеет приятный аромат. (3) Оно удерживает нас от употребления вредных продуктов, которые чаще всего пахнут неприятно. Различные запахи — резкие, сладкие, гнилостные — формируют в мозгу определенные образы. Они позволяют примерно понять, чего ожидать от продукта, но ничего не говорят о его внутреннем строении или химическом составе. Главным посредником, переносящим запахи, является воздух.

Чтобы дополнить зрение и компенсировать его несовершенство, в нас заложено природное чувство контакта с внешними предметами.³⁵ Нервы, отвечающие за это восприятие, пронизывают

³⁵ Мы ощущаем предметы, когда они приближаются к нам достаточно близко для возникновения импульса. По сути, «осознание» — это и есть ощущение или восприятие. Когда свет свечи возбуждает сетчатку и сигнал передается по зри-

почти всё наше тело. Если нервная система и мозг здоровы, мы способны ощущать прикосновения к коже и внутренние изменения в организме практически в любой точке тела. Можно выделить несколько видов таких ощущений: во-первых, осязание в строгом смысле слова. Когда внешние объекты соприкасаются с окончаниями чувствительных нервов, мы получаем информацию о твердости, мягкости, шероховатости, гладкости, температуре, форме, размере, давлении и весе любого доступного нам предмета. Это самое точное и информативное из всех чувств. Оно не только помогает нам выживать, но и дает ясное и полное представление о процессах, происходящих в природе.

Во-вторых, специфические состояния организма. Периодически отдельные части тела переходят в особое состояние, которое вызывает специфические ощущения и позывы к определенным действиям. Эти действия, в свою очередь, помогают избавиться от возникшего дискомфорта. Например, замедление кровообращения в легких вызывает своеобразное неприятное чувство, которое заставляет нас зевать. Раздражение в носу приводит к чиханию, першение в горле — к кашлю, а щекотка — к смеху. У некоторых из этих специфических ощущений есть названия, у других — нет. Как и любые другие чувства, их невозможно строго определить. Однако их предназначение очевидно: они помогают организму устранить причину раздражения.

В-третьих, некоторые части нашего тела в здоровом состоянии обладают особой восприимчивостью к внешним воздействиям (например, определенные зоны репродуктивной системы), и цель этой чувствительности также вполне понятна.

В-четвертых, все части тела, снабженные нервами, способны воспринимать воздействие, которое мы называем болью. Она возникает при любых повреждениях, разрушении тканей или

тельному нерву в мозг, я чувствую, воспринимаю и осознаю это воздействие. Важно понимать, что мы не можем ощущать «абсолютный» физический контакт, так как частицы материи никогда не соприкасаются вплотную. Под воздействием тепла они отдаляются друг от друга, а под воздействием холода — сближаются. Сэр Исаак Ньютон доказал, что луч света отражается от зеркала, не доходя до его поверхности $1/127$ доли дюйма. Это явление также наглядно описано в трудах отца Бошковича.

болезнях. Боль заставляет нас прикладывать усилия, чтобы избежать травмы или излечиться. Если рассматривать человека как часть природы и признать её законы мудрыми и совершенными, то боль — это не зло. Напротив, это результат заботы высшего провидения о нашей безопасности. Она оберегает нашу жизнь гораздо надежнее и эффективнее, чем любое другое чувство. В боли можно выделить три составляющие: (1) Возбуждающая причина — само повреждение или болезнь. (2) Действующая причина — связь поврежденного органа с головным мозгом. (3) Конечная цель — сохранение жизни живого существа. Таковы некоторые из видов ощущений: каждое из других чувств также представляет собой род, в который включаются различные виды ощущения, относящиеся к этому органу.

Сравнивая наши чувства, можно сделать несколько любопытных наблюдений. Во-первых, первые четыре чувства (зрение, слух, обоняние и вкус) работают только при определенной силе воздействия на нервные окончания. Если сигнал слишком слабый, мы ничего не ощущаем. Если же он становится чрезмерным, то вместо зрения или слуха мы чувствуем просто боль. Таким образом, при повреждении органов чувств все они сводятся к одному — к осознанию боли. Во-вторых, чувство осязания (или телесного ощущения) гораздо труднее утратить, чем остальные. Если уничтожить нервные окончания, отвечающие за специфические чувства, соответствующие ощущения исчезнут навсегда. Однако сам нервный ствол сохранит общую чувствительность. Более того, если лишить тело окончаний, предназначенных только для осязания, оставшиеся части нерва со временем могут перенять функции утраченных тканей. Характерным примером служит случай У. Скотта: когда в результате пушечного выстрела он лишился мужского органа, оставшаяся культя, сравнивавшаяся с кожей лобка, со временем вновь обрела ту же специфическую чувствительность, которая была присуща органу до травмы. Точно так же и рубцы, остающиеся после ран на других частях тела, становятся восприимчивыми к осязанию.

Хотя сфера чувств невероятно обширна и открывает человеческому сознанию огромную часть Вселенной, возможности мозга не ограничиваются одними лишь ощущениями. Мозг — это орган, от здоровья и целостности которого напрямую зависят все

наши интеллектуальные способности, внутреннее чутье и страсти.

Память также невозможна без работы мозга. Прожив в этом мире всего несколько недель, постоянно контактируя с окружающими предметами и видя отраженный от них свет, мы неизбежно начинаем узнавать ощущения. Мы понимаем, что это лишь повторение уже знакомых впечатлений от тех же самых форм материи. Мы осознаем сходство этих ощущений и чувствуем, что когда-то наши органы чувств уже подвергались точно такому же воздействию. Это узнавание и уверенность в том, что ощущения повторяются, происходят в силу той же физической необходимости, с которой возникали и самые первые впечатления в нашей жизни. Мы не можем не чувствовать вкуса, когда еда касается языка, и точно так же мы не можем не осознавать, что этот вкус нам уже знаком, когда он повторяется. Это простейшая форма памяти: она проявляется уже у месячного младенца, когда тот начинает узнавать свою кормилицу. Со временем, когда наш опыт взаимодействия с внешним миром становится богаче, мы переходим от простого запоминания одиночного ощущения к более сложным навыкам. Мы постепенно учимся воспроизводить целые цепочки образов в том порядке и при тех обстоятельствах, в которых они возникли изначально. Мы вызываем их в памяти с полной уверенностью, что когда-то они действительно воздействовали на нас, хотя сейчас этих объектов нет рядом. Это — память в ее более совершенном виде. Данная способность, какой бы возвышенной она ни казалась, редко проявляется сама по себе. Как правило, она опирается на какое-то реальное ощущение от предмета, который мы видим в данный момент и который по сходству, контрасту или иной связи пробуждает в нас воспоминания.³⁶

Суждение — еще одна способность, в основе которой лежат чувства. Сравнение двух ощущений и возникающая при этом уве-

³⁶ Юм в своем «Эссе о связи и ассоциации идей» и лорд Кеймс в «Основаниях критики» (в главе о последовательности идей) описывали те же факты и рассуждали схожим образом. Однако доктор Гартли изложил этот вопрос настолько ясно и в то же время глубоко, что, на мой взгляд, полностью исчерпал тему — вопреки всем возражениям современных дилетантов.

ренность в том, совместимы они или нет в одном объекте, являются столь же естественным следствием работы чувств, как и сами ощущения были следствием воздействия внешнего мира на мозг. Если ребенку, который раньше видел только белые розы, впервые показать красную, у него сразу же сформируется полное ощущение красной розы. Если он уже умеет говорить, он выразит свое суждение и уверенность в том, что перед ним именно красная роза. Так рождается способность к суждению.

Точно так же из ощущений развивается и способность рассуждать. Представьте юношу, который уже немного знаком со свойствами вещей. У него есть два отдельных восприятия, но еще недостаточно опыта, чтобы понять, могут ли они естественным образом сочетаться в одном объекте. Как он поступит? Если вопрос для него важен, он сразу же вспомнит третье, уже знакомое ему качество, которое, как он знает из опыта, совпадает с одним из первых двух. Через это третье воспоминание он невольно начинает сравнивать и остальные свои восприятия.

Возьмем такой пример: «Умру ли я, если съем ягоды белладонны?». Я обращаюсь к памяти и нахожу похожий случай: этими ягодами отравился мой сосед. Я понимаю, что мы с соседом одной природы, а значит, если ягоды убили его, то они убьют и меня. Я знаю, что по своей природе я такой же человек, как и тот сосед; следовательно, раз ягоды отравили его, а я подобен ему, я делаю основанный на опыте вывод, что они убьют и меня.

Таким же образом мы могли бы проследить путь воображения, способности к абстрагированию и классификации предметов вплоть до их истоков в реальных ощущениях,³⁷ но сейчас мы от этого откажемся. Любые интеллектуальные способности зависят от мозга так же сильно, как и простое восприятие. Живые организмы, лишённые мозга, не проявляют ни чувств, ни способности мыслить. Я хотел бы лишь заметить, что все интеллектуальные способности без исключения зависят в своем проявлении от мозга так же сильно, как и простое ощущение. Ведь живые системы, не имеющие мозга, проявляют так же мало разума и тому подобного, как и чувств. Повреждения мозга того типа, что были перечислены выше, нанося ущерб чувствам или подавляя их,

³⁷ Дестют де Траси уже сделал это.

точно так же вредят способностям памяти, разума, суждения и прочему, подавляя или извращая их. Более того, при некоторых травмах и заболеваниях мозга интеллектуальные способности нарушаются сильнее, чем чистое восприятие. Душевнобольные, у которых, как доказано, мозг поражен локально и, вероятно, всегда является источником проблемы, часто точны в конкретных ощущениях, но сильно заблуждаются в суждениях и рассуждениях. Также было замечено, что пациент, перенесший трепанацию черепа, порой сохраняет чувствительность, но теряет способность рассуждать и приписывает всю операцию, а также всё сказанное и сделанное, какому-то другому лицу.³⁸

[...] Все внутренние чувства также зависят от мозга и от восприятий, которые мы не можем не получать, пока живем в постоянном контакте с внешними предметами и под их воздействием. Это, по сути, те корни, от которых ответвляются различные дополнительные чувства, называемые внутренними. Мы не можем слышать звуки, приятные в сочетании, не обладая чувством гармонии. Мы не можем видеть упорядоченность форм и окраску большинства цветов, не признавая их прекрасными; не можем понимать знаки, которыми наши собратья выражают или выдают свои чувства, не веря в то, что и они, в свою очередь, понимают наши знаки; не можем быть свидетелями их поступков, не одобряя одни из них и не порицая другие. Таково физическое рождение так называемых внутренних чувств, которые, по-видимому, свойственны только человеку; и они также зависят от мозга. Ибо, не останавливаясь на других примерах, если самая деликатная и целомудренная женщина будет поражена френи-том [воспалением мозга], она теряет привычное чувство стыдливости; а если повреждение или болезнь мозга вызывает ма-нию, маляк перестает ощущать моральные обязательства. Разделение чувств на внешние и внутренние не служит для строгого разграничения двух этих групп, ибо они в равной степени являются и внутренними, и внешними. Под этим следует понимать лишь то, что одна группа внутренних чувств возбу-

³⁸ Я опустил здесь рассуждение объемом примерно в полторы страницы о природе нашего чувства прекрасного, которое не показалось мне необходимым для логической цепи рассуждений.

ждается, когда внешние предметы воздействуют на органы чувств, тогда как другая не требует непосредственного впечатления от внешних предметов для своего возникновения.

Наконец, все страсти и влечения зависят от мозга как от своего телесного органа. Объекты, чьи свойства мы постигаем через первичные ощущения, не оставляют нас в состоянии безразличия. Первичные восприятия порождают чувства, называемые внутренними, а внутренние чувства порождают влечения, страсти и волевые акты. Они зависят от мозга не только потому, что вырастают из ощущений, которые сами зависят от этого органа, но и потому, что при повреждении или заболевании мозга обнаруживается, что страсти и влечения изменяются, извращаются или угасают столь же сильно или даже более выражено.

При френите ни одно изменение не проявляется столь явно, как перемена и расстройство в страстях. Это выражается в необычайном страхе перед воображаемыми бедами, в необычайной тревоге за друзей и в необычайной ненависти к врагам. Однажды я наблюдал пациента с френитом вместе с доктором Питкэрном; некоторые его чувства были утрачены, в частности, вкус. Однако его привязанность к жене выражалась в буре страсти; это было безумство любви; в другое же время он испытывал самую утонченную, но при этом беспочвенную ревность. Маньяки в период обострения своих недугов сверхъестественно вспыльчивы или яростны; они впадают в приступы набожности с таким рвением и религиозным трепетом, на которые едва ли способен здравый рассудок.

В состоянии мозга наблюдается примечательная особенность, рассматриваемая как закон функционирования живого организма: его активность подвержена периодическому, более или менее полному приостановлению, называемому сном. Это полное прекращение работы пяти чувств и действия произвольных мышц; ибо при крепком сне не возникает отдельных ощущений и не проявляются способности, вырастающие из этих ощущений. Но в беспокойные ночи, хотя реальных ощущений не происходит и не воспринимается никакого непосредственного воздействия на какой-либо орган чувств, тем не менее, способности памяти, воображения, разума и суждения, наряду с различными внутренними ощущениями и страстями различным

образом ощущаются. Они действуют необычным образом не из-за отсутствия разума, а из-за нехватки реальных ощущений, которые могли бы исправить неверные суждения и направить все эти способности в соответствии с действительным положением вещей.³⁹

³⁹ Мозг, будучи главным средоточием нервного аппарата, подвержен влиянию впечатлений, производимых внешними объектами на органы чувств; влиянию любого неестественного или болезненного состояния самого органа; любому сочувственному (симпатическому) поражению внутренних органов или внутренних органов, а также тому состоянию, в которое он приводится различными ассоциациями прошлых впечатлений. Следовательно, при болезненном возбуждении — как при легких формах воспаления мозга (френиа), апоплексии или подагре — и во сне, и наяву возникают ощущения, которых не возникло бы в обычном состоянии; впечатления и ассоциации искажаются и меняются, и все интеллектуальные процессы соответствующим образом расстраиваются. Почему? Потому что, согласно общепризнанным схоластическим аксиомам, характер воспринимающего определяет способ восприятия: *quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis* (все воспринимаемое воспринимается в соответствии с природой воспринимающего). Отсюда следует, что мистер Оуэн из Ланарка прав, полагая, что человек — это создание обстоятельств, в которые он помещен. Представьте четверых людей, чьи органы в десятилетнем возрасте устроены совершенно одинаково во всех отношениях: один воспитывался среди брахманов Индостана, другой — мусульманином в Константинополе, третий — в самой строгой секте кальвинистов-сецессионистов, а четвертый — среди парижских ученых. Очевидно, что впечатления и ассоциации, которым будут подвергаться нервные системы этих существ в период с десяти до пятидесяти лет, окажутся крайне несхожими; их интеллектуальные способности будут различаться, а влияние мотивов и доказательств на них будет столь же многообразным, как и их различное воспитание. Ибо я предлагаю следующее неоспоримое рассуждение. Мозг (где бы вы ни располагали центр ощущений) подчиняется законам физиологии организма: он пассивен при получении впечатлений; состояние мозга меняется под воздействием получаемых им впечатлений; состояние его ассоциаций впечатлений с идеями и идей с идеями зависит от текущего состояния мозга, чем бы оно ни было вызвано; все интеллектуальные способности состоят из ассоциаций идей (то есть из сопряженных движений, возбуждаемых или происходящих в центре ощущений) и зависят от них.

Эффект сна заключается в восстановлении сил мозга и нервов; помимо отключения реальных ощущений, мышечная система сама по себе нуждается в периодической приостановке или снижении активности. Длительное воздействие внешних стимулов, сильные кратковременные ощущения, долгая умеренная боль или резкая кратковременная боль, напряженная работа мысли, следование длинной цепочке абстрактных рассуждений, значительное напряжение памяти и тому подобное постепенно притупляют возможности мозга и нервов, в результате чего восприятие реальных ощущений прекращается. И если в этом бессознательном состоянии задействуются другие функции мозга, их работа утомляет меньше, чем во время бодрствования. Это происходит потому, что во сне их деятельность не фиксируется и не регулируется вниманием — одной из самых энергозатратных способностей мозга. Точно так же долгое сокращение произвольных мышц вызывает в них своего рода упадок сил, а во время сна их энергия восстанавливается. После пробуждения, если сну было уделено достаточно времени, все функции мозга и мышечный тонус восстанавливаются в должной мере.

Следовательно, все интеллектуальные способности и процессы, будь то в возможности (*in potentia*) или в действии (*in actu*), зависят от состояния мозга или центра ощущений, а значит — от обстоятельств, вызвавших это непроизвольное состояние органа, какими бы эти обстоятельства ни были. Но допустим на мгновение существование Души. Если мозг может таким образом воздействовать на Душу, а Душа — на мозг, то не являются ли и то, и другое материальными и подчиненными законам органической материи? Что же вы выигрываете, вводя это порождение метафизической фантазии — гипотезу, которая не придает силы и не устраняет никаких трудностей? Которая должна воздействовать на материю и сама подвергаться ее воздействию, чтобы проявить свое существование? Которую сами верующие в нее признают всего лишь «сущностью разума» (*ens rationis*)? Которую никто никогда не видел, не осязал, не слышал и не понимал? Которая не познаваема ни через один человеческий канал получения знаний? Чье появление и чьи притязания вполне можно списать на ту власть над поведением и верой ближних, которую она дает духовенству? И которая не находит никакой поддержки ни в словах, ни в деяниях Христа или его апостолов, ни в общих убеждениях христианского мира на протяжении по меньшей мере четырех столетий после Христа?

Я не могу оставить эту часть темы, не заметив, что все способности, принадлежность которых мозгу доказана, одинаково уникальны по своей природе. Способность осознавать форму круга или цвет цветка — столь же утонченный и удивительный дар, как и умение рассуждать. И хотя обыватели полагают, что эти способности — лишь неизбежное следствие воздействия на органы чувств, они имеют так же мало общего с подобными воздействиями, как и процесс абстрактного мышления.⁴⁰

Остаются еще два вопроса, которые необходимо рассмотреть. Во-первых, обладают ли в равной степени способностью к восприятию сам головной мозг, мозжечок, спинной мозг и прочие отделы?⁴¹ Не может быть сомнений в том, что обладают, если учесть, что повреждения или заболевания в любой из этих составляющих частей единой массы в равной степени вызывают ступор и потерю чувствительности или сопровождаются резкими сокращениями мышц. Однако мышечные расстройства про-

⁴⁰ Похоже, в этом отрывке автор благосклонно отсылает к гипотезе Беркли. На самом деле внешний мир — это гипотеза, призванная объяснить наши ощущения; но гипотеза, к которой нас неудержимо влекут законы живого организма, заставляя к ней прибегать. Безусловно, как и утверждает наш автор, в самом факте ощущения или восприятия заложено не меньше сложностей, чем в любом процессе мышления. И то, и другое — процессы, зависящие от свойств телесного органа, который в них задействован. Это свойства, которые мы можем объяснить не больше, чем причину жизни, электричества или гравитации. Все это — свойства, присущие субстанции, с которой они связаны. Подобным же образом восприятие или ощущение, мысль, воля и прочее являются свойствами тех субстанций, с которыми мы их находим связанными. Если для объяснения последних требуется Душа, то она требуется и для первых; нет ни одного веского довода в пользу одного случая, который не был бы применим к другому. Если гравитация — это неотъемлемое свойство любой данной массы или материи, то восприятие и мысль — такие же свойства нервного аппарата человеческого существа; и причина в обоих случаях одна и та же: мы видим, что они неизменно сопутствуют друг другу.

⁴¹ Для окончательного решения этого вопроса необходимы дальнейшие эксперименты. Исследования сэра Эверарда Хоума и господина Флуранса, если их продолжить, несомненно, прольют свет на функции, характерные для различных отделов этого органа.

являются наиболее отчетливо при поражении тех отделов, которые дают начало нервам, иннервирующим произвольную мускулатуру. Кроме того, травмы или болезни оказываются одинаково смертельными, затрагивают ли они головной мозг, мозжечок, продолговатый или спинной мозг. Человека убивает выстрел в голову. Самый свирепый бык мгновенно погибает, если вонзить нож между первым позвонком и задним краем большого затылочного отверстия в самое начало спинного мозга.⁴² Точно так же убивают слона. Солдат Роберт Уокер погиб от выстрела, пробившего «конский хвост» (*cauda equina*). Наконец, равнозначная чувствительная способность этих различных отделов доказывается тем, что они являются источниками нервов для конкретных органов чувств. Головной мозг дает нервы носу и глазам; мозжечок — коже, мышцам лица, языку и зубам. Продолговатый мозг обеспечивает нервами органы слуха, а спинной мозг — мышцы и кожу большей части тела.

Второй вопрос заключается в том, обладает ли вся субстанция головного мозга и мозжечка одинаковой чувствительностью? Нервы исходят из белого (медуллярного), а не из серого (пепельного) вещества. Эта непрерывность субстанции в сочетании с результатами перевязки, рассечения или разрушения нервов позволяет предположить, что источником приписываемой мозгу силы является преимущественно его белое вещество.⁴³ Белое вещество всех этих отделов образует единую непрерывную массу и имеет, по всей видимости, волокнистую структуру; его волок-

⁴² Этот эксперимент Везалия доктор У. Хантер обычно демонстрировал своим студентам на осле. Таков испанский способ забоя животных не только во время корриды, но и на бойнях; и он, несомненно, гуманен.

⁴³ Существуют некоторые факты повреждений мозга, которые до сих пор не получили объяснения. Многие из них собраны по сомнительным источникам доктором Ферриаром в его письме к Томасу Куперу, эсквайру, опубликованном в четвертом томе «Манчестерских трудов» (*Manchester Transactions*); другие же описаны на основании более надежных данных сэром Эверардом Хоумом. Тем не менее, анатомы и физиологи сходятся во мнении, что эти аномалии не противоречат общему положению. Будущие эксперименты вполне могут их прояснить. Физиология белого вещества пока находится в зачаточном состоянии.

на невероятно тонки,⁴⁴ они причудливо и упорядоченно переплетены, не имея, как кажется, ни начала, ни конца, за исключением самих окончаний нервов. Два полушария мозга сообщаются между собой посредством поперечных пучков белого вещества и через соединение своих ножек, в то время как медуллярные ножки мозжечка сливаются с ножками головного мозга и так далее.

Далее, в экспериментах Галлера на живых животных, проведенных с целью определить разную степень чувствительности различных частей тела, выяснилось, что подопытный проявлял наиболее явные признаки боли и впадал в сильнейшие судороги, когда медуллярное вещество мозга было проколото или разрушено. Однако эти симптомы были менее значительными, если повреждение ограничивалось лишь серым веществом.⁴⁵ Случайные травмы также, по-видимому, наносят вред или расстраивают чувства в зависимости от того, насколько их воздействие распространяется на медуллярное вещество. Удар по верхней части головы не оглушает так мгновенно, как удар в области основания черепа; в верхней части преобладает серое вещество, тогда как в основании головного мозга медуллярное вещество располагается снаружи.

Если судить по одному или двум случаям, перелом со вдавливанием лобной кости вызывает меньше ступора, чем перелом со вдавливанием теменных костей — это объясняется тем, что передние доли мозга опираются на глазничные отростки лобных костей. Однако, поскольку средняя часть полушарий давит на всё нижележащее медуллярное вещество, влияние компрессии должно распространяться на весь орган. Эти суждения подтверждаются случаем солдата, который выздоровел после пулевого ранения навылет через переднюю часть черепа, а также другим случаем, когда обломок ружейного ствола вошло в сильвиеву борозду, где он оставался два дня без каких-либо тя-

⁴⁴ Полагаю, что анатомические демонстрации структуры мозга, проведенные Галлем и Шпурцгеймом, окончательно подтвердили волокнистую природу белого вещества — почти так, как это описал Маршалл. Другие аспекты их краниологии пока не столь очевидны.

⁴⁵ Я ссылаюсь на ранее упомянутые эксперименты сэра Эверарда Хома.

желых симптомов, находясь преимущественно в сером веществе.

На основании этих обстоятельств делается вывод, что медуллярное вещество в местах выхода нервов главным образом задействовано в функциях, приписываемых мозгу; и если бы определение местонахождения души могло пролить больше света на этот предмет, мы бы предположили, что этим местом является всё медуллярное вещество.⁴⁶

Мы изложили всё, что касается конкретных функций мозга. Мы надеемся, что вне всяких сомнений установлено: мозг, в той мере, в какой это касается телесного органа, обеспечивает ощущения, интеллект, волю, влечения и страсти. Помимо этого, его возможности, по всей видимости, не распространяются, что мы и постараемся показать. Благодаря мозгу человек становится способным к умозрительным рассуждениям и пониманию, и в то же время склонен к действию — и таким образом он приспособлен к тому месту, которое занимает в системе природы.⁴⁷

⁴⁶ Автор верно замечает: «если бы это могло пролить больше света на предмет». Но какой свет может пролить на функции мозга предположение о его связи с сущностью, абсолютно и принципиально отличной от него по своей природе и не имеющей ни одного общего свойства с материей, из которой состоит мозг? Однако если местонахождение Души — в медуллярном веществе, то Душа обладает всеми свойствами материи и материальна. Ведь имея отношение к пространству и занимая его — причем пространство определенной формы, — Душа обладает плотностью, протяженностью и фигурой. А поскольку Душа помещена туда, чтобы воздействовать на мозг, она обладает общими свойствами всей материи — притяжением и отталкиванием, к которым (по общему согласию) можно свести любое воздействие на материю.

⁴⁷ Здесь заканчивается физиологическая часть этого здравомыслящего автора; под всем этим (с учетом ограничений, выраженных мною в данных примечаниях) я подписываюсь как под превосходным конспектом того раздела метафизики, который называется идеологией. Этот труд несопоставим по качеству передачи реальных знаний с тем, что предлагал доктор Дугалд Стюарт, за которым по пятам следовали его предшественники-метафизики той же школы и который в этом отношении был крайне слаб. Из этого краткого изложения доктора Маршалла о подлинной физиологической метафизике можно узнать больше, чем из всех пустых страниц авторов, столь модных среди тех, кто чита-

Полагаем, нет необходимости подкреплять вышеизложенное пояснением о том, что, называя мозг единственным органом чувств и всех надстроенных над ними способностей, мы имеем в виду лишь единственный телесный орган. Ведь разум и свидетельство Бога гласят, что в человеке заключена нематериальная субстанция, которая участвует в восприятии, мышлении, рассуждении и так далее — разум, соединенный с мозгом. Однако исследование человеческой души не входит в задачи данной работы. В этом описании мозга душа не упоминается потому, что мы рассматриваем лишь телесный орган упомянутых способностей. Я твердо верю, что внутри нас есть душа, равно как существует и всемогущий дух, который наполняет, поддерживает и приводит в движение вселенную. Я верю в это не в меньшей степени благодаря разуму, чем благодаря священным памятникам божественного вдохновения. Но следует заметить, что в нашем нынешнем состоянии существования ни один акт ума не может быть совершен — и никогда не совершается — без соответствующего состояния силы в мозгу. Мозг и душа, хотя нам и неизвестно, как именно они соединены, в этом мире действуют сообща. Сила и здоровье первого при осуществлении любого чувства, суждения, памяти, страсти и так далее необходимы в той же мере, что и присутствие разума. Кроме того, именно мозг, а не душа, является надлежащим объектом терапевтического или хирургического лечения. Если бы мы ввели понятие разума в нашу дискуссию, нам пришлось бы отодвинуть мозг на задний план или перегрузить повествование постоянным упоминанием связи мозга и разума».⁴⁸ — стр. 244.

ет не размышляя. С человеком, который отделяет метафизику от физиологии, не о чем спорить.

⁴⁸ Я считаю всё, что следует у доктора Маршалла после конца этого абзаца, жертвой на алтарь благоразумия перед лицом общественных предрассудков. Лоуренса подвергают травле за отказ платить подобную дань духовенству; и крайне позорно со стороны Абернети поощрять этот гвалт невежества и фанатизма против своего коллеги-профессора, который как минимум равен ему в практических знаниях своей профессии и решительно превосходит его в значимости по специальности.

На этом доктор Маршалл завершает рассуждения о функциях мозга и нервов. Очевидно, что он, подобно доктору Рашу и многим другим, был материалистом, но общественные предрассудки удерживали его от того, чтобы открыто явить всю истину. Я не могу его винить. Кто сможет спокойно взирать на поношение, коснувшееся мистера Лоуренса, несмотря на его выдающуюся ученость, трудолюбие, профессиональное мастерство и знания, и при этом не оправдывать авторов, которые ищут спасения от воплей фанатиков, натравливаемых священниками, чья корысть — выкрикивать: «Велика Диана Эфесская!»? Если нынешним клерикальным союзам, в которых объединяются все секты, сколь бы ни расходились их взгляды по другим вопросам, удастся снова погрузить мир в ночь невежества (чего я очень опасаюсь), защитникам истины останется лишь довольствоваться тем, что они заслужили успех, которого так и не смогли добиться.

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН — ДОКТОРУ КУПЕРУ
МОНТИЧЕЛЛО, 29 марта 1824 года.

День или два назад я получил небольшую брошюру о материализме без каких-либо указаний на то, откуда она поступила. Однако я знал, что в Соединенных Штатах есть лишь один человек, способный написать подобный труд, и потому я точно знаю, кому адресовать свою благодарность, а также заверения в моем высоком почтении и уважении.

КОНЕЦ.

Очерк об ассоциации идей (1823)

В последнее время так мало внимания уделялось «Наблюдениям за человеком» Гартли — этой глубокой и важной книге, впервые опубликованной в двух томах (в восьмую долю листа) в 1749 году, — что у меня возникло искушение изложить некоторые основные факты, касающиеся ассоциации идей, столь блестяще объясненной в этом трактате. Доктор Джозеф Пристли привлек внимание к этому труду среди своих последователей, а «Зоономия» доктора Дарвина в значительной степени основана на учениях Гартли, Брауна и Гиртаннера. Учение об ассоциации также удостоилось значительного внимания в трудах Кондильяка; однако я не нахожу упоминаний о книге Гартли ни у кого из современных французских идеологов или физиологов — Кабаниса, Дестюта де Траси, Ришерана, Мажанди, Аделона или Бруссе. Впрочем, среди французских физиологов царит почти такое же пренебрежение и невежество в отношении достижений англичан, какое наблюдается среди англичан в отношении трудов французов.

Следующий краткий очерк ни в коей мере не отменяет необходимости, которой, по моему убеждению, подчинен каждый образованный физиолог и идеолог — необходимости внимательно изучить первый том труда Гартли. Несмотря на избыток гипотез, я едва ли знаю в английском языке книгу, превосходящую её по глубине и точности рассуждений, а также по широте применения. Пристли сократил её, но сама книга настолько насыщена по содержанию и стилю, что её следует читать именно в том виде, в каком её написал Гартли. Его теория вибраций, впервые предложенная сэром Исааком Ньютоном и превратно понятая или искаженная поверхностными читателями, может быть верной или нет; я склонен с ней согласиться. Однако факты, касающиеся обширной связи ощущений с ощущениями, ощущений с идеями, идей с идеями, а также тех и других с мышечными и иными телесными движениями — как автоматическими, так и волевыми, инстинктивными и интеллектуальными, здоровыми и болезненными — совершенно неоспоримы: это не теория, а факт.

На ассоциацию идей впервые обратил внимание мистер Гей в диссертации, предпосланной работе Кинга «О происхождении зла», а затем мистер Локк в своем «Опыте о человеческом разумении» (книга

II, глава 33). Шотландские метафизики упоминают книгу Гартли в той поверхностной и легкомысленной манере, которую и следовало ожидать от людей, которые либо не смогли, либо не пожелали взять на себя труд по понять её. Но времена господ Рида, Освальда, Битти, Дугальда Стюарта и Томаса Брауна прошли. Они — любимцы духовенства, поскольку принадлежат к ортодоксальной школе идеологии; они онтологи и психологи; они не задевают народных предрассудков и не идут вразрез с церковными догматами. Они выражают подобающий ужас перед веяниями еретической метафизики; стиль их письма по большей части хорош, часто отмечен изяществом и вкусом, в то время как догматизм, пронизывающий их пустые страницы, отлично рассчитан на то, чтобы произвести впечатление на многочисленный класс читателей, привыкших читать не раздумывая.

Однако прогресс точной физиологии уничтожил их: думающая часть публики, которая в конечном счёте задает тон гораздо большей недумавшей части, устала продираться сквозь страницы, полные метафор и фраз без ясного смысла, и громко требует фактической сути и точности языка. Изначально я решил составить этот очерк, изучая «Основы критики» доктора Блэра и лорда Кеймса во время курса лекций по этой теме в колледже, который я возглавляю. Я заметил, насколько более убедительно могли бы быть объяснены и проиллюстрированы принципы, которые они пытаются развить, если бы они знали хоть что-то об учении об ассоциации идей. Так, вся путаница и неясность в рассуждениях лорда Кеймса о чередѣ идей, связанных с предшествующими мыслями; его вымученное и не слишком понятное объяснение того, что он называет «идеальным присутствием»; его трактовка эмоций, страстей, симпатий и сочувственных переживаний, сходных эмоций, эмоций, связанных с музыкой, и многих других явлений — всё это относится к простейшим случаям ассоциации. Доктор Джозеф Пристли осознавал влияние этого учения на данные предметы и отметил его применение в своих «Лекциях об ораторском искусстве и критике», которые, впрочем, не добавили ничего нового к трудам Блэра и Кеймса. Хотя он и признавал пользу этой доктрины, в своих лекциях он использовал её крайне мало в сравнении с очевидной широтой её применения — как я полагаю, из-за недостаточного знакомства с физиологией.

Излагая ниже основные положения «Ассоциации идей», я не претендую на выдвижение какой-либо собственной или чужой теории. Я

привожу простые, общеизвестные, неоспоримые факты, знакомые любому физиологу, который хоть раз обращал внимание на сцепление раздражений и движений в нервном волокне, но совершенно игнорируемые племенем метафизических пустословов, которым и во сне не снилось, что телесные явления могут быть полезны для объяснения или обоснования явлений психических. Этот класс писателей довольствуется тем, что поносит любое мнение, если его направленность — прямая или косвенная — кажется духовенству еретической и опасной. А опасными считаются все взгляды, способные уменьшить влияние этого сословия или разоблачить те методы, с помощью которых они удерживают невежд в подчинении. «Что же такое ортодоксия и что такое ересь?», сказал лорд Сэндвич в ходе дебатов по поводу законов о корпорациях и присяге. «Ортодоксия, милорд, — ответил епископ Уорбертон, — это мои взгляды; гетеродоксия — это взгляды другого человека». Настало время прекратить выяснять, к каким последствиям могут привести те или иные убеждения, и заменить этот вопрос другим: «Каковы факты и в чем заключается истина?». Истина никогда не может иметь дурных последствий, хотя фанатики, заточившие в тюрьму Галилея и отвергнувшие Лоуренса и Макартни, считали иначе. Каков девиз истины? «Дайте нам дневной свет и честную игру».

Итак, основные положения учения об ассоциации идей таковы: когда на любое чувствительное окончание воздействует внешнее впечатление или стимул, оно передается посредством некоего движения по нервному пути к головному мозгу. Относительно этого движения, распространяющегося по нерву к мозгу, существовали следующие предположения:

1. Что это вибрационное движение — колебание самого тела или нервного волокна. Однако ни сэр Исаак Ньютон, ни доктор Гартли, ни какой-либо другой авторитетный автор из тех, что мне известны, не придерживались этого мнения, хотя его по невежеству и приписывали Гартли. Само по себе это маловероятно, поскольку нервы ничуть не напоминают натянутые струны клавесина: это сравнительно мягкие тела, заключенные в другие мягкие тела.
2. Что мельчайшие частицы, из которых состоят нервы, приходят в вибрационное движение, которое передается по всей толще нерва аналогичным способом. По-видимому, таково было мнение Гартли. Возможно, это и так, но у нас нет достаточных до-

казательств, чтобы подтвердить наличие такого типа движения в нерве. В качестве аргумента он привлекает «эфир» сэра Исаака Ньютона, но это лишь гипотеза.

3. Предполагалось, что нервы выделяют некую тончайшую жидкость, которая и является проводником этих последовательных импульсов или вибраций. Однако существование этой жидкости никогда не было доказано, её природа не установлена, а механизм того, как она принимает и передает впечатления, не объяснен сколько-нибудь удовлетворительно.
4. Представляется вероятным (хотя отнюдь не бесспорным), что посредником в данном случае выступает гальваническая жидкость. Это подтверждается электрическими способностями электрического ската (*torpedo*), электрического угря (*gymnotus electricus*) и электрического сома (*silurus electricus*); экспериментами доктора Уилсона Филиппа, Дютроше и других в области пищеварения и дыхания, а также наблюдениями господина Ле Галлуа. Однако это мнение всё еще остается лишь мнением: оно, в отличие от прочих, в своей основе более отчетливо опирается на факты, но всё же далеко не доказано.

Тем не менее, поскольку стол не может произвести никакого впечатления на мозговое вещество, из которого состоит мой мозг, иначе как через некую среду, передающую движение, совершенно очевидно, что в данном случае неизбежно должно происходить движение чего-то конкретного. Движения не может быть без того, что движется. Под мозгом я подразумеваю те части мозгового вещества, называемые следующим образом; наблюдаемые факты указывают на то, что местом средоточия интеллекта являются: большой мозг (передняя часть), мозжечок (задняя часть) и продолговатый мозг; в совокупности они образуют энцефалон. Судя по наблюдениям за развитием плода, мозг (как принято считать) формируется постепенно путем удлинения спинного мозга. Нервы в большинстве своем парные, и мозг также по большей части симметричен, как отмечали Галль и Шпурцгейм. До сих пор не обнаружено никаких механизмов, с помощью которых электрическая или гальваническая жидкость вырабатывалась бы или накапливалась в организмах наземных животных так же, как у упомянутых выше рыб. Когда движение, какого бы рода оно ни было, передается от чувствительного окончания (например, на кончике пальца) к веществу головного мозга (как было объяснено ранее), оно там ощу-

щается или, согласно принятой ныне терминологии, воспринимается. Следовательно, любое ощущение по сути своей есть ВОСПРИНЯТОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОЗГУ. Это утверждение настолько неоспоримо, что оно прямо признается и преподается всеми авторитетными физиологами последнего времени. Его можно найти четко сформулированным у Ришера и Мажанди — двух самых современных и признанных авторов учебников, используемых у нас. Я также считаю это доказанным доктором Дарвином в пятом разделе его «Зоономии» и в других его трудах.

Как и за счет чего ощущается или воспринимается это переданное движение? На этот счет существуют два основных мнения, к которым можно добавить третье.

1-е. Из-за огромной трудности понимания того, как восприятие, мысль и интеллект могут возникнуть из какого-либо особого расположения или сочетания частей, которые изначально лишены всех этих качеств и состоят лишь из инертной, бесчувственной и неосознанной материи, философы, и особенно богословы, склонились к гипотезе о существовании некоего существа или начала, отдельного от тела. Оно не имеет с телом ни одного общего качества, оно нематериально, не зависит от него и не умирает вместе с ним, но переживает его, будучи сверхъестественным образом добавлено к нашей системе организованной материи. Именно благодаря этому союзу мы способны проявлять интеллектуальные феномены. Это нематериальное существо или начало есть ДУША. Согласно данному мнению, движения, происходящие в нашей нервной системе, воспринимаются или ощущаются душой и становятся объектами её деятельности; все явления, называемые психическими или интеллектуальными, проистекают по существу из способностей души как отдельного существа. Благодаря соединению души и тела эти способности развиваются и проявляются в сложном существе, называемом человеком, в котором тело тленно и разруσιμο, а душа — нетленна, неразруσιма и бессмертна. На протяжении многих веков это мнение преобладало среди ученых и мыслителей. Его придерживается подавляющее большинство современных богословов (для которых оно весьма удобно и выгодно); оно также распространено среди авторов трудов по метафизике, особенно в Шотландии. Это учение преподается как истина в каждом университете и коллегиальном учебном заведении Англии, континентальной Европы и нашей страны. Таким образом, на стороне этого мнения выступает

решительная поддержка современных авторитетов; однако оно под-держивается искусственно и в настоящее время быстро утрачивает свои позиции.

2-е. Другая группа философов, преимущественно в Англии и Франции, придерживается мнения, что все психические или интел-лектуальные явления можно объяснить свойствами организованного тела без вмешательства какого-либо обособленного нематериального начала, каковым обычно представляют душу. Это возможно при усло-вии, если признать, что способность к восприятию или чувство прису-щи нашей организации или порождаются ею — как это, по крайней мере, и представляется на деле. Они утверждают, что жизнь и воспри-ятие являются результатом нашей специфической организации в той же мере, в какой любое свойство является результатом функциониро-вания любой системы вообще. Они заявляют, что нет иных оснований, кроме постоянного сопутствования, на которых мы могли бы строить предположение о какой-либо необходимой связи или в любом случае утверждать, что одна вещь является свойством другой. По их мнению, явления, называемые психическими, должны рассматриваться как возникающие из животной организации, принадлежащие ей и являю-щиеся её сущностными свойствами, поскольку их никогда не наблю-дали иначе как в сочетании с телесной организованной системой. Эти явления всегда сопутствуют ей, развиваются по мере её роста и дости-гают тем большего совершенства, чем совершеннее организация жи-вотного. Они зависят от здорового состояния нервной системы, расстраиваются при её заболеваниях или нарушениях, угасают по мере угасания тела и его организации, стареют вместе с телом и пре-кращают свое существование, когда тело умирает. Эти философы утверждают, что не существует вообще никаких доказательств суще-ствования способностей души или любой из них, кроме тех, что возни-кают внутри тела и зависят от него. По их словам, совершенно невоз-можно, чтобы наши материальные чувства и органы воспринимали воздействие или имели какое-либо представление о существе, не обла-дающем ни одним свойством материи. Вся разница в интеллекте меж-ду человеком и другими животными пропорциональна разнице в их организации. Психические явления проявляются у других животных столь же реально, как и у человека, но в значительно меньшей степени из-за огромного несовершенства их организации по сравнению с дру-гими; и во всех случаях эти явления сводятся к телесным состояниям.

Более того, они утверждают как неоспоримый факт, что сложные тела демонстрируют свойства и результаты, совершенно отличные от свойств составляющих их частей.

Это мнение преобладает среди многих анатомов и врачей в Англии и Франции, а также среди последователей религиозного учения доктора Пристли. Против этой доктрины выдвигается весьма серьезное возражение: она лишает нас аргументов в пользу будущей жизни, основанных на естественном бессмертии души. На это последователи Пристли отвечают, что христианина подобное возражение не затрагивает, поскольку воскресение, о котором ясно учит Новый Завет, есть воскресение не души, а тела. Этот догмат принят как догмат веры в Апостольском символе веры, который признает только воскресение тела. Библейские тексты не содержат подтверждений тому, что существует некое отдельное, нематериальное и бессмертное от природы начало, именуемое душой. Это фактически признают и видные богословы, и иерархи Англиканской церкви — Тиллотсон и Шерлок, а также епископ Ландафский Уотсон, называющий это спорным вопросом, и епископ Карлайлский Лоу, который прямо отрицает, что Ветхий или Новый Завет поддерживают учение о душе. По этому поводу мне нечего добавить: каждый волен верить в то, что считает истинным. Мы можем судить сами за себя, но не имеем права решать за других.

3-е. Существует иное мнение об интеллектуальных явлениях (включая восприятие): они действительно признаются проявлениями организованной материи, однако нам неизвестны примеры того, чтобы материя сама по себе принимала животную форму — это происходит лишь благодаря жизненной силе, переданной от родительских организмов. Поэтому у нас нет оснований утверждать, что материя на это способна или может быть способна сама по себе. Приверженцы этого взгляда отвергают теорию самозарождения и не согласны с тем, что жизнь может возникнуть просто как результат организации материи, если эта жизнь не присутствовала в ней изначально. Они не считают, что те немногие сомнительные примеры, приводимые доктором Дарвином, мистером Бейли и господином Ламарком, или «формообразующий порыв» (*nisus formativus*) профессора Блуменбаха, или недавние открытия, сделанные с помощью микроскопа, могут служить достаточным основанием для теории, которая противоречит всем ясным и очевидным фактам. Эти факты указывают на существование некоего ранее возникшего жизненного начала, которое во всех

известных случаях передается как растениям, так и животным, и происхождение которого мы можем приписать лишь Всемогущему Творцу, наделившему нас им. Я в полной мере осознаю сложность этой темы. Однако при нынешнем состоянии наших знаний я не вижу способа разрешить этот спор так, чтобы это устроило абсолютно всех.

Доктор Гартли полагал, что душа представляет собой некую тончайшую эфирную субстанцию, присоединенную к телу и продолжающую существовать после его смерти. Но это голословное мнение ни на шаг не приближает нас к разгадке. Если она обладает хоть какими-то свойствами материи, то в этой части она сама является материей; если же нет, то возникает старый вопрос: как один объект может воздействовать на другой, не имея с ним ни одной общей характеристики? Недавно эти идеи вновь поднял на щит Абернети.

Разобравшись в меру своих сил со всеми предварительными вопросами, которые вставали на моем пути, я перехожу к описанию фактов, касающихся человека как организованного живого существа — фактов, которые подчиняются закону ассоциации идей. В любых исследованиях психических явлений нам следует (по моему убеждению) стремиться выяснить, какую их часть можно объяснить исключительно физиологией тела. Обращаться же к гипотезе о некоем дополнительном интеллектуальном начале стоит лишь в том случае, когда известные свойства организованной материи уже бессильны что-либо прояснить. Насколько я могу судить на данный момент, любой интеллектуальный факт, какими бы словами или образными выражениями его ни описывали, есть не что иное, как обычная нормальная функция или способ действия органа, называемого мозгом; некое движение и изменение внутри мозгового вещества. Мысль, суждение, разум, рефлексия, воля, рассудок, память и прочее — это лишь слова, а не самостоятельные существа или сущности. Они обозначают определенные состояния, изменения или функции мозговой массы, то есть конкретные происходящие в ней движения, которые мы осознаем (как выражаются французы) или же чувствуем и воспринимаем (как говорят англичане). Склонность современных метафизиков к вымыслам наделила эти слова отдельным существованием и персонифицировала их. Однако подобная поэзия метафизики — эта просопопея ортодоксии — не имеет ничего общего с подлинным рассуждением.

Возникает, однако, дополнительный вопрос: когда эти импульсы, проходя по нервам, достигают мозга, существует ли в этом органе не-

кий общий сенсорий — некое средоточие восприятия, расположенное в какой-то определенной части мозга? Мнение о существовании такой точки долгое время было преобладающим. Его придерживались сэр Исаак Ньютон и доктор Гартли; разделяет его и Бруссе. Однако мне не известны доказательства, которые подтвердили бы наличие подобной локализации. Тот факт, что импульсы, передаваемые органами различных чувств, действительно влияют друг на друга, когда они возникают одновременно или с короткими интервалами, представляется неоспоримым. Однако мы не имеем возможности выяснить, происходит ли это из-за их слияния в какой-то конечной точке мозга или вблизи неё. Поэтому я использую термин «мозг» для обозначения той части нервной системы, расположенной внутри черепа и в небольшом отделе позвоночника, где окончательно затихают импульсы, идущие от чувствительных окончаний внешних или внутренних нервов, и откуда берут начало импульсы, передающиеся к произвольным мышцам. Насколько мне известно, это может быть какое-то конкретное место в мозговом веществе (в больших полушариях, мозжечке или продолговатом мозге), как я определил выше, но ни один из установленных на данный момент анатомических или физиологических фактов этого не подтверждает. Согласно взглядам доктора Дарвина, это свойство пронизывает всю нервную систему, поскольку его «сенсорная сила» распространяется повсюду вместе с нервными разветвлениями.

Случались повреждения различных частей мозга, которые не вызвали ожидаемого соразмерного ущерба ни жизни, ни интеллекту. Множество подобных случаев было собрано доктором Ферриаром (хотя достоверность его источников вызывает сомнения), а также сэром Эверардом Хоумом, чьи данные заслуживают большего доверия. До сих пор доподлинно неизвестно, почему в упомянутых случаях интеллект пострадал не столь значительно: объясняется ли это второстепенной ролью поврежденного участка, парностью мозговых органов или же специфическими функциями каждой части мозга. Общеизвестным и твердо установленным фактом остается то, что при повреждении мозга страдает и интеллект. В качестве неопровержимого доказательства этого можно привести большинство случаев апоплексии, душевных болезней и маний. Маршалл, Абернети и Аберкромби приводят их в избытке.

Отследив путь ощущений, вызванных внешними объектами, от чувствительного окончания нерва до самого мозга, я должен обратить

внимание на те впечатления, которые могут возникать в мозгу под влиянием внутреннего состояния тела, воздействующего на этот орган. Раньше этим впечатлениям не уделялось столько внимания, сколько, на мой взгляд, они заслуживают. Бруссе называет этот вид нервной симпатии «иннервацией».

Нервы отходят как от головного, так и от спинного мозга, снабжая сердце, желудок, печень, кишечник и другие органы, чьи функции в здоровом состоянии осуществляются инстинктивно, автоматически и незаметно для нас, не вызывая никаких сопутствующих ощущений. Однако, поскольку нервы, питающие эти части тела, тесно связаны со всей нервной системой, любое отклонение от привычного или здорового состояния этих (или любых иных) внутренних органов неизбежно скажется на состоянии мозга и всей нервной системы в целом. Так, безумие и идиотия могут быть вызваны чрезмерными истерическими припадками или наличием глистов в кишечнике; меланхолия как форма болезни — нарушениями в работе кишечника (и наоборот); мания — возбуждающими напитками или наркотическими растениями. Общее же чувство беспокойства, которое мы испытываем при неясных внутренних недомоганиях, несомненно, вызвано чередой болезненных импульсов, возникающих во внутренних органах и передающихся в мозг. Поскольку они случаются лишь эпизодически, мы не дали им четкого названия и не имеем возможности точно определить их локализацию внутри тела.⁴⁹ Все наши ощущения и идеи зависят в равной степени как от объектов, которые их вызывают, так и от состояния органа, в котором происходит это возбуждение. Таким образом, если

⁴⁹ Поскольку вся нервная система органической жизни напрямую связана с головным мозгом через спинной мозг, не составляет труда отнести действия, называемые «симпатическими», к этой связи. Например, когда мозг частично парализуется из-за употребления алкоголя, попавшего в желудок, или парализуется насмерть сильной дозой синильной кислоты, или когда столбняк возникает от раны ржавым гвоздем и так далее. В последнем случае, к примеру, поражается нервный контроль над произвольными мышцами, а значит, источник болезни неизбежно кроется в нервных связях — в том, что Бруссе называет иннервацией. Что касается так называемого симпатического действия лекарств, то установлено, что во многих случаях оно зависит от всасывания, а в других — от нервных связей, в чем не усомнится никто, кто читал эссе господина Броди о действии ядов.

состояние нервной системы одного человека отличается от состояния другого, одни и те же раздражители не вызовут абсолютно идентичных внутренних движений и ассоциаций. Напротив, они будут меняться не только под влиянием множества одновременно возникающих сопутствующих обстоятельств, но и в зависимости от возраста, пола, врожденной конституции, прежних привычек, заболеваний внутренних органов и общего состояния здоровья или болезни. Эти соображения вполне объясняют различие точек зрения, с которых одни и те же предметы предстают перед разными людьми, и служат достаточной причиной многих различий в интеллекте и склонностях. Ведь старое метафизическое изречение буквально верно: *quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis* (все воспринимаемое воспринимается в соответствии с природой воспринимающего). Все те внутренние процессы нашего организма, которые в обычном состоянии совершенно здорового не ощущаются, становятся источниками ощущений, когда они отклоняются от нормы; подобно тому как нечувствительная поверхность становится болезненной при воспалении. В этом кроется причина возникновения инкубов, или ночных кошмаров, вызванных несварением желудка, и сновидений вообще. Сновидения представляют собой движения в мозге, подобные тем, что вызываются внешними объектами; они воспринимаются в виде беспорядочных ассоциаций из-за состояния полубодрствования при неполноценном сне. Они возникают почти или совсем без связи между собой, потому что тягостное состояние внутренних органов, их вызывающее, имеет мало ассоциаций (или не имеет их вовсе), которые могли бы обеспечить такую связь. Следовательно, закон ассоциации, который будет объяснен ниже, действует здесь лишь частично и несовершенно — и именно в этой частичной и несовершенной ассоциации заключается странность наших снов.

Тот же закон передачи нервного движения действует в наших внутренних органах, как и в других частях тела. Так, в недавних экспериментах мистера Броди, доктора Уилсона Филипса и других ученых было показано: если перерезать или пережать восьмую пару нервов или симпатический нерв, то функции желудка, легких и процесс выработки животного тепла также нарушаются, и эти органы парализуются.

Теперь я перейду к изложению нескольких общих законов ассоциации как простых констатаций фактов и физических наблюдений, отсылая за подробностями к трудам Гартли и Дарвина.

Под **ощущением** здесь понимается движение, возбужденное каким-либо внешним объектом в чувствительном окончании нерва, которое затем распространяется по ходу нерва до самого мозга и там чувствуется или воспринимается. Или же это может быть движение, возбужденное внутри организма в нервах внутренних органов вследствие какого-либо необычного или болезненного процесса в части тела, за которую отвечает этот нерв; это движение передается по нерву в мозг: таковы, например, периодическое чувство голода, потребность в очищении кишечника, половое влечение и т. д.; либо боль при подагре в пальце ноги, желудке или почках; боли при коликах в кишечнике; боль, отдающая в бедро при воспалении почек, или под лопатку при заболеваниях печени, и бесчисленное множество других примеров.

Под идеей здесь понимается движение в мозге, схожее по своему типу и локализации с предшествующим ощущением, и посредством которого это ощущение воспроизводится в памяти. Идеи — это непосредственные объекты воспоминания и памяти. Таким образом, идея является образом (представителем) предыдущего ощущения — болезненного или здорового, внешнего или внутреннего. Когда ребенок впервые видит персик — это ощущение; когда в какой-то последующий момент он вспоминает о персике — это идея. О том, что это именно мозговое движение, см. «Зоономию» Дарвина, раздел 3.

Положение 1.

Если какой-либо набор ощущений А, В, С и т. д. связывается друг с другом достаточное количество раз, они приобретают такую власть над соответствующими им идеями а, в, с и т. д., так что любое из ощущений (например, А), будучи вызвано отдельно, сможет возбудить идеи всех остальных — в, с и так далее.

Представьте, что мы вместе читаем одну и ту же книгу за одним столом, и вдруг кошка, запрыгнув на стол и пройдясь по книге, мешает нашему чтению. Если спустя год вы встретите меня, то само восприятие моей личности вызовет в вашей памяти идеи того стола, места и обстановки, а также кошки и книги; иными словами, вы вспомните о

них. Каким именно образом смешанные движения этих ощущений должны вызывать соответствующие изменения в том мозговом движении, которое мы называем «идеей», я объяснить не возьмусь. Это один из многих фактов, несомненных, но необъяснимых. Однако повседневный опыт подтверждает этот факт как результат общего закона нашей природы. Так, название, запах или вкус персика для человека, который ест его в темноте и который уже видел и пробовал этот плод в другое время, вызовет в памяти его форму и цвет — то есть его визуальный образ, и наоборот.

Положение 2.

Если ощущения возникают только в определенной последовательности, то их способность вызывать идеи будет проявляться лишь в том порядке, в котором установились первоначальные ассоциации. Если ощущения A, B, C, D, E, F следуют именно в таком порядке, то C вызовет идеи d, e, f, но не a, b. Мы можем прочесть молитву «Отче наш»; но кто из нас сможет произнести её задом наперёд?

Положение 3.

В результате ассоциации простые идеи сливаются в сложные. Пусть A, B, C, D часто связываются между собой во всевозможных комбинациях — тогда идеи a, b, c, d будут возникать настолько мгновенно и машинально, что образуют не последовательность идей, а единую смешанную и сложную идею. Пусть размер, форма, цвет, пушок на коже, аромат и вкус персика часто ассоциируются с его названием (как это и происходит на деле) — тогда само название вызовет в уме все остальные идеи в таком тесном переплетении, что они сформируют то, что мы называем абстрактным понятием персика. В этой смешанной и сложной идее те индивидуальные идеи, которые являются наиболее яркими и характерными, обычно сохраняются, а остальные постепенно отсеиваются и почти или совсем исчезают. Именно таким образом, по моему мнению, начинают формироваться так называемые абстрактные идеи. Для удобства письма и речи мы присваиваем им письменные и устные названия, такие как добродетель, порок, красота и так далее. Сами по себе они не имеют реального существования

и являются лишь изобретениями языка, призванными помочь нашим рассуждениям или исследованиям.

Доктор Дарвин иллюстрирует изменение движений мозга вследствие ассоциации следующим образом. Представьте, что вас просят написать слово «ЧЕЛОВЕК». Вы пишете его, не задумываясь о восходящих и нисходящих штрихах, необходимых для начертания каждой отдельной буквы, или о тех трудностях, которые вы испытывали в этом отношении, когда только учились писать. Теперь это действие происходит как одна простая операция, которая никогда не подвергается анализу. Однако если вы задумаетесь о великом множестве мышечных движений руки и глаз, которые соединяются и связываются воедино, позволяя вам выполнить это действие, — в этом нет ничего более трудного или запутанного, чем в самом сложном случае ассоциации идей. И то, и другое — в равной степени неоспоримые факты.

В тех случаях, когда идея очень сложна, сочетание может преобладать над отдельными её частями; точно так же, как в хорошо приготовленном пунше мы не распознаем по отдельности кислоту, сахар, спирт или вкус лимона — все они сливаются в единую композицию. Так и семь основных цветов солнечного спектра, двигаясь связно и одновременно с огромной скоростью, вызывают ощущение, которое мы называем белым. Подобным же образом в языке всё можно разложить примерно на 30 простых звуков, которые теряются в сложности своих почти бесчисленных сочетаний.

В сложных идеях наибольшей силой в плане вызова других ассоциаций обладает сначала зрительный образ, а затем — слуховой. Гораций замечает по этому поводу: *segnius irritant animos demissa per aures, quam quæ sunt oculis subjecta fidelibus* [То, что проникает в сознание через уши, воздействует на него слабее, чем то, что предстает перед верными глазами].

Положение 4.

Язык бывает либо письменным, либо устным; это самый привычный для нас пример ассоциации идей. Мать показывает ребенку персик и повторяет снова и снова: «Это персик», до тех пор, пока звук голоса и ощущение от самого персика не свяжутся настолько прочно, что одно будет вызывать в памяти другое. То же самое происходит и в письменном языке, где мы сначала учимся связывать устные звуки с

написанными или напечатанными буквами, и делаем это так часто, что возникновение одного при виде другого становится мгновенным и полным. Поэтому при чтении описания слова, благодаря ассоциации, почти физически помещают сами предметы перед мысленным взором. Это то, что лорд Кеймс называет «идеальным присутствием». Допустим, я читаю описание того, как удав или анаконда душит тигра. Благодаря картинам и описаниям змей и тигров у меня есть довольно точное представление о них, хотя я, возможно, никогда не видел ни того, ни другого животного вживую. Таким образом, идеи, пробуждаемые словесным описанием, формируют то, что лорд Кеймс не без оснований называет «идеальным присутствием»; это идеальное представление, возбуждаемое и предлагаемое ассоциациями, связанными с письменным описанием.

Точно так же ощущения и идеи вызываются взглядами, интонациями и жестами; ведь взгляды, интонации и жесты — это естественные признаки сильных эмоций. В этом заключается превосходство театрального представления над простым чтением: задействуется больше ассоциаций, и идеи возбуждаются более живо. Взгляды, интонации и жесты, подобно метафорам и другим фигурам речи, более распространены на ранних этапах развития общества, поскольку бедность зарождающегося языка требует их помощи.

Положение 5.

Когда с каким-либо ощущением связывается боль, это значительно усиливает его яркость. Именно на этом принципе основан старинный сельский обычай: пороть сына на каждом углу участка земли, который ему суждено унаследовать, чтобы это позволило ему более точно помнить границы. И это полностью согласуется как с теорией, так и с фактами, какой бы грубой ни казалась эта традиция. Те же рассуждения применимы и к ассоциациям с удовольствием.

Эти два последних положения объясняют все трудности, возникшие у лорда Кеймса в отношении сочувственных эмоций, а также эмоций и страстей в целом. Таким образом, если слова, взгляды, интонации и жесты связаны (как это и есть на самом деле) с эмоциями и страстями, то и эмоции со страстями оказываются связаны со словами, взглядами, интонациями и жестами; одно вызывает другое. Это не требует дополнительных иллюстраций для тех, кто видел балетную по-

становку во французской или английской опере или кто помнит историю о Цицероне и актере России.

Положение 6.

В ощущениях и идеях движение мозга, передаваемое возбужденными нервами, может быть настолько слабым, что почти не воспринимается; или умеренным, лишь слегка привлекающим внимание; или настолько ярким, что становится приятным; или же настолько интенсивным, что причиняет боль. Именно в этом кроется основа различия, проводимого лордом Кеймсом между эмоциями и страстями.

Положение 7.

Сила и яркость идей зависят главным образом от следующих обстоятельств (не исключая и других, менее значимых): от изначальной возбудимости нервной системы; от яркости первоначального ощущения; от количества «сенсорной энергии», как называет ее Дарвин, или «накопленной возбудимости», по определению Брауна, которая сосредоточена в организме в данный момент; от силы и яркости сопутствующих идей, что объясняет нам использование подходящего образного языка, а также воздействие интонаций и жестов. Иногда в состоянии общего болезненного лихорадочного раздражения накопление сенсорной энергии в мозгу, не расходуемой на мышечную активность, вызывает такую яркость ощущений и восприятия, которая на время значительно усиливает умственные способности; если же этот избыток слишком велик или сохраняется слишком долго, он порождает галлюцинации различных видов безумия. То есть это происходит тогда, когда обычное и естественное стимулирование и возбуждение усиливаются до такой степени, что превращаются в болезненное раздражение.

Положение 8.

При рассмотрении воздействия слов классификация, предложенная доктором Гартли, кажется весьма полезной:

- Слова, за которыми стоят только идеи, но не определения: Белый, Сладкий.

- Слова, за которыми стоят только описания или определения, но не идеи: Однопестичный (Monagynia), Аксиома, Радиус.
- Слова, за которыми стоят и описания (или определения), и идеи: Персик, Равнобедренный треугольник.
- Слова, за которыми не стоит ни того, ни другого: И, К, От (служебные слова).

Очевидно, что в изящных искусствах, являющихся предметом критики, наибольший эффект производит первая категория слов. Можно всерьез усомниться в том, имеют ли хоть какое-то значение слова, не выражающие фактов, познаваемых нашими чувствами. У нас нет иного источника знаний, кроме наших ощущений — ощущений, возникающих в головном мозге либо под воздействием внешних объектов, либо нашими внутренними потребностями и состояниями внутренних органов. Какой смысл можно приписать понятиям «душа», «ангел», «дьявол», «дух» и тому подобным — предполагаемым сущностям, не познаваемым нашими материальными чувствами или хотя бы одним из них? Вместо любого из этих слов или всех их сразу можно подставить «абракадабра». Какие доказательства мы можем получить в отношении существа, которое невозможно увидеть, услышать, потрогать или ощутить, и которое не является объектом, различимым на вкус или запах? Что может означать слово, за которым не стоит ничего, чему мы могли бы найти подтверждение, и чего не существует ни для одного из наших каналов познания?

Положение 9.

Мистер Юм в своей главе об ассоциации идей (том 2) классифицирует все общие и абстрактные источники ассоциаций по принципам смежности во времени или пространстве, сходства и причинности. Постоянное внимание преимущественно к первой группе ассоциаций формирует историка; ко второй — поэта и драматурга; к третьей — государственного деятеля и мыслителя.

Положение 10.

Исходя из наших наблюдений, вероятно, что удовольствия от ощущений более многочисленны и в целом перевешивают страдания от них. Впрочем, это часто зависит от случая, состояния здоровья или

болезней. Но в отношении интеллектуальных радостей и страданий — тех, что зависят от наших идей и их комбинаций и в значительной степени подвластны нашей воле, — перевес в сторону приятных чувств у образованных людей оказывается очевидно значительным. За обычный срок человеческой жизни этот перевес достигает величин, намного превосходящих наши привычные расчеты. Таким образом, это кажется веским аргументом в пользу обучения и интеллектуальных занятий, которые значительно увеличивают число и интенсивность всех приятных ассоциаций в сфере идей. Более того, удовольствия и боли, зависящие от внешних чувств, будучи в большинстве своем локальными, в большей степени склонны разрушать тело, нежели интеллектуальные радости и страдания, которые не направлены на воздействие на какой-то конкретный орган; они скорее обеспечивают умеренную нагрузку на мозговое вещество, нежели вызывают какое-либо бурное и разрушительное движение.

Положение 11.

Несовершенство памяти и суждений у детей, [...], а также старческое слабоумие у пожилых людей можно объяснить несовершенными и аномальными ассоциациями, возникающими из-за недоразвитости или деградации головного мозга. Отсюда склонность детей ко лжи без осознания этой вины, а стариков — к забывчивости и повторениям.

Положение 12.

Несовершенный, беспорядочный и бессвязный интеллект идиотов, душевнобольных и маньяков очевидным образом зависит от хаотичных ассоциаций, возникающих в головном мозге по причине раздраженного и болезненного состояния этой части нервной системы. Таким же образом можно объяснить и патологические ассоциации, вызванные расстройством желудка и кишечника, независимо от их происхождения; ведь болезненные раздражения внутренних органов передаются посредством иннервации в церебральный центр и вызывают болезненное возбуждение (раздражение) в этом органе.

Положение 13. О мышечном движении.

Движения животного тела бывают либо инстинктивными (то есть автоматическими), либо волевыми, либо ассоциированными. В первом случае они не сопровождаются никакими ощущениями: таковы движения сердца и артерий, работа легких и диафрагмы, перистальтика кишечника и так далее. Волевые движения зависят от того состояния мозга, которое мы называем волей. Следовательно, необходимо изучить, в чем заключается воля и что представляет собой то состояние мозга, которое сопровождает волю или составляет её суть. Я говорю «сопровождает или составляет», поскольку выбор выражения будет зависеть от теории, принятой для объяснения феноменов восприятия. Психолог сказал бы «сопровождает»; я же предпочитаю вторую формулировку.

Положение 14. О желании и воле

Ребенок, который уже пробовал персик и знает, каков он на вкус, видит этот плод на столе вне пределов своей досягаемости; что же при этом происходит? Во-первых, у него возникает ощущение видимой формы персика благодаря лучам света, которые, проникая в глаз, воздействуют на ретинальное расширение зрительного нерва. Возбужденное там движение передается по зрительному нерву к другому его концу в мозгу, где оно воспринимается, формируя зрительное ощущение персика. Но так как ребенок уже пробовал персики, зрительное ощущение через ассоциацию возбуждает идею вкуса персика, что сопровождается желанием получить и съесть плод, который он видит перед собой. Это состояние мозга, которое при его переживании мы называем желанием, столь же реально и действительно существует в данном органе, как и зрительное ощущение или ассоциированная идея вкуса персика; оно ощущается одновременно и в равной степени с ними. Оно всегда сопровождает чувство голода и является его частью. Это желание, когда оно побуждает к усилию дотянуться до персика (церебральная иннервация), становится волей, а последующее движение — волевым. Все эти состояния мозга воспринимаются или ощущаются одинаково как существующие вместе и возникающие по одной и той же причине; однако, поскольку они заметно отличимы друг от друга, мы даем им разные названия. Если ребенок заранее съел столько пер-

сиков, сколько мог, состояние мозга, называемое желанием, не возникнет; желудок не будет посылать импульсы в мозг или вызывать к его помощи, и воля вместе с волевым движением не проявятся. Это показывает, что речь идет о чисто телесном чувстве, зависящем от состояния органов тела. Разве голод не всегда таков? И разве желание и воля не отсутствуют или не присутствуют в подобном случае в зависимости от того, отсутствует или присутствует голод? Разве мы прикладываем усилия, чтобы принять пищу, если наш аппетит уже удовлетворен?

Опять же: отец попросил меня встретить его дома в определенный час. По мере приближения назначенного времени идеи моего обещания, отца и дома возбуждаются путем ассоциации; я чувствую желание подчиниться ему и встаю, чтобы встретить его, согласно договоренности. Здесь желание, воля и волевое движение ассоциируются с припоминаемыми идеями прошлых ощущений. Все эти чувства происходят одновременно или почти одновременно; они взаимосвязаны; они ощущаются или воспринимаются одинаково и относятся (если вообще относятся) к одному и тому же источнику, к одному и тому же органу, к одному и тому же месту ощущения. Произвольное движение не возникло бы, если бы не существовало желания; само же желание — это одно из обстоятельств, сопутствующих ощущению персика или мысли об отце и данном ему обещании, и неотъемлемая часть этого процесса.

Доктор Дарвин отмечает (Разд. XI. 2. 2), что все наши эмоции и страсти берут начало в ощущениях и волевых импульсах. Гордость, надежда, радость — это названия конкретных приятных ощущений; стыд, отчаяние, печаль — названия ощущений болезненных. Любовь, честолюбие, алчность — это названия конкретных желаний; ненависть, отвращение, страх, тревога — названия конкретных видов неприязни. Страсть гнева включает в себя боль от недавно нанесенной обиды и ненависть к противнику, который ее причинил. Сострадание — это боль, которую мы чувствуем при виде чужого несчастья, соединенная с желанием его облегчить.

Все они, в каком бы внутреннем органе ни зарождались, в конечном счете сводятся к движениям в органах головного мозга, где они чувствуются и воспринимаются; эти движения возникают из различных сочетаний ощущений и идей, на которые можно разложить любую эмоцию или страсть. Возьмем, к примеру, любовь. Молодой человек часто находится в компании девушки, чьи манеры, взгляд и голос

вызывают у него приятные ощущения и чувство уважения к ее характеру и поведению; к этому добавляется убежденность или твердая надежда на то, что и он сам находится в схожем положении относительно ее чувств к нему. Все это — ощущения и идеи, анализ которых не представляет труда. Они явно имеют ту же природу, что и любые другие ощущения и идеи, которые, связываясь друг с другом благодаря одновременному или последовательному возникновению, воздействуют на состояние мозга в месте восприятия — точно так же, как и любая другая сложная совокупность ассоциаций. Когда к ним присоединяется естественное ощущение полового влечения, обусловленное внутренним состоянием нашей телесной системы, все это сложное ощущение в совокупности именуется любовью. Она представляет собой не что иное, как сильное чувство дружбы к человеку другого пола, сопровождающееся сексуальным желанием. В анализе этого сложного ощущения или идеи (ведь это может быть либо то, либо другое, в зависимости от присутствия или отсутствия объекта) нет ничего более трудного, чем в анализе сложного ощущения от книги, лежащей сейчас передо мной. Оно складывается из ее размера, формы шрифта, пропорций полей, цвета бумаги, мраморного обреза или позолоты страниц, типа переплета, его золоченых украшений и особенностей тиснения букв; и всё это в данный момент также ассоциируется с абзацем, который я сейчас пишу.

Более того, разве не очевидно, что в случае со сложным ощущением, называемым любовью, отсутствие, паралич или органическое поражение телесных органов могут предотвратить его возникновение? Разве нельзя сделать его более ярким с помощью полового воздержания или даже афродизиаков, равно как и с помощью ассоциаций любовного толка? И когда чисто животное ощущение становится таким образом ярче, не усиливается ли вместе с ним и связанная с этой страстью интеллектуальная составляющая?

Следовательно, желание и воля не просто схожи с ощущениями и идеями, но фактически ими и являются. Это состояния мозга, которые мы чувствуем или осознаем и которые побуждают нас к мышечным действиям, вызванным насущной потребностью. Отвращение — это лишь иная форма желания, а именно желание избежать чего-либо. Желание в чистом виде — это стремление к обретению. Процесс ощущения берет начало на том конце нерва, который максимально удален

от мозга, и завершается в самом мозгу. Волевой же акт начинается в мозгу и заканчивается в мышце — органе произвольного движения.

Я рассматриваю и излагаю всё это как общеизвестный, неоспоримый факт — такой, который любой физиолог признает без колебаний. Это совершенно не зависит от любых гипотез касательно причины, места или источника восприятия: является ли оно функцией мозга, возникающей из нашей биологической организации, как полагают одни, или же принадлежит отдельной сущности (душе), как считают другие.

Положение 15.

Исходя из этого, мы видим, каким образом автоматические и произвольные движения могут быть связаны с ощущениями, идеями, желаниями и волевыми актами. Полезно будет остановиться на этой части вопроса подробнее. Сначала рассмотрим состояние здоровья.

Движения могут быть связаны с ощущениями — например, когда мы режем мясо, наливаем вино или переходим из одной комнаты в другую; когда дама одновременно поет и играет на инструменте; когда мы танцуем под музыку, соблюдая ритм, и так далее. С идеями — когда дама играет на фортепиано мелодию, которую помнит лишь на память; когда мы идем в книжную лавку за нужной нам книгой; когда мы звоним в колокольчик, чтобы вызвать слугу, и тому подобное. Таких случаев так много, и они происходят настолько постоянно, что нет нужды их перечислять. С желаниями и волевыми актами они связаны так, как описано в положении 12. По сути, именно они являются предшествующими причинами всех произвольных движений.

То же самое происходит и в состоянии болезни: когда я поворачиваюсь, чтобы избавиться от боли, это движение связано с (ощущениями); когда я спрашиваю, пришел ли врач — с (идеями); когда я прошу пить при жажде — с (желаниями).

Многие, а возможно и большинство наших произвольных движений, поначалу были автоматическими. Ребенок сжимает ладонь или двигает ножкой от простого воздействия на мышечную возбудимость при прикосновении. Намеренный захват предмета, ходьба, бег, танцы или лазание — всему этому человек учится постепенно, и эти действия являются произвольными.

Автоматические движения бывают либо первичными и совершаемыми неосознанно, как работа сердца и артерий, либо же они форми-

руются в результате непрерывного повторения произвольных движений. Ребенок пошатывается и спотыкается, прилагая волевое усилие при каждом шаге, пока учится ходить; то же делает юноша или девушка, разучивая танцевальные па, или связывая клавиши фортепиано с нотами в музыкальной тетради. Со временем частое повторение позволяет им выполнять эти движения неосознанно, механически и без усилий; таким образом, они приобретают автоматический характер. Те же наблюдения применимы к чтению и письму, к речи и, по сути, ко всем нашим произвольным движениям.⁵⁰ Автоматические (не-

⁵⁰ Этим можно объяснить то, как взрослые люди забрасывают занятия, к которым их принуждали в юности. Так, когда молодую девушку заставляют учиться музыке, и она достигает достаточного мастерства, чтобы исполнить обычный концерт после шести репетиций; к этому времени она, вероятно, выходит замуж и больше не вынуждена делать то, что требует усилий при исполнении. Она бросает музыку, и её фортепиано превращается в обычный предмет мебели в гостиной. Но если бы её заставляли упражняться до тех пор, пока все произвольные движения, долгое время сопровождавшиеся усилием, не стали бы автоматическими, стимул к игре сохранился бы, а ассоциации с натугой и болезненным усилием исчезли: в этом случае она будет играть всю жизнь. До тех пор, пока не будет достигнуто это состояние автоматизма в движениях, весь предыдущий труд потрачен впустую. Подобным же образом мальчика отправляют учить латынь и греческий; он продолжает заниматься ими весь тот период, когда их освоение требует мучительных усилий, и бросает школу или колледж до того, как этот период напряжения закончится. Тогда он с радостью забрасывает Гомера, Вергилия и Горация, решив больше никогда не мучить себя ими. Все его прежние достижения — всё потраченное время — все болезненные усилия по выполнению заданий пропадают впустую; и через три года его знания классической литературы испаряются навсегда. Если бы он продолжал до тех пор, пока слова, фразы и идиомы не стали настолько прочно ассоциироваться с их точным значением, что переход от одного к другому происходил бы без усилий и боли, его классические знания стали бы ежедневным развлечением неопределимой ценности. Они формировали бы его вкус в любом последующем обучении и приносили бы огромную пользу в любых будущих литературных или научных изысканиях. Именно так сформировались Лейбниц и Ньютон, Гук и Рей, Линней и Бергман, Гофман и Галлер, а также Норт, Бёрк, Фокс и Питт. Глубокое и точное знание классики стало фундаментом этого здания — будь оно литературным, научным или политическим. У нас этого не произой-

произвольные) движения также порождаются болезненным состоянием нервной системы, как, например, при дрожательном параличе или конвульсиях при пляске святого Вита. Таков и приступ лихорадки при обычной малярии, который принимает периодический характер — этот цикл необходимо прервать, чтобы добиться исцеления. К этой же категории относятся приступы эпилепсии, судороги в ногах, слезы от боли, жалости, гнева или смеха; искажение лица от боли или мести и многие другие случаи, отмеченные доктором Дарвином среди взаимосвязанных болезненных движений. Однако наиболее поразительные случаи ассоциации движений с идеями встречаются при психических расстройствах — безумии и мании. При лечении этих недугов невозможно следовать просвещенной практике без умелого применения теории взаимных ассоциаций ощущений и идей с мышечными движениями, будь то здоровыми или болезненными. Д-р Дарвин, чьи принципы изначально заимствованы у доктора Гартли и из основ медицины доктора Брауна, определенно показал чрезвычайно широкое применение всей доктрины ассоциаций в просвещенной медицинской теории; он привел множество фактов, имеющих прямое отношение к изложенным здесь принципам. Его труд «Зоономия» — это плод работы очень мощного ума.

Исходя из всех этих фактов, представляется, что согласно общим законам нашего животного строения, давно замеченным и точно установленным профессиональными наблюдателями:

Ощущения могут быть — и в бесчисленных случаях действительно являются — связанными с другими ощущениями, с идеями, с волевыми актами и с мышечными движениями: произвольными, вторично-автоматическими, а также инстинктивными или первично-автоматическими; причем не только в здоровом состоянии, но и при болезни. Примерами могут служить: исполнение мелодии в сопровождении пения; мелодия, воспроизведенная по памяти; прогулка с це-

дет до тех пор, пока студентов старших курсов колледжа не обяжут переводить на правильную латынь страницу какого-нибудь английского автора и сочинять не менее десяти латинских стихов два или три раза в неделю. Чтобы наша молодежь (из тех, кто может себе это позволить) была хорошо образована, поступление в колледж не должно разрешаться ранее 17 лет, а вступительные требования по школьным дисциплинам (классике и математике) должны быть высокими и строго соблюдаться.

люю навестить друга. Последнее также является примером произвольного движения; первое же — это пример вторично-автоматического движения, когда пальцы неосознанно скользят по клавишам клавишны. Можно представить и другие примеры, сопровождающие перистальтику кишечника.

Случаями автоматических и непроизвольных движений, сопровождающих ощущения и идеи, являются также бледность и липкий пот от страха, румянец гнева, возбужденные движения от великой радости, возгласы горя и так далее, и тому подобное.

Идеи, желания и волевые акты также могут быть взаимно связаны между собой и со всеми видами мышечных движений; примеры тому — упомянутые выше случаи и другие, подобные им, которые легко вообразить. Кроме того, они могут быть связаны со словами, взглядами, интонациями и жестами.

Движения, изначально автоматические и непроизвольные — например, движения конечностей ребенка, совершаемые неосознанно из-за мышечной возбудимости, вызванной каким-либо стимулом, — могут стать произвольными, когда возникает необходимость связать их с желаниями и волевыми актами. Так, путем ассоциации с определенным временем суток мы можем превратить автоматическое перистальтическое движение в произвольное, как рекомендуют делать мистер Локк и врачи в целом.

Движения, изначально произвольные, при очень частом повторении могут стать вторично-автоматическими, как это происходит при письме, чтении, игре на музыкальном инструменте и так далее.

Здоровые движения могут сочетаться с болезненными, и наоборот; трактат доктора Дарвина, а также труды врачей, описывающих нервные и симпатические реакции, содержат множество подобных примеров. Мания, меланхолия, помешательство и идиотия, лихорадочный бред и прочее представляют собой яркие тому подтверждения.

Все ощущения представляют собой движения, передающиеся от чувствительного окончания нерва по самому нерву к мозгу, где они ощущаются или воспринимаются.

Все идеи — это подобные движения, возникающие в мозгу либо в результате ассоциации, либо из-за какого-то случайного состояния этого органа или всей нервной системы в целом.

Все волевые импульсы существуют как состояния мозга, которые связаны с соответствующими им ощущениями и идеями и являются их частью. Оттуда движение передается к мышцам, отвечающим за произвольные действия, посредством церебральной иннервации.

Мы не знаем доподлинно, что именно служит инструментом движения или той субстанцией, в которой оно происходит: частицы самого нерва, некая секретируемая нервная жидкость или же гальванический ток. Представляется вероятным, что гальванический ток в определенной степени заменяет собой нервную связь, однако никакой четкой теории на этот счет пока построить невозможно.

Нет никаких оснований полагать, что эмоции, страсти, желания, антипатии и волевые акты — это нечто иное, кроме процессов движения, происходящих в головном мозге и там же ощущаемых или воспринимаемых. Ведь все их можно разложить на ощущения и идеи, а также сопутствующие им восприятия, которые, несомненно, представляют собой лишь движения в мозгу и ничего более.

Неизвестно, является ли способность к восприятию или чувствованию свойством биологической организации животных, обладающих нервной системой, или же она органически присуща самой жизни — тому свойству организованных существ, которое позволяет им питаться, переваривать пищу, расти, усваивать и обновляться, а также совершать действия, называемые жизненными функциями. Неясно, обязана ли эта жизнь своим существованием организму, с которым она связана, или же она является изначальным даром нашего Творца. В последнем случае организация будет свойством или результатом уже дарованной жизни, а не жизнь — результатом организации. Неизвестно также, нельзя ли приписать восприятие или чувство некоему отдельному нематериальному началу, соединенному с телом по воле Творца. Последнего мнения, кажется, вынужденно придерживаются философы-метафизики из-за сложности понимания того, как простая модификация немыслящей материи может стать материей мыслящей. Эта трудность, несомненно, уменьшается по мере роста наших знаний. Однако существование факта может быть — и очень часто бывает — неоспоримым, даже если мы не можем объяснить, как или почему это так. Таковы общие очертания доктрины ассоциаций.

Ниже приведены примеры того, как с ее помощью можно объяснить некоторые из основных психических явлений.

Положение 16. О памяти.

Память — это термин, обозначающий повторное возникновение идей, представляющих прошлые ощущения. Эти идеи возвращаются потому, что они так или иначе связаны с идеями, уже присутствующими в нашем сознании — за исключением тех редких случаев сна или болезни, когда внутреннее состояние тела вызывает в мозгу автоматические произвольные движения и состояния, подобные идеям, которые уже существовали там ранее. Но эти исключения немногочисленны и не нарушают общего правила. Поэтому я считаю верной теорию, сформулированную лордом Кеймсом, о том, что идеи всегда возникают последовательной цепочкой. Образ моего отца вызывает в памяти образ моей матери и так далее. Мысль о персике напоминает о последнем персике, который я съел, место, обстоятельства и так далее. Из простейших наблюдений за реальностью становится ясно, что именно в такой последовательности возникают идеи: это повторение и есть память. Какую еще причину можно найти для появления новой идеи, кроме предложенной здесь? Она не может возникнуть без причины. Пусть читатель попробует указать на какую-то иную. То, что явно и неоспоримо подтверждается в огромном количестве случаев — фактически во всех, что нам известны, — мы должны принимать как истину для всех случаев вообще, согласно общепринятому и известному правилу научного познания. Таким образом, память — это не более чем частный случай, подпадающий под общий закон ассоциации идей.

Припоминание: этот термин используется в тех случаях, когда прилагается волевое усилие, чтобы вызвать идеи с помощью ассоциаций. Когда возникает желание что-то вспомнить, все процессы, происходящие в мозге, становятся сильнее и ярче, и благодаря этому возбуждается больше ассоциаций, чем возникло бы в обычном состоянии. И всё же новые идеи вызываются исключительно через ассоциации с теми идеями, которые уже присутствуют в сознании. Пусть каждый проведет эксперимент и убедится сам, в его ли власти вспомнить какую-либо идею иначе как через другую, связанную с ней идею: на практике он обнаружит, что иного способа у него нет. Следовательно, припоминание — это также проявление ассоциации.

Эта способность сильно нарушается под воздействием спиртных напитков, попадающих в желудок и влияющих на мозг. Случаи белой горячки (*delirium tremens*) и алкогольного психоза (*mania à potu*) слу-

жат решающими доказательствами не только того, что внутреннее состояние организма нарушает и расстраивает мозговую деятельность, но и того, что возникают новые импульсы. Они принимают форму гнева, ужаса, видений странных людей и фигур, которые не существуют нигде, кроме как в хаотических движениях, вызванных раздражением нервов желудка алкоголем, передающим болезненное возбуждение в мозг.

Те же страсти, эмоции и нереальные образы часто сопровождают манию, ипохондрию и другие формы мозговых расстройств. Это происходит из-за общего поражения нервной системы, вызванного той или иной степенью раздражения и последующим болезненным функционированием внутренних органов или некоторых из них (см. весьма любопытный пример безумия, вызванного ассоциацией, в книге сэра Вальтера Скотта «Демонология», с. 28). То же самое относится и к галлюцинациям, сопровождающим бред при лихорадке. Ни один врач не сомневается в том, что в его силах изменить состояние тела с помощью пищи и лекарств, и что он может изменить существующие цепочки идей (то есть мозговые процессы), вызвать новые, пробудить эмоции, страсти, желания и волевые импульсы, которые не возникли бы без его вмешательства.

Пусть любой врач на мгновение задумается о стимулирующем действии опиума, белены, дурмана, шпанской мушки, алкоголя и прочего — он признает, что в его власти искусственно вызвать любые проявления мании. В то же время истощающие, успокоительные и антистимулирующие средства действуют аналогичным образом, когда те же расстройства, по какой бы причине они ни возникли. Интеллектуальные явления, ощущения боли и удовольствия, желания, волевые акты, память, мысль, галлюцинации и прочее — раз всё это подвластно медицине и режиму, то что это, если не телесные феномены?

Положение 17. О суждении.

Оно имеет место, когда мы сравниваем две идеи или два набора идей друг с другом, чтобы установить их сходство или различие. Так, когда я прихожу к выводу, что Александр — это тот же самый человек, который победил Дария, или что запретительные и покровительственные пошрины нецелесообразны, я выношу суждение на основе сравнения этих наборов идей. Их сходство или различие является таким же

объектом восприятия, как и сами идеи; это такое же состояние мозга, как и они сами. Когда я вижу на столе яблоко и мушкетную пулю, разве их несходство не столь же очевидно, видимо и ощутимо, как и сами эти предметы? Следовательно, суждение, подобно ощущениям и идеям, представляет собой возбуждение, стимуляцию — воспринимаемое движение в мозгу. Ибо различия между этими движениями столь же реальны и в той же степени являются состояниями мозга, как и сами движения. Когда я чувствую или осознаю это различие, что это, если не состояние мозга, которое я ощущаю или воспринимаю? Какой иной смысл можно вложить в понятия «различие» или «тождество»?

Положение 18. О мышлении.

Мыслить или размышлять — значит задействовать воспоминание и суждение. В том, что мы называем мышлением, нет никаких иных элементов. Следовательно, природа мысли такова же, как природа воспоминания и суждения.

Положение 19. О воле.

Воля — это состояние мозга, возникающее при ярких ощущениях или идеях, сопутствующее желаниям и антипатиям и побуждающее нас к действию; она так же реальна, как ощущения или идеи, и столь же материальна. Например, ощущение, называемое голодом, не возникает, когда желудок полностью сыт, и, следовательно, оно зависит от состояния органов тела. Я вижу перед собой на столе кусок жареной говядины, нож, вилку и тарелку: если мой желудок нуждается в пище, ощущение, сопровождающее эти зрительные образы, будет ассоциироваться с голодом; если же желудок сыт, этого не произойдет. Если оно сопровождается голодом, то возникнет желание, влечение, воля или намерение поест, а за ними последуют и движения, чтобы превратить это намерение в жизнь — и никак иначе. Таким образом, это желание есть состояние мозга, зависящее от возбужденного состояния органов тела, которые воздействуют на головной мозг посредством передаваемого возбуждения, то есть иннервации. Это специфическое состояние мозга, связанное со специфическим состоянием желудка. При анализе выяснится, что все желания и антипатии, стремления и волевые акты подобным же образом являются не чем иным, как моди-

фикациями мозгового движения, возникающими в силу обстоятельств, которые и вызвали эти движения.

Положение 20. О нравственном чувстве. Совесть.

Долгое время это считалось врожденной способностью разума или души, данной нам для нравственного руководства, и в соответствии с чьими предписаниями наше поведение должно управляться. Когда это чувство было заложено, каким образом нам сообщаются его веления или почему оно не одинаково у всех людей повсюду — сторонники этого представления не объясняют.

Давайте разберемся, в какой мере оно является или не является телесным состоянием.

Что такое мораль? Это линия поведения отдельных личностей, которая в целом лучше всего способствует процветанию общества. Мораль во всех своих проявлениях связана с социумом, ибо не существует ни одного правила нравственного поведения, применимого к абсолютно изолированному человеку, полностью оторванному от всех остальных живых существ.

Дети не имеют ни малейшего представления о добре и зле, правде и лжи или о том, что люди обязаны стремиться к первому и избегать второго, пока их не научат этому с большим трудом — сначала родители, затем наставники, а после постепенно товарищи, законы общества, беседы с достойными людьми и книги. Именно в этом и заключаются источники нравственного чувства. Каждый, кто знаком с маленькими детьми, знает: у них нет понимания разницы между правдой и лживостью, пока их этому не научат. Они бьют тех, кто за ними ухаживает, и животных, с которыми играют,⁵¹ до тех пор, пока

⁵¹ Сэр Вальтер Скотт в своей истории демонологии делает следующие замечания (стр. 185). Горькая истина о том, что «человеческое сердце обманчиво более всего и крайне испорчено», ничем не подтверждается так сильно, как тем несовершенным чувством святости нравственной истины, которое проявляют дети. Как джентльмены, так и простые люди с годами учатся презирать и избегать лжи: первые — из гордости и сохранившегося с рыцарских времен чувства, что клеймо лжеца — это смертельное пятно на их чести; вторые — исходя из общих размышлений о необходимости сохранять репутацию честного человека на жизненном пути и осознания правоты пословицы «честность — лучшая поли-

им с огромными усилиями не объяснят, что так делать нельзя, и не накажут за это. Подобным же образом, не без труда, их обучают всем навыкам чистоплотности, необходимым для их комфорта, и это требует непрестанного усердия на протяжении нескольких лет. Они бы не продвинулись в этих знаниях, если бы не своевременная похвала, когда они слушаются, и — что еще эффективнее — формирование устойчивой связи между болью и теми поступками, которых их учат избегать. Именно так первоначально формируется нравственное чувство; в детстве оно ограничивается лишь домашними отношениями. Затем молодежь отправляют в школу, где прикладываются те же усилия, чтобы привить им обязанность учить уроки, повиноваться учителям, воздер-

тика». Но все это — приобретенные привычки мышления. У ребенка нет врожденной любви к правде, в чем убеждается всякий, кто хоть немного знаком с ранним детством. Если их обвиняют в проступке, когда они едва умеют говорить, первыми словами, которые они лепечут, будет ложь в свое оправдание. И это еще не все; соблазн привлечь к себе внимание, удовольствие от ощущения собственной значимости, желание избежать неприятного поручения или устроить себе праздник в любой момент переселяют чувство правды — настолько оно в них слабо. Если бы существовало некое врожденное нравственное чувство — заложенное природой и закрепленное в самой конституции человека ощущение морального долга, не зависящее от всякого воспитания, — оно проявлялось бы в наиболее чистом и несмешанном виде именно у детей, еще не испорченных общением с корыстным миром. Если и существует какая-то нравственная заповедь, более универсальная, чем остальные, то это обязанность воздерживаться от лжи и говорить правду. Но как же факты расходятся с теорией! В действительности, так называемое нравственное чувство — это одна из многочисленных онтологических грез шотландской школы метафизики, чьи олицетворения слов населили мир воображения бесчисленными существами — туманными, призрачными формами, невидимыми, неслышимыми, неосознаваемыми и непостижимыми! Неудивительно, что эти «мастера слова» с таким презрением относятся к физиологической метафизике! Дугалд Стюарт отделяется от Гартли парой страниц, а мудрец, составивший статью «Метафизика» для Эдинбургской энциклопедии Брюстера, со всей серьезностью уверяет читателей (стр. 93), что «Пристли не заслуживает внимания как метафизик!». Смеем полагать, что господа Рид, Освальд и Битти думали так же. Все это естественно: *quicquid recipitur, recipitur ad modum recipientis* (всё воспринятое воспринимается в меру возможностей воспринимающего).

живаться от лжи, обмана и ссор. Многому они также учатся в общении с другими детьми в школе, на каждом шагу осозная, что за поступками, которые их приучили считать предосудительными, обычно следует наказание. Тот же путь продолжается в старших школах и колледжах; считается, что непрерывная и строгая дисциплина абсолютно необходима, чтобы закрепить в юном возрасте те привычки, которые сделают их полезными членами общества, когда они вырастут, и искоренить те наклонности, которые — дай им волю — сделали бы их объектами неприязни и недоверия со стороны сограждан.

Но даже по окончании учебных заведений нравственные привычки, столь усердно прививаемые, редко формируются настолько прочно, чтобы одолеть неистовство юношеских страстей; и требуется много лет общения с лучшими представителями общества, прежде чем нравственный облик человека укрепитсЯ настолько, что на него можно будет безоговорочно положиться. Более того, даже в цивилизованном обществе теория морали до такой степени расплывчата, что в некоторых вопросах она разнится от страны к стране, а регулирующие её законы не имеют единого стандарта во всех просвещенных народах; даже в пределах одной нации они значительно меняются каждое столетие. Они возникают и принимаются под влиянием непредвиденных обстоятельств, и, как мне кажется, со временем совершенствуются. Несомненно, нравы и обычаи во всей Европе сейчас гораздо лучше, чем два столетия назад, и стандарты морали стали выше. Почему? Потому что опыт постепенно учит нас тому, на каких правилах поведения обществу следует настаивать ради собственного блага.

Таким образом, мораль, сопровождающая на всех этапах постепенное формирование идей и последовательное развитие знаний через обучение, и варьирующаяся в зависимости от текущего уровня знаний в каждую эпоху, в каждой стране и у каждого отдельного человека, не может быть результатом некоей врожденной, дарованной свыше способности, совершенной с самого начала. Если мы изучаем эту мораль у наших наставников и по книгам, пройдя через долгую дисциплину, точно так же, как мы изучаем языки и математику, то зачем искать какой-либо иной источник нравственных достижений? Будем же довольствоваться теми причинами, которые истинны сами по себе и которых достаточно для объяснения этих явлений. Мне не известно ничего, что хотя бы отдаленно напоминало удовлетворительное дока-

зательство существования какого-либо врожденного нравственного чувства. Это лишь одна из грез онтологов и метафизиков.

Положение 21. О превращении эгоистических чувств в общественные и благожелательные.

Все ассоциации детей эгоистичны: их учат доброте к окружающим с помощью непрерывных наставлений и примера родителей и друзей. Их хвалят и часто вознаграждают за добрые поступки по отношению друг к другу, всячески поощряя вести себя так со всеми, и порицают, когда они поступают иначе. Добрые чувства, постепенно связываемые с родителями, родственниками и друзьями, побуждают детей делать то, что, по их мнению, доставит радость и вызовет одобрение. В дальнейшем, в любых жизненных ситуациях, они обнаруживают, что содействовать счастью других выгодно им самим и к тому же приятно; они видят, что такая линия поведения порождает доброту и уважение по отношению к ним самим, и что язык добрых чувств — это язык цивилизованного общества. Это поощряется еще сильнее, когда они вступают в брак и заводят детей, которые становятся постоянными объектами для проявления благожелательных чувств. По мере того как люди начинают разделять общие интересы в благополучии сообщества, к которому принадлежат, у них появляется стремление жертвовать собственной выгодой ради интересов общества. Так зарождается и растет патриотизм, который, хотя и часто бывает притворным, нередко оказывается искренним. Таким образом у многих людей вырабатывается привычка делать добро своим ближним ради собственного удовольствия во всех случаях, когда веления обычного благоразумия не запрещают этого категорически. Эта привычка, связывая приятные идеи с добрыми услугами, в значительной степени способствует счастью людей в культурном обществе. Даже внешние формы и тон доброжелательности, обычно принятые в высших слоях общества, будучи связанными с приятными чувствами, во многом способствуют тому взаимному удовлетворению, которое люди находят в хорошей компании — даже когда они знают, что эти формы и тона безупречной вежливости мало что значат в плане подлинного великодушия или даже простого благоволения.

Положение 22. Об изящных искусствах и критике.

Из сказанного выше и из того факта, что все наши интеллектуальные удовольствия и страдания — то есть удовольствия и страдания, связанные с нашими ощущениями, идеями, эмоциями, страстями и желаниями, — зависят от ассоциаций, следует, что словесные или письменные изображения, призванные их вызывать, должны следовать обычно наблюдаемому ходу ассоциаций, который возникает в самих обстоятельствах. Их точность в этом отношении станет естественной чертой описания, а отклонение от нее будет считаться ошибкой. Следовательно, те фигуры речи, эпитеты и мысленные образы, которые представляет искусство автора, должны состоять из таких сопутствующих обстоятельств, которые наиболее живо пробуждают необходимые идеи и чувства. Это представляется общим правилом, применимым ко всем частностям, которые мы встречаем в работах критиков.

Положение 23. Об интеллектуальных способностях животных.

Они отличаются от человеческого вида остротой лицевого угла; сравнительно малым объемом мозга; отсутствием или почти полным отсутствием членораздельных звуков; неспособностью — в силу строения их органов — изобретать или использовать механизмы языка; обладанием меньшим количеством средств для получения идей с помощью зрения и той части чувств, которая зависит от кожного покрова; неспособностью писать; неспособностью изобретать или использовать инструменты и орудия искусства; неспособностью совершенствовать свои знания за счет опыта предыдущих поколений, который они не имеют возможности ни накапливать, ни передавать; а также необходимостью постоянного внимания к удовлетворению своих биологических потребностей, от чего многие люди избавлены. Следовательно, их интеллектуальные идеи, радости и страдания в действительности немногочисленны по сравнению с человеческими, в то время как их автоматические или инстинктивные движения и ощущения могут быть по этой причине более совершенными.

Этих обстоятельств, состоящих в различии строения организма или зависящих от него, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы объяснить их интеллектуальное отставание. Давайте исследуем, какие психические явления они демонстрируют на самом деле. Во-первых, у

них та же система органов животной жизни, что и у людей, и аналогичный нервный аппарат. Опыты на позвоночных животных показывают, что разрезание, перевязывание или иное сдавливание нервов оказывает на них такое же воздействие, как и на человеческий вид; и потому мы вправе относить их ощущения и идеи к тому же общему органическому механизму. Множество случаев, процитированных и упомянутых в «Биографии животных» Бингли и во втором томе «Избранных видов» Бронсона, показывают, что животных можно обучать так же, как мы учим детей: на них воздействуют те же ассоциации и те же мотивы удовольствия и боли.

Если мы хотим отучить маленького ребенка или молодого пса справлять нужду в неподобающем месте, разве мы не связываем в обоих случаях ощущение боли с этим обстоятельством, а также с угрозами, выраженными словами, тоном и жестами, которые, по нашему мнению, они способны понять? Как учат свой урок мальчик, или как легавую собаку, или легавую свинью (подобную той, что принадлежала мистеру Тумеру) удерживают от того, чтобы броситься на стаю куропаток, если не через ассоциацию с наказанием? И через поощрение похвалой и наградой, когда они ведут себя хорошо? Существует ли какой-либо иной способ обучения танцующих собак, танцующих медведей или ученых свиней? Следовательно, у них есть ощущения, идеи и ассоциации последних с произвольными движениями. Таким образом, они обладают волей. Рассуждают ли они? Формируют ли они суждение на основе обстоятельств и действуют ли соответствующим образом? Давайте поинтересуемся. Разве не является известным фактом о собаках и кошках, что они крадут еду, когда полагают, что за ними не наблюдают? Прыгнет ли кошка на стол, чтобы украсть мясо, когда стол окружен гостями? И не сделает ли она этого, когда она будет одна в комнате? Кто этого не видел? Когда птица уводит змею подальше от гнезда со своими птенцами — разве это не рассуждение? Когда собака, потеряв хозяина, последовательно обходит места, где тот обычно бывает, чтобы найти его (а со мной такое случалось раз пятьдесят), — что это за мыслительный процесс, если не рассуждение? Разве молодые собаки в стае не полагаются на опыт старых? Когда волки охотятся на оленя, распределяясь так, чтобы эффективно пресечь побег добычи, и загоняют её к реке, где заранее затаились другие волки (охотникам хорошо известно, что такова их обычная практика); когда вороны или гуси назначают стража для стаи, чтобы тот подал

сигнал при приближении чужаков — что это, если не рассуждение? Точно так же, когда собака, не в силах съесть всю оказавшуюся у неё еду, закапывает её (что я часто наблюдал) — разве это не рассуждение?

«Собака часто теряется и находит дорогу домой. Её восприятие направлено на каждый объект вокруг; её память или воспоминание проявляются в том, что она осознаёт, что находится не дома, и стремится туда попасть; её суждение или способность к умозаключению проявляются в поиске пути к дому и выборе именно этой улицы, а не какой-либо другой; её воля — в том, что она решает идти домой, а не оставаться на месте. Эти и подобные факты настолько убедительны, что некоторые авторы, такие как Локк, были вынуждены видеть различие между человеком и животным лишь в том, что первый способен формировать общие или абстрактные идеи, а второе — нет».

«Собаки обычно приходят на зов, кто бы их ни звал; по крайней мере, они прислушиваются к голосу и, кажется, раздумывают, стоит ли идти. Полагаю, никто не станет отрицать, что когда собаку зовут, она соотносит этот голос (если это не голос хозяина) с каким-то другим человеком. Теперь предположим, что незнакомец называет собаку по имени голосом, отличным от голоса хозяина, и собака бежит в ту сторону, откуда доносится звук. Станет ли кто-нибудь утверждать, что в данном случае у собаки нет идеи о некоем человеке, который её зовёт, хотя по условиям самого предположения у неё не может быть идеи о каком-то конкретном человеке, так как голос принадлежит незнакомцу? Если это так, значит, собаки способны формировать общие или абстрактные идеи» (Трактаты Купера). Подобным же образом, если цепная собака, охраняющая дом, услышит шум у двери, сопровождаемый голосами незнакомцев, и залает — возникают ли у неё идеи о конкретных людях или об абстрактных, если она не знает и не видит этих людей?

Эти факты убеждают меня в следующих положениях: животные обладают способностью проявлять психические явления того же рода, что и человеческие, но в меньшей степени и в гораздо меньшем количестве и разнообразии; вследствие этого они почти лишены интеллектуальных удовольствий и страданий (которыми собака, по-видимому, наделена больше, чем любое другое животное); их автоматические движения и некоторые органы чувств порой развиты в большем совершенстве, чем у человека; они не имеют средств для накопления или передачи приобретенных знаний, а также для совершенствования

своих интеллектуальных способностей, за исключением случаев самой низкой степени; и всё это зависит от очень значительного и явного несовершенства их телесной организации, которая не обеспечивает необходимый для этой цели аппарат.

Отсюда с некоторой долей убедительности утверждалось: поскольку не существует никаких доказательств существования человеческой души, кроме тех, что дает человеческое тело; поскольку все так называемые способности души сводятся к состояниям организма и феноменам нервной системы; и поскольку животные демонстрируют явления точно такого же рода, пусть и не столь причудливые или сложные, — то имеется столько же оснований приписывать низшую нематериальную и бессмертную душу животным, сколько и человеку. Ведь в обоих случаях её существование выводится из одного и того же класса явлений. Но где нам провести черту? Готовы ли мы признать наличие души у комара или устрицы?

Однако, по моему убеждению, совершенно очевидно, что никакое медицинское образование не может быть полным, если оно не включает в себя точное представление об ассоциации идей. Это необходимо для того, чтобы указать путь, на котором при усердном поиске можно проследить те ассоциации мозговых и мышечных движений, что зависят от состояния здоровья или болезни. Особенно это касается ассоциаций, связанных с болезненными состояниями внутренних органов, чьи действия в здоровом состоянии инстинктивны, автоматичны, неощутимы и не оказывают заметного влияния на движения мозга. Примером тому могут служить различные формы помешательства. Это также позволит указать на разнообразие ассоциаций и на изменения в нашем образе мыслей и действий, обусловленные различными причинами, вытекающими из темперамента и пола. Случаи истерии могут служить тому подтверждением.

Это также позволит выявить различные цепочки движений, произвольных и автоматических, которые изменяются под влиянием здоровья или болезни, как отмечал Дарвин. Развивая его ход рассуждений по этому вопросу, я полагаю, что это ведет к пониманию истоков периодичности заболеваний. По всем этим вопросам следует изучить первый том работы Гартли «О человеке», «Зоономию» Дарвина и превосходный труд доктора Кабаниса «Отношение физического и нравственного в человеке» (*Rapport du Physique avec le moral de l'homme*). Лекции доктора Раша содержат много интересных фактов, явно со-

бренных с этой целью; они изложены весьма осмотрительно, но с большой силой и талантом, а также представляют значительный интерес для широкой публики. У медицинской школы Филадельфии действительно есть глубокие основания сожалеть об утрате этого поистине великого человека. И другим, и мне хорошо известно, что доктор Раш отвергал гипотезу о существовании души для объяснения психических явлений.

Совершенно очевидно, что любые метафизические изыскания в области феноменов, именуемых психическими, не представляют собой ничего более, кроме словесной войны спорщиков, не знающих фактов, — если только эти изыскания не проводятся сначала путем выяснения того, как много можно объяснить известными явлениями и признанными свойствами нашей телесной системы, прежде чем вводить для этой цели какую-либо гипотезу. Я без колебаний утверждаю, что ни один хороший физиолог (каким является или должен быть каждый врач) не сможет прочесть метафизический трактат клерикальной школы былых или современных времен, от святого Августина до доктора Коплстона, без отвращения. Я не отрицаю большого таланта или исключительной остроты ума таких людей, как Гоббс, Брэмхолл, Кларк, Джексон, Коллинз, Эдвардс, Такер, Коплстон, Браун и другие, однако они не начинают с фундамента. Они не излагают четко, каковы телесные явления, имеющие отношение к предмету, — насколько далеко они позволяют продвинуться в объяснении фактов и где они останавливаются. Они не осознают, что функции организованной части тела являются неотъемлемыми свойствами этого органа; они возникают из него, зависят от него и сущностно ему принадлежат. Очевидно, что эти авторы пребывают в полном неведении относительно важнейших фактов, касающихся данной темы, и потому, если они и оказываются правы, то лишь по воле случая. Современное знание не удовлетворится настойчивыми и упрямыми утверждениями, основанными на неполной информации, а пустые словопрения не сойдут за физиологию.

Из предшествующего краткого очерка об ассоциации идей (который, я надеюсь, побудит к прочтению трудов Гартли и Дарвина, а не заменит их) становится очевидно:

Что она представляет собой перечисление фактов, происходящих в тканях, из которых состоят наши тела, и зависящих от законов живой организации.

Что мы не знаем, как и каким именно образом возникают ассоциации мозговых и мышечных движений — так же точно, как не знаем, как происходит пищеварение, усвоение пищи, секреция и тому подобное. Постепенное накопление и сопоставление наблюдаемых явлений нашими потомками, возможно, позволит глубже заглянуть в эти тайные механизмы природы, а возможно, и нет. Однако факты остаются фактами и будут таковыми вне зависимости от того, сможем ли мы или наше потомство их объяснить.

Что ассоциация идей удовлетворительно объясняет, каким образом мы обретаем знания через соотнесение взглядов, интонаций, жестов, слов и фраз с природными объектами любого рода, с интеллектуальными функциями нервной системы, а также с телесными эмоциями, страстями и другими феноменами. А также:

Каким образом свойства, общие для множества объектов, порождают абстрактные термины, которые затем используются для обозначения совокупности реальных характеристик, заключенных в их значении, и служат для сокращения рассуждений — подобно буквам в математических формулах или положительным и отрицательным знакам в алгебре.

Что если в алгебре и математике точное значение используемых знаков всегда строго фиксировано и соблюдается неукоснительно, так что ни один сбой в цепи рассуждений не может возникнуть из-за отклонения от смысла, то абстрактные понятия, вносящие путаницу в современные словопрения об идеологии, онтологии, психологии и других ветвях метафизики, не были столь четко зафиксированы и не используются столь же строго. В результате один автор под определенной фразой — например, под словом «идея» — подразумевает одно, а другой автор — совсем иное; и ни один из метафизиков не проследил так дотошно происхождение, не дал строгого определения и не использовал столь последовательно абстрактные термины, которые он использует, так, чтобы избежать этого всеобщего источника неточностей и путаницы. Это происходит из-за их склонности олицетворять абстрактные идеи, которые являются лишь словами, а не вещами, — а также из-за использования ими выражений, затрагивающих анатомические и физиологические факты, без достаточного знакомства с анатомией и физиологией. В качестве примера противоположного и достойного похвалы подхода я сошлюсь на предыдущую работу Бруссе «О раздражении и безумии».

Учение об ассоциации идей полностью, ясно и убедительно объясняет подлинное происхождение и формирование тех представлений и привычек, которые называют нравственным чувством, совестью, естественным пониманием добра и зла и так далее. Оно неопровержимо доказывает, что они формируются постепенно в процессе нашего воспитания, обучения и общения с миром, а не являются врожденными для человеческого рода, как пыталась бы убедить нас шотландская школа вслед за отцом Буффье. Ведь если бы это было так, подобные инстинкты проявлялись бы повсюду одинаково. Таким образом, мы получаем ключ к истинному смыслу таких понятий, как моральное обязательство, право, ложь, добродетель, порок, долг и прочее, четко прослеживая тот класс действий, с которыми эти слова были связаны и ассоциированы, — а именно те действия и правила поведения, которые людям в обществе выгодно навязывать друг другу и которые с помощью законов и силы общественного мнения заставляют каждого отдельного члена сообщества находить собственный долгосрочный интерес в следовании им.

Во всех вопросах вкуса — будь то живопись, скульптура, архитектура, литература, ораторское искусство, поэзия или критика — основополагающее правило состоит в том, чтобы обнаружить те естественные и привычные ассоциации, которые способны произвести желаемый эффект. Ибо если автор отходит от них, он в той же мере нарушает правила хорошего вкуса. Я уже приводил тот весьма забавный пример безупречного и естественного вкуса в использовании ассоциации идей, который дал Шекспир в перечислении миссис Куикли, обращенном к сэру Джону Фальстафу во второй части «Генриха IV», акт 2, сцена 1.

На основе этого учения можно объяснить естественную связь взглядов, интонаций и жестов в драме и ораторском искусстве, и особенно в пантомиме или балете. К нему же можно отнести любую здравую критику тропов, метафор, аллегорий, сравнений и всякого рода украшений в литературе и искусстве. Все искусство ландшафтного садоводства опирается на принципы, предоставленные этим разделом физиологии; оно учит нас необходимости гармонии во всех наших композициях и вымыслах, предостерегая от нескладных и противоречивых образов, в которые так часто впадают поэты и художники, смешивая в одной ассоциации возможное и невозможное, естественное и искусственное, священное и мирское, а также совершая бесчисленные

иные нарушения естественного приличия и исторической достоверности, на которых у меня нет места останавливаться подробно.

Теперь я мог бы перейти к отдельному рассмотрению некоторых других результатов должного изучения обсуждаемых явлений — например, вопросов свободы и необходимости. Но этот вопрос не представит трудностей для тех, кто читал Бруссе и мое примечание на эту тему в трактате о материализме. Тем, кто желает ознакомиться с опровержением того, что по невежеству называют «свободой воли», можно порекомендовать первый том труда Гартли «О человеке», трактат Энтони Коллинза «О свободе и необходимости», небольшое рассуждение Гоббса на ту же тему в его работе «Трипос», сочинение Пристли «О свободе и необходимости», а также труды Джонатана Эдвардса из Новой Англии. Однако для физиолога всё это чтение будет излишним.

Каким образом и через какой органический механизм происходит эта ассоциация и сцепление ощущений, идей, волевых актов и движений мозга друг с другом — какова непосредственная логика этого процесса — кто может сказать? Я не претендую на то, чтобы предложить какое-либо объяснение этому или, в сущности, любым другим нервным явлениям. Тем не менее, факты остаются фактами, независимо от того, объяснены они или нет. Те комбинации материи и движения, которые мы можем составить, объясняют жизнь растения ничуть не лучше, чем волю человека; однако ни в одном, ни в другом случае мы в действительности не видим ничего иного, и у нас нет ни малейших доказательств того, что здесь задействовано что-то еще. Утверждать, будто материя и движение не способны вызвать пугливое сжатие стыдливой мимозы или бегство ребенка от неприятного объекта, — значит, по меньшей мере, весьма самонадеянно ограничивать силы природы рамками, продиктованными нашим собственным невежеством.

КОНЕЦ